

ния однорядная или многорядная. Все орнаментальные мотивы по поверхности сосудов нанесены в виде горизонтальных зон или рядов. Также при анализе учитывались и зоны размещения мотивов орнамента (от 1 до 6), считая от венчика сосуда.

Результаты статистического анализа показывают, что для имеющейся базы данных, с уровнем надежности в 97,0%, наиболее распространенными являются следующие мотивы орнамента: **заштрихованный треугольник вершиной вниз и вершиной вверх** (соответственно, 19% и 20%); **клиновидные и каплевидные насечки** (соответственно, 17% и 11%); **зигзаг однорядный (21%), двухрядный (15%) и многорядный (9%); 2 и 3-рядная горизонтальная линия (23%)**. Все остальные мотивы отмечены единично и существенного значения для анализируемой выборки не имеют.

Следующий этап анализа — статистическая корреляция элементов орнамента, которая может иметь положительное значение (если элементы действительно коррелируются (т.е. встречаются на одном объекте) или отрицательное значение, если элементы не встречаются на одном сосуде или их встреча — не закономерна. Результаты получились следующие (по степени снижения частоты встречаемости на одном сосуде): наиболее распространенным элементом орнамента на погребальной керамике срубного населения Приуралья являются **горизонтальные линии**, обнаруживающие устойчивый коэффициент корреляции практически со всеми остальными элементами, колеблющийся в диапазоне от 0,14 (парный горизонтальный зигзаг) до 0,02 (незаштрихованные треугольники)¹. Положительный коэффициент взаимовстречаемости обнаруживают также **вертикальные ёлочки с вертикальной линией (0,3)**, с **рядами круглых ямок (0,10)**, **горизонтальной лентой (0,17)** или с **треугольниками вершиной вверх (0,06)**); **заштрихованные треугольники вершиной вверх с треугольниками вершиной вниз (0,26)**; **однорядный горизонтальный зигзаг с незаштрихованным треугольником (0,22)**; **заштрихованные ромбы с рядами бесформенных ямок (0,17)** и они же — с **резным однорядным зигзагом (0,16)** или **овальными насечками (0,07)**; **двухрядный зигзаг с незаштрихованным ромбом (0,10)**; **заштрихованный ромб — с однорядным зигзагом (0,16)**, **бесформенными ямками (0,17)**, **овальными насечками (0,07)**, **горизонтальной лентой (0,07)**; **незаштрихованный ромб — с клиновидными насечками (0,24)**, **многорядным (0,16)** или **двухрядным (0,10) зигзагом**.

Парная корреляция элементов орнамента предполагает наличие орнаментальных композиций. Действительно, из всей совокупности элементов орнамента статистически выделяются три орнаментальных группы: 1 — сочетание заштрихованного ромба с горизонтальной линией и однорядным горизонтальным зигзагом (Малиновский, Маклашеевский-III могильники); 2 — заштрихованные треугольники вершиной вниз, заштрихованный ромб и горизонтальная линия (Чишминский, к.3, п.5); 3 — заштрихованные треугольники вершиной вверх и вниз и горизонтальная линия (Санзяповский — I, к.3, п.1; Ишпарсовский, Чишминский, к.5, п.2). Характерно, что композиция перечисленных элементов орнамента во всех случаях индивидуальна, то есть, зоны их нанесения по поверхности сосуда чередуются произвольно.

Все остальные элементы орнамента обнаруживают между собой только парную корреляцию.

Приведенные факты, таким образом, позволяют предполагать, что известные на погребальной керамике срубной культуры Приуралья орнаментальные мотивы едва ли представляли собой пиктограммы и изучение их семантики может осуществляться с помощью данных исторической этнографии.

Научный руководитель — Г.Т. Обыденнова

1 Высокая частота встречаемости горизонтальных линий объясняется, по-видимому, тем, что они выступают в качестве разделительных зон для других элементов орнамента.

Е.В.Аман
(Сургут, Сургутский государственный педагогический институт)

К вопросу о формировании сузгунской культуры.

Проблемы формирования новой культуры в археологической науке всегда наиболее значимы, так как сложно найти то промежуточное звено, в котором проявляется данный процесс. Наиболее часто встречаются памятники, принадлежащие к той или иной культурно-исторической общности, но это не дает полного представления о переходном моменте в процессе сложения археологических культур. Появление памятников, существовавших в период формирования новых культур является важным моментом в археологии, так как в них проявляются многие, уже существующие, традиции и вновь появляющиеся, качественно новые, не похожие на прежние. Это, в свою очередь, дает возможность изучать влияние одних культур на формирование других.

Именно таким материалом представляется нам памятник Нижняя Тунуска III (назван так по реке Нижняя Тунуска, которая является правым притоком реки Тары в Омской обл.) раскопанный в 1996 г. под руководством И.Г. Глушкова.

Керамический материал данного памятника представлен плоскодонными сосудами в основном баночной формы. В результате статистического анализа было выделено 5 типов сосудов.

1 тип – сосуды открытой баночной формы (17,5%).

2 тип представлен сосудами баночной формы с раздутым туловом и невысокой шейкой (25,4%).

3 тип – сосуды слабопрофилированной горшковидной формы с высокой шейкой (20,6%).

4 тип составляют сосуды горшковидной формы с прямой шейкой и слегка раздутым туловом (7,9%).

5 тип представлен сосудами закрытой баночной формы (28,6%).

При изучении моделей форм сосудов очевидно, что преобладающая форма в комплексе памятника – это баночная, но наряду с ней существует и горшковидная. Как известно, баночная форма не является типичной для посуды Сузгунской культуры. В большей степени она характеризует раннебронзовый гребенчато-ямочный компонент 1 пол. – сер. II тыс. до н. э. Ее высокий удельный вес в комплексе НТ-III свидетельствует о глубоких корнях, которые обнаруживает керамика данного памятника гребенчато-ямочной традиции таежной зоны.

Диаметр сосудов колеблется от 16 до 36 см., но преобладающим является 20-24 см. Чаще всего орнамент наносился на всю боковую поверхность сосудов. В ряде случаев украшались днища и срезы венчиков.

Орнаментальные композиции выполнены в основном гребенчатым и гладким штампами, гораздо реже встречаются прочерченная и резная техника нанесения орнамента. Неотъемлемым элементом декора, своего рода разделительным пояском, являются ряды ямок круглой формы. В целом, орнаментальная композиция не сложна и не очень разнообразна. Она строится за счет чередования одних и тех же элементов узора.

Всего для декоративного анализа было отобрано 64 фрагмента венчиков и по ним выделен 31 орнаментальный мотив.

Используя статистическую обработку, были выделены группы мотивов, образующих орнаментальные ядра:

1 ядро представлено взаимосвязанными элементами прочерченной горизонтальной линии, прочерченными горизонтальными рядами и косо поставленной гребенки.

2 ядро – это сочетание горизонтального гребенчатого штампа и равнобедренных треугольников со штриховкой из косопоставленных насечек.

3 ядро характеризуется сочетанием горизонтальных рядов гладкого штампа и вдавлений (аморфной формы).

4 ядро представлено валиком, вертикальной качалкой, наклоненных под углом гребенчатых 4-х угольников и гребенчатого иксообразного штампа.

5 ядро – это наиболее сложное сочетание орнаментальных мотивов: на периферии этого ядра находятся такие орнаменты как слабовыраженный рельеф, вдавления, гладкие гребенчатые зигзаги, разделительная полоса, резная сетка и другие.

В анализе памятника НТ-III целесообразно учитывать 3 основных ядра (2,4,5). Признаки 1 и 3 ядер в данном памятнике не являются ярко выраженными, так как были выделены за счет редкой встречаемости, соответственно, они не являются типобразующими. Возможно, это объясняется слабым влиянием других орнаментальных традиций. Каждая группа признаков обладает определенной культурной спецификой, при рассмотрении которых мы и попытаемся проследить процесс формирования Сузгунской культуры. Все исследователи, касаясь этой проблемы, отмечают взаимодействие 2-х орнаментальных традиций: местной, гребенчато-ямочной и пришлой, андроновидной. Сузгунская культура была выделена по одному памятнику – Сузгун II, отличающемуся от всех известных на то момент, специфическими орнаментальными признаками, впервые представленными в типологии В.И.Мошинской. Появление последующих памятников лишь подтверждает эту классификацию.

В частности, 5 ядро по характеру выполнения можно соотнести именно с сузгунской традицией. Здесь проявляются наиболее типичные сузгунские элементы, например, разделительная полоса и рельеф. Хотя наличие резной сетки в этом же ядре, характерной для ирменской культуры, свидетельствует, хоть и не о ярком, но взаимодействии орнаментальных традиций.

Во 2 ядре проявляется взаимосвязь гребенчато-ямочного компонента и андроновидного (заштрихованные треугольники). Такое сочетание, собственно, и характеризует Сузгунскую культуру (характерная черта керамики Сузгун-II).

Последняя значимая орнаментальная группа признаков – это сочетание раннебронзовых традиций южно-таежной и лесостепной зоны. Хотя, в целом, присутствие валиковой керамики не характерно для Сузгунской культуры и наиболее ярко выражено в кротовской (ее особенность) и памятниках Самусько-сейменской эпохи.

Таким образом, при рассмотрении взаимосвязи орнаментальных признаков керамического комплекса НТ-III очевидна разобщенность культурных традиций. В связи с тем, что в орнаментальных группах нет четкой взаимосвязи, можно предположить, что в данном памятнике прослеживается процесс формирования культурной структуры. В связи с наличием в памятнике раннебронзовых традиций и андроновских элементов, речь идет о формировании Сузгунской культуры и взаимодействии андроновидных таежных традиций. Интересно отметить, если поселение НТ-III представляет собой наиболее ранний памятник сложения Сузгунской культуры, то для этого этапа, судя по керамике, характерен высокий удельный вес гребенчато-ямочных мотивов. На последующих этапах развития сузгунской посуды их роль заметно снижается – остаются лишь ямочные вдавления, и то повторяющие схему андроновидного декора.

Ярко выраженной андроновской орнаментальной схемы в памятнике не прослеживается, хотя наличие геометризма в сочетании с другими орнаментами выражает собственно андроновидные мотивы.

О наличии разных культурных групп в памятнике свидетельствует не только сходство деталей в декоре керамики, а так же и то, что место расположения памятника является пограничной географической областью (Южный Урал, Казахстанские степи и Западносибир-

ская тайга). Это, в свою очередь, не могло не наложить отпечаток на культурную принадлежность керамического комплекса НТ-III.

Учитывая выше перечисленные орнаментальные аналоги, целесообразно предположить примерную датировку памятника.

Итак, статистика показала, что по мотивам орнаментации комплекс делится на орнаментальные группы. Гребенчато-ямочная керамика в хронологическом отношении расположена между посудой Одиновского типа и слоем начального этапа андроновской орнаментальной традиции. Наличие валика на сосудах и форм близких к кротовской посуде свидетельствует о влиянии данной культуры, а так же проявление геометризма в орнаментации дают возможность отнести памятник НТ-III к периоду зарождения Сузгунской культуры, что еще раз подтверждается наличием элементов декора, ставших классическими в поздних памятниках Сузгунской культуры.

Таким образом, опираясь на периодизацию Потемкиной Т.М., Корочковой О.Н., Стефанова В.И., которые полагают, что в XI в. до н.э. Сузгунская культура уже существовала, и, учитывая наличие различных орнаментальных традиций в памятнике, можно отнести данный комплекс к Предсузгунскому этапу, то есть к этапу зарождения этой культуры.

Научный руководитель – д.и.н. И.Г. Глушков

Г.А. Лапенко

(Сургут, Сургутский педагогический институт)

Культурно-хронологическая интерпретация керамического комплекса поселения Бергамак – 24

В конце 2 тыс. до н.э. в ранней андронидной культурной общности происходит формирование сузгунской культуры – одной из ярких культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири. К настоящему времени известно множество памятников, которые относят к данной культурной традиции.

Цель сообщения – определить место комплекса Бергамак – 24 (Омск.обл., правый берег р.Тары) в системе других сузгунских памятников Западной Сибири.

С целью анализа материала была проведена статистическая обработка керамического материала памятника: с использованием математических методов сделана классификация посуды, выявлены значимые признаки и связи. Анализ результатов с учетом сравнительных данных позволил прийти к следующим выводам.

Поселение Бергамак – 24 определенно вписывается в круг западносибирских сузгунских памятников, можно также с уверенностью сказать, что данный комплекс относится к позднесузгунскому периоду. На основании статистических методов удалось графически представить декоративную структуру орнаментальной традиции, выделить некоторые орнаментальные группы.

Одна группа – позднесузгунская – демонстрирует «сплав» гребенчато – ямочной и андронидной традиции), другая группа тяготеет к ирменской орнаментальной традиции; причем данный декоративный стандарт представлен не чистыми ирменскими чертами, он осложнен признаками неирменского происхождения.

В результате анализа проявились не только сильные положительные, но и сильные отрицательные связи между декоративными признаками. В основном, взаимоотрицание признаков наблюдается между сузгунским и ирменским декоративными стандартами. Причем ни одна из выделенных групп не имеет плотного ядра. Можно сделать вывод, что ирменская традиция играла большую роль не только во время формирования данного поселения, но и во время его функционирования. В результате анализа были выделены наиболее значи-

мые орнаментальные мотивы, игравшие ведущую роль в сложении данного керамического комплекса. Они имеют как сузгунское, так и ирменское происхождение (неорнаментированная дорожка, зацепы и другие).

Учитывая то обстоятельство, что памятник Бергамак – 24 демонстрирует достаточно тесные контакты сузгунского и ирменского населения, следует обратить внимание на наличие ирменского компонента и в других сузгунских памятниках.

Посуда поселения Бергамак – 24 находит близкие аналогии в керамике других сузгунских комплексов (Сузгун 2, Чудская Гора и др.). Первая и вторая модели сосудов поселения Бергамак – 24 отражены во всех известных на сегодняшний день сузгунских памятниках и эти типы можно назвать «классическими» для сузгунской традиции. В целом, посуда, аналогичная третьей и четвертой моделям, а также миниатюрная посуда характерны для более позднего периода сузгунской культуры. В связи с этим можно предположить, что сузгунское поселение Бергамак – 24 сосуществовало одновременно с населением, культуру которого отражает керамический материал верхних слоев Чудской Горы (Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995, с.51) и культового места Сузгун 2 (Мошинская В.И., 1957, с.120) а также с сузгунско-ирменским комплексом поселения Алексеевка – 21 (Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997, с.173). Это памятники, где можно наиболее полно проследить взаимоотношения сузгунских и ирменских культурных традиций, а также их развитие. Вместе с тем существуют некоторые особенности. Ни на одном сузгунском памятнике не представлены такие формы сосудов, как слабопрофилированный горшок, закрытая банка (последняя представлена лишь на посуде из Новочекино 3). Причем, на Бергамаке – 24 закрытые банки сохранили в более чистом виде гребенчато-ямочную традицию. Хочется отметить еще одну закономерность. Керамический материал поселения Бергамак – 24 в отличие от других памятников характеризуется несоответствием сочетания формы и орнамента, свойственных «сузгунскому стандарту» (либо декор не соответствует стандарту формы, либо форма не соответствует сузгунской схеме). Например, 1 и 2 типы сосудов поселения Бергамак – 24 по форме аналогичны 1 и 2 типам сосудов комплекса Сузгун 2 (Мошинская В.И., 1957, с.120), но наблюдаются отчетливые различия в орнаментике, причем иногда эти различия очень резкие). Можно сказать, развитие и трансформация посуды Бергамак – 24 идет по индивидуальной схеме, отличной от других комплексов. Вместе с тем, подтверждается общее положение, что сузгунская культура как результат развития южной андроновидной и местной гребенчато-ямочной традиции вступает в контакт с ирменскими коллективами. Изучаемый комплекс испытал наибольшее влияние ирменской традиции, чем такие сузгунские комплексы, как Сузгун II, Чудская Гора, Красная Гора, Тап I. В этом смысле поселению Бергамак – 24 наиболее близок памятник Алексеевка – 21, где ирменская традиция также проявилась в сильной степени. Различная доля ирменского компонента в сузгунских памятниках объясняется, скорее всего, их месторасположением: памятники Бергамак – 24 и Алексеевка – 21 находятся в Среднем Прииртышье, Сузгун 2 – в Нижнем Прииртышье; соответственно, первые испытывают большее влияние розановских иртышских традиций. Сосуществование и активное взаимодействие сузгунского и ирменского населения привело к синтезу их культуры, данный процесс и демонстрирует керамика поселения Бергамак – 24.

Учитывая результаты анализа керамического комплекса поселения Бергамак – 24, датировку наиболее известных сузгунских памятников, а также время проникновения ирменских коллективов из лесостепного в таежное Прииртышье, можно изучаемый памятник условно назвать позднесузгунско – ирменским и хронологически отнести к 9 – 8 вв. до н.э.

Научный руководитель – д.и.н. И.Г. Глушков

Смышляев А.Ю.
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

Сравнительная характеристика погребального обряда андроновидных культур

На обширной территории Западно-Сибирской лесостепи, от Уральских гор на западе, до Енисея на востоке, на периферии андроновского мира, сложился массив культур андроновидного облика. Схожие географические условия: лесостепь, контактирующая с южной тайгой на севере и с широкой полосой степей на юге, а также разветвленная речная система, которая является отличной транспортной магистралью способствовали сложению на этой обширной территории культурного единства. Сочетание природных факторов позволяло древнему населению вести комплексное хозяйство. Не малую роль в сложении этого единства играли андроновские племена, продвигавшиеся на юго-восток, и принесшие с собой новые социально-экономические отношения, и новые элементы мировоззрения.

На современном этапе, погребальный обряд андроновидных культур достаточно подробно освещен в работах Боброва В.В., Косарева М.Ф., Матющенко В.И., Троицкой Т.Н. и др. (Бобров, 1995; Косарев, 1987; Матющенко, 1974; Троицкая, Софеев, 1990; Обыденнов, Шорин, 1995). Тем не менее, до настоящего времени не предпринята попытка комплексного анализа погребального обряда всего массива андроновидных культур, с целью выявления общих элементов.

Одной из важнейших операций по подготовке погребального памятника к аналитическому исследованию является выделение ряда характерных признаков. Подобное выделение вполне допустимо, и более того совершенно необходимо, так как погребальный памятник есть структурно сложный объект. При этом следует иметь в виду, что анализу подвергается объект в значительной мере поврежденный воздействием природной среды, а не редко и самим человеком, и к моменту исследования утративший часть своих элементов. Таким образом, «погребальный памятник в источниковедческом плане, далеко не идентичен погребению в момент его совершения» (Ольховский, 1995).

Надмогильные сооружения. На наш взгляд, надмогильные сооружения, являясь важной частью погребального комплекса, тем не менее, не выступают в качестве основополагающего признака. Во-первых, для андроновской культуры известны как курганные, так и грунтовые могильники; как погребения с оградкой, так и без нее (Бобров, 1988; 1992; Геннинг, 1977; Зах, 1997; Косарев, 1981; 1987; Матющенко, 1973; Молодин, 1985; Сальников, 1967). Во-вторых, отсутствие грунтовых могильников в андроновидных культурах, может в равной степени говорить о том, что традиции данной культуры не знали практику сооружения грунтовых могильников, и о том, что в настоящее время археологической науке не известны грунтовые погребения данной культуры. Мы же в своих исследованиях оперируем только известными нам данными.

Погребальная камера. Анализируя полученные данные, можно выделить ряд общих черт. Во-первых, изменение размеров ям в зависимости от физических характеристик умершего. Во-вторых, тенденция уменьшения глубины могильной ямы в погребениях. Погребения еловского, черкаскульского и корчажкинского населения совершались преимущественно при небольшом углублении в материк, или на уровне древней дневной поверхности (Бобров, 1995; Матющенко, 1974; Троицкая, Софеев, 1990; Шорин, 1988). В-третьих, для некоторых андроновидных культур, а именно, для еловской и корчажкинской, можно говорить о сохранении андроновской традиции сооружения в могильных ямах дополнительных конструкций (каменные обкладки, цисты, деревянные срубы и перекрытия), в то время, как для черкаскульской культуры эта традиция, возможно, утрачена (Бобров, 1995; Матющенко, 1974).

Погребальный обряд. Андроновская культура дала три варианта погребального обряда. Это обряды трупоположения, трупосожжения и сочетание в одной могиле кремации и ингумации (Молодин, 1985; Хлобыстина, 1976).

Можно отметить, что в андроновидных культурах происходит уменьшение роли кремации, в сторону увеличения ингумации (андроновская культура – кремация – 47,4%; ингумация – 49,5%; сочетание кремации и ингумации в одной могиле – 3,1%; еловская культура – кремация – 89,3%; ингумация 10,7%; в корчажкинской культуре все известные погребения совершены по обряду ингумации). Примерно одинаковое соотношение обрядов на еловском I и II могильниках связано, по-видимому, с тем, что эти памятники смешанного типа. Наряду с еловскими в них встречаются андроновские и ирменские погребения, что может свидетельствовать о сосуществовании этих культур, и, возможно, о их взаимовлиянии (Матющенко, 1973; 1974).

Использование огня в погребальном обряде. В отличие от андроновской культуры, где огонь в погребальном обряде играл важную функцию не только в случае кремации умершего, но и при возведении могильного комплекса (Аванесова, 1973; Генинг, 1977), в андроновидных культурах обряды, связанные с огнем, были менее распространенными (Бобров, 1995; Матющенко, 1974).

Ориентация погребений. Многие исследователи отмечали, что ориентация погребений в андроновидных культурах отличается от традиционной андроновской, вытянутой по линии св – юз (Бобров, 1995; Косарев, 1981; 1987; Матющенко, 1974; Обыденнов, Шорин, 1995; Шорин, 1988). Большая часть погребений еловской, черкаскульской и корчажкинской культур ориентированы на восток, с незначительными отклонениями к югу или северу (Табл. №1).

Сопутствующий инвентарь. Основным инвентарем в погребениях андроновской культуры являются сосуды. Бронзовые и костяные изделия представлены исключительно украшениями. Вероятно, в андроновском обществе существовал запрет на захоронение вместе с умершим орудий труда (Бобров, 1992). Орнамент сосудов и их количество в одной могиле зависело от социального статуса умершего и половозрастной дифференциации андроновского общества (Хлобыстина, 1989; Бобров, 1990). Среди украшений, наиболее распространены височные кольца и бусины. Встречаются украшения из золота и серебра, представленные, как правило, кольцами. Встречаются украшения из клыков хищников и сверленных раковин, в редких случаях встречаются кинжалы и вотивные топоры (Косарев, 1981, 1987; Молодин, 1985).

Погребения андроновидных культур отличаются, в первую очередь, тем, что допускают присутствие орудий в погребениях, хотя количество их не значительно. Можно увидеть, что погребальный инвентарь андроновидных культур имеет ряд общих черт с инвентарем андроновской культуры – преобладание посуды в качестве сопроводительного инвентаря. Тенденция на увеличение количества сосудов в одной могиле, а так же зависимость количества сосудов и богатство орнаментов, украшающего их, от социального статуса погребенного и возрастной дифференциации общества (Табл. №2)

Таким образом, в погребальном обряде андроновидных культур можно выделить ряд общих черт, связанных с андроновской культурой, а так же ряд черт, связанных с местными традициями. К числу первых можно отнести следующие элементы погребального обряда:

1) общая тенденция расположения погребальных памятников на побережье рек или водоемов;

2) возрастная и социальная дифференциация общества при сооружении могильного комплекса: это захоронение детей на отдельном, как правило, грунтовой могильнике, или у края оградок, в то же время, присутствие в некоторых детских погребениях инвентаря, более богатого, чем во взрослых погребениях;

Таблица №1. Ориентация погребений.

	андроновская культура	еловская культура	черкаскульская культура	корчажкинская культура
ЮЗ;ЗЮЗ	75%	39%	0%	0%
З	9,5%	0%	7%	0%
СЗ,ЗСЗ	9,5%	0%	0%	0%
СВ	3%	3%	93%	52,6%
В	0%	3%	0%	21,%
ЮВ,ВЮВ	0%	37%	0%	21%
Ю	3%	18%		5,4%

Таблица №2. Соотношение количества сосудов в одной могиле.

	андроновская культура	еловская культура	черкаскульская культура	корчажкинская культура
1 сосуд	43%	33,3%	78%	82%
2 сосуда	26,3%	20%	22%	15%
3 сосуда	7,5%	10%	0%	3%
4 сосуда	8,3%	13,3%	0%	0%
5 сосудов	4,3%	3,3%	0%	0%
6 сосудов	0%	3,3%	0%	0%

3) наличие каких-либо конструкций в могиле: деревянной или каменной обкладки, деревянного перекрытия;

4) совершение захоронений по обряду кремации или ингумации в скорченном положении на боку;

5) использование огня в погребальном обряде не только в том случае, когда погребение совершалось по обряду кремации, но и в случае совершения захоронения по обряду ингумации, во время возведения кургана.

6) ориентация погребений по линии северо-восток – юго-запад, с незначительными отклонениями;

7) запрет на помещение в могилу орудий труда или охоты, большое количество керамики среди погребального инвентаря, присутствие в погребениях украшений из кости, бронзы, золота и серебра.

К местным традициям, на наш взгляд, можно отнести следующие элементы погребального обряда:

1) тенденция к уменьшению глубины могильной ямы. Погребения в андроновских культурах совершались при незначительном углублении в материк, или на древней дневной поверхности;

2) уменьшение роли кремации в погребальном обряде, и изменение позы при совершении захоронения по обряду ингумации. Погребенные лежат в скорченной позе, но не на левом, а на правом боку.

3) изменение ориентации. Погребения андронидных культур ориентированы головой на северо-восток, восток и юго-восток;

4) присутствие в могилах в качестве сопроводительного инвентаря не только керамических изделий и украшений, но и орудий труда и охоты.

Настоящая работа не претендует на окончательное решение рассматриваемой проблемы. Она является определенным этапом в изучении культур андроновского времени. Новые археологические исследования, введение в научный оборот новых археологических источников по погребальному обряду культур андроновского облика позволят продолжить работу в данном направлении.

Научный руководитель – д.и.н. В.В. Бобров

А.С. Овечкин

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Украшения андроновской культуры могильника Чекановский Лог-10.

Во время проведения аварийных раскопок под руководством М.А. Демина, в полевых сезонах 1999-2000 гг., отрядом Гилевской археологической экспедиции на могильнике Чекановский Лог-10 были найдены украшения из бронзы и золота. Памятник расположен на правом берегу Гилевского водохранилища, в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5-1,7 км к юго-востоку от села Корболиха (Демин М.А., Ситников С.М., 1999, с.59). Здесь были обнаружены две серьги с раструбом, подвески в полтора оборота, две кольцевидные подвески и нагрудное украшение, состоящее из «лапчатой» привески, двух рядов пастовых бус, пяти пронизок и трех обоймочек.

В могиле 4, в районе левого уха девятилетнего ребенка, была обнаружена цельнолитая золотая серьга с раструбом, округлой формы, диаметром около 30 мм. Один конец серьги заострен, а другой сделан в виде конусовидного расширения, полого внутри. На стенке раструба имеется замок, в виде отверстия диаметром около 1 мм, куда входит крючковидный, заостренный конец серьги. Аналогичная цельнолитая золотая серьга с раструбом была и в могиле 24. Ее диаметр равен 40 мм, а диаметр раструба 12 мм.

В могиле 7 сохранились две кольцевидные подвески. Одна из них сохранилась полностью и находилась в положении *in situ* на правой височной кости черепа, другая, видимо, при ограблении была перемещена от левой височной кости в центральную часть могилы (она сохранилась лишь частично). Полностью сохранившаяся подвеска сделана из бронзового, удлиненного и круглого в сечении стержня, а сверху обернута золотой фольгой. Оба окончания подвески украшены десятью слабо заметными насечками. Центральная ее часть шире, чем окончания примерно в два раза, причем одно из них заострено, но в то же время нет признаков того, что другое могло служить коническим приемником. Ее диаметр составляет 44 мм, а ширина стержня по центру 4 мм. Другая подвеска сохранилась лишь на две трети и по оформлению и конструкции аналогична первой.

В могиле 2 погребения 2 вместе с остатками женского костяка обнаружены две желобчатые подвески в полтора оборота. Они сделаны из желобчатой, бронзовой пластины, а сверху покрыты золотой фольгой. Их средняя часть относительно узкая, а к концам идут ложечковидные расширения. Аналогичные подвески, но полностью бронзовые, найдены в женском погребении (по пять с обеих сторон черепа), в районе головы в могиле 2 погребения 1. В другой части этого же погребения найдены: «лапчатая» привеска, пастовые бусы в две снизки (в каждой из них по пять бочковидных бусин), пять золотых пронизок и три обоймочки, которые составляют, скорее всего, нагрудное украшение, детали которого крепились на ленточку. Близкие женские ювелирные изделия были у средневожских абашев-

цев (Пряхин А.Д., Халиков А.Х., 1987, с.224, рис.62). Следует отметить, что Аванесова считает подвески этого типа головными украшениями (Аванесова Н.А., 1999, с.61). Основная деталь украшения – «лапчатая» привеска, которая представляет собой рельефную трапецевидную пластину из бронзы, покрытую золотым листом. На концах пластина украшена четырьмя бородавчатыми выпуклостями, причем одна из них сохранилась лишь наполовину. В верхней части привески, на всю длину, имеются три рельефных выступа. Размеры пластины 28 X 15 мм.

В основном, описанные украшения хорошо сохранились и у большинства из них можно определить время бытования. Так, серьги с раструбом, по мнению некоторых исследователей, являются специфической особенностью федоровских памятников (Аванесова Н.А., 1991, с.53; и др.). Аналогичные серьги найдены в Сангуыр – II (Кадырбаев М.К., 1961, с.52, табл.2-25), Кызылтас (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1996, с.79, рис.1-3, 2-4), Ближние Елбаны (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б., 1996, с.14, рис.3-3,4), Зевакино (Арсланова Ф.Х., 1975, с.75, рис.2-1,2) и ряде других памятников. По мнению А.А. и Н.А. Ткачевых, их появление можно отнести к началу второй половины II тыс. до н.э. (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1966, с.81). Причем, они же считают, что литые серьги с раструбом являются более ранним вариантом, кованные же, по их мнению, появились позже. Вероятно, абсолютной датой этих серег, как и федоровской культуры, является 14-13 вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, с.53). Так как эти серьги были найдены в районе височной кости, то логично предположить, что они продевались в отверстие, проткнутое в ухе. Конец же серьги замыкался в отверстие на стенке раструба.

Обнаруженные кольцевидные подвески имеют аналогии как в федоровских – Еловка – 2 (Аванесова Н.А., 1991, рис.46-22,23), Каменка – 2 (Аванесова Н.А., 1991, рис.46-29) так и в алакульских памятниках – Тасты-Бутак I (Сорокин В.С., 1962, с.163, табл.41-1,2), Тау-тары (Максимова А.Г., 1962, с.39, рис.2-2), Алексеевский могильник (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.111, рис.37-3). По типологии Аванесовой, они относятся к типу 1ГЗ (Аванесова Н.А., 1975, с.73). По ее мнению, область распространения этого вида подвесок почти полностью совпадает с ареалом памятников федоровского типа, где бытовали трубчатые серьги, изготовленные из стержня (Аванесова Н.А., 1991, с.56). Так что, несмотря на находку в первом Турбинском могильнике сходных подвесок (Бадер О.Н., 1964, с.88) можно говорить о принадлежности кольцевидных подвесок, найденных на могильнике Чекановский Лог-10, к андроновской культурно-исторической общности.

Найденные желобчатые подвески, по типологии Аванесовой, относятся к типу В1 (Аванесова Н.А., 1991, с.53). Она же утверждает, что подобные подвески имели очень широкое распространение во времени и пространстве от Трансильвании до Минусинской котловины, хотя и отмечает, что определенным этническим образованиям свойственны разные формы и способы ношения подвесок в полтора оборота, причем, они различны как по размерам, так и по форме бронзовых пластин и прутьев, из которых они изготовлены (Аванесова Н.А., 1991, с.53). Интересны находки на черепах полуистлевших ремешков с нанизанными на них по 10-15 таких подвесок – Кытманово (Аванесова Н.А., 1991, с.53), Ново-Александровка (Зими́на В.М., Адаменко О.М., 1963, с.58, рис.3), Фирсово – XIV (Шамшин А.Б., 1992, рис.1-5,6). Н.А. Аванесова считает, что они использовались не как височные подвески, а являлись остатками головного убора (Аванесова Н.А., 1975, с.72). Это позволяет предположить, что бронзовые подвески в полтора оборота из могилы 2 погребения 1, возможно, могли быть остатками головного убора. В то же время более вероятно, что подвески из могилы 2 погребения 2 продевались в уши (т.е. фактически были серьгами).

Как говорилось, «лапчатая» привеска, пастовые бусы, обоймочки и пронизи составляли, скорее всего, нагрудное украшение. Части этого ювелирного изделия крепились на ремешок, который и подвешивался на шею. «Лапчатая» привеска, по типологии Аванесовой, относится

к типу К2 – рельефная трапецевидная подвеска с «бородавчатыми» выпуклостями (Аванесова Н.А., 1991, с.61). Причем, Н.А. Аванесова считает, что привески типа К2 встречаются только в памятниках с федоровской керамикой (Аванесова Н.А., 1991, с.61). Она же выводит карасукские лапчатые подвески из привесок указанного типа (хотя они и имеют различия по форме и способу изготовления). Аналогичные подвески найдены в ряде андроновских могильников – Кытманово (Аванесова Н.А., 1991, рис.58-3), Ново-Александровка (Зими́на В.М., Адаменко О.М., 1963, с.58, рис.3), Фирсово – XIV (Шамшин А.Б., 1992, рис.1-9,10).

Определить дату пастовых бус невозможно, так как они имеют широкое время бытования и ареал распространения. Не являются датирующими предметами обоймочки и пронизи. Так обоймочки, сходные с найденными, встречались в карасукских погребениях, но в отличие от андроновских, изготовленных чеканной техникой, выполнялись при помощи отлива (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.163). Аналогичные обоймочки обнаружены и в ирменских могилах на БЕ – 9 (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б., 1996, с.15, рис.4-7,10, 15-17,20,21). В андроновских погребениях аналогии можно найти как в Алексеевском могильнике (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.112 рис.35-7,8), относящемуся к алакульской культуре, так и в Ново-Александровке (Уманский А.П., 1995, с.28, рис.3-2), находящейся на территории распространения федоровских племен. Интересны наблюдения Аванесовой, связанные с тем, что у федоровцев обоймочки часто использовали в наборных украшениях с «лапчатыми» привесками (Аванесова Н.А., 1991, с.61). Не менее долго бытовали и найденные золотые пронизи. Они известны в позднебронзовых памятниках Алтая и Минусинской котловины, причем сохраняются и в более поздних тагарских памятниках (Гришин Ю.С., 1971, с.29). Интересно, что форма пронизей напоминает биконические бусы и это, возможно, указывает на их происхождение. Возможно, с этим связано и то, что найденные на могильнике Чекановский Лог-10 пронизи использовались вместе с пастовыми бусами. Подобные пронизи были найдены на Алексеевском могильнике (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.111, рис.38-3), на могильнике Сангуыр – II (Кадырбаев М.К., 1961, с.52, рис.П,7) и на многих других.

Украшения, подобные обнаруженным на могильнике Чекановский Лог-10, являются важной частью погребального инвентаря андроновских племен. Они встречаются как в мужских, так и в женских могилах всех возрастных групп андроновского населения и многие из них являются важным этнографическим признаком. Так же возможно, что наличие в погребениях изделий из драгоценных металлов указывает на высокий ранг умершего, в этом случае хотелось бы выделить могилу 2 погребения 1,2 как наиболее богатые. Необходимо отметить, что для андроновской эпохи Алтая могильник Чекановский Лог-10 является одним из богатейших и разнообразнейших на различные категории инвентаря.

Научный руководитель – д.и.н. М.А. Демин.

О.А. Позднякова

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая

В течение ряда лет экспедиция Алтайского госуниверситета, под руководством А.Б. Шамшина, изучала грунтовый могильник Фирсово-XIV, расположенный в окрестностях г. Барнаула. Значительная часть погребений этого памятника относится к андроновской эпохе. Наряду с другими украшениями, здесь было обнаружено несколько бронзовых изделий, листовидных, либо ромбических по форме, сделанных из тонкой раскованной пластины и украшенных орнаментом, выполненным в пунсонной технике (рис. 1–1, 2, 7-10). Изделия листовидной формы в специальной литературе называют по-разному: ноже-

видными подвесками (Молодин В.И., 1985, с. 68, 102), наконсниками-привесками (Матющенко В.И., 1973, с. 19), а также пластинчатыми нашивками (Гришин Ю.С., 1971, с. 28). Н.А. Аванесова, автор наиболее подробной классификации андроновских украшений, включила эти изделия в категорию головных и по месту обнаружения их в погребениях определила способ ношения этих привесок как наконсников (Аванесова Н.А., 1991, с. 58). По ее наблюдениям, с которыми согласно большинство исследователей, листовидные и ромбические привески из алакульских и федоровских памятников идентичны по форме, но при этом, первые имеют гладкую поверхность, а вторые украшены орнаментом, выполненным в пунсонной технике. Ввиду особой близости алакульских и федоровских наконсных украшений, в процессе поиска аналогий материалам из лесостепного Алтая, мы будем обращаться к материалам обеих культур.

Орнаментированные листовидные наконсники – более распространенный тип украшений, чем ромбические. Подобные изделия известны в могильниках Еловка-II (Матющенко В.И., 1973, рис. 9–50–52), Абрамово-IV (Молодин В.И., 1985, рис. 54–25), в составе кротовского комплекса Сопки-II (Молодин В.И., 1985, рис. 34–1, 15, 16). На Алтае они обнаружены в могильнике Кытманово, материалы которого, к сожалению, до сих пор не опубликованы (Уманский А.П., 1963). На территории Прииртышья они известны в погребальном комплексе Черноозерье-I, в Казахстане в могильниках Боровое, Акмола, Зевакино и др. (Аванесова Н.А., 1991, с. 59, рис. 48). Орнамент на всех этих изделиях в каждом случае оригинален. В этой связи, совершенно справедливо, на наш взгляд, замечание Н.А. Аванесовой о том, что «Нестандартность производства вызвала наличие почти в каждом отдельном экземпляре своеобразных деталей» (Аванесова Н.А., 1991, с. 59). Необходимо отметить, также, что, в отличие от могильника Кытманово, определение листовидных привесок из Фирсово-XIV как наконсников не вызывает сомнений. В одном случае они располагались четко за спиной погребенной (рис. 1–5, 6), в другом – входили в состав наконсного украшения. Оно представляло собой два ряда пастовых бус (рис. 1–4), расположенных на равноудаленном расстоянии друг от друга. Ниже были зафиксированы две листовидные привески разной длины (рис. 1–1, 2). Примерно посередине наконсника, располагалась бронзовая обоймочка, скреплявшая, по-видимому, оба ряда (рис. 1–3). Общая длина наконсника – 75 см, длина низок бус – 46 см. Нам представляется, что равное расстояние между бусинами свидетельствует о том, что они закреплялись в заданном положении либо с помощью узелков, либо путем обмотки основной нити дополнительной крученой нитью. Такой обычай уже отмечен нами на этом памятнике (Позднякова О.А., 2000, с. 47, рис. 1–7). Свободная от бус основная нить могла свисать свободно или вплетаться в косу (рис. 1–13). Нельзя исключить и вероятность того, что бусы нашивались на органическую основу (кожу, ткань). Такие наконсники реконструированы, например, по материалам могильника Лисаковский (Усманова Э.Р., Ткачев А.А., 1993, рис. 1–2). Но, наибольшее сходство фирсовский наконсник обнаруживает с алакульскими головными уборами первого типа (Усманова Э.Р., Ткачев А.А., 1993, с. 76, рис. 1–1; Евдокимов В.В., Усманова Э.Р., 1990, с. 67, рис. 1–1; Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с. 10, рис. 4). Правда, в этом случае зафиксированы обоймы, крепившие, по мнению авторов реконструкций, наконсник к шапочке.

В целом, сходство традиций в ношении наконсных украшений у алакульцев и федоровцев несомненно. Н.А. Аванесова отметила, что «область распространения такого рода украшений, как наконсники, повсюду совпадает с территорией андроновских памятников» и это «позволяет считать их этнографической особенностью андроновских племен...» (Аванесова Н.А., 1991, с. 59). Возможно, отсюда и сходство реконструированного по материалам могильника Фирсово-XIV наконсного украшения с алакульскими уборами.

Что касается ромбических привесок (рис. 1–7–9), то на территории Алтая они обнаружены только в могильнике Фирсово-XIV, при этом способ их ношения не определяется столь

однозначно. Н.А. Аванесова, проанализировав расположение подобных изделий в погребениях, пришла к выводу, что они были многофункциональными и могли служить украшением обуви (Чаглинка-II, Алексеевский могильник, Кулевчи-VI), а также входить в наборы нагрудных украшений (Синташта) (Аванесова Н.А., 1991, с. 60). Как наконечники они известны в могильниках Акмола (Аванесова Н.А., 1991, с. 60), Токанай-I, Бестамак (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с. 20-24, рис. 1-8,9).

Необходимо отметить, что в ряде памятников восточного ареала расселения андроновцев наконечники, выполненные в пунсонной технике, составляют единый комплекс с гладкими привесками, характерными для алакульцев. Подобное сочетание зафиксировано нами в погребальном комплексе Кытманово. На территории Барабинской степи, в вещевом комплексе кротовской культуры могильника Сопка-II также присутствуют гладкие листовидные привески, причем одна из них с характерной для алакульских наконечников обоймой (Молодин В.И., 1985, рис. 34-3-9, 11, 13, 14, 17). Два или три изделия из Фирсово-XIV также, вероятно, имели гладкую поверхность, однако сохранность их очень плохая и определить это достоверно пока не представляется возможным (рис. 1-5, 6, 12). С самого начала изучения андроновских памятников юга Западной и Южной Сибири, исследователи отмечали присутствие алакульских черт в материальной культуре оставившего их населения (Максименков Г.А., 1978, с. 87-109; Матющенко В.И., 1973, с. 42-45; Кирюшин Ю.Ф., 1994, с. 58). Среди украшений к таковым относили подвески в полтора оборота, браслеты со спиральными концами и из выпуклой пластины, трубчатые серьги, подвески из раковин, обоймочки, «лапчатые» привески и наконечники (Матющенко В.И., с. 44; Хабарова С.В., 1994, с. 65; Сотникова С.В., 1988, с. 76-78). Интересно, что именно такой набор украшений характерен для нескольких погребений могильников Кытманово и Фирсово-XIV, а также еще для двух погребальных комплексов, где наконечники не обнаружены: Ново-Александровка, Чекановский Лог-X (Зимица В.М., Адаменко О.М., 1963, с. 53-59; Уманский А.П., 1995, с. 20-28; Демин М.А., Ситников С.М., 2000, с. 121-125). Именно этот набор выделяет эти памятники из основной массы андроновских могильников Алтая. В то же время, гладкие наконечники, а также другие украшения, характерные, по мнению вышеуказанных исследователей, для алакульцев, сочетаются с типично федоровскими изделиями, например, с серьгами с раструбом, как в могильнике Кытманово (отметим, что в Фирсово-XIV обнаружены только трубчатые серьги (рис. 1-11)). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что сложные наконечные украшения, известные у алакульских племен и по материалам могильника Синташта (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992), на территориях восточного расселения андроновцев не встречаются. Последователями теории стадийного развития андроновской культуры подобные противоречивые факты объясняются просто: федоровские древности являются дальнейшим развитием алакульской традиции, поэтому в ряде случаев элементы алакульской материальной культуры фиксируются в федоровских памятниках. Более сложная картина складывается у последователей теории независимого развития этих культур. По их мнению, общие черты могли появиться в результате контактов или при наличии некоей общей основы, на базе которой формировалась культура алакульских и федоровских племен. С.В. Хабарова, например, считает, что такие изделия как наконечники, подвески в полтора оборота, «лапчатые» привески и т.д. принадлежат алакульскому населению, глубоко продвинувшемуся на восток и вступившему в тесные контакты с федоровцами (Хабарова С.В., 1994, с. 65). Таким образом, рассмотрение всего лишь одной категории изделий показывает, насколько сложен вопрос о культурной принадлежности памятников восточного ареала андроновской общности. Вероятно, проживавшие здесь племена имели сложный генезис своей культуры, что уже неоднократно отмечали различные исследователи.

Научный руководитель – к.и.н. А.Б. Шакин

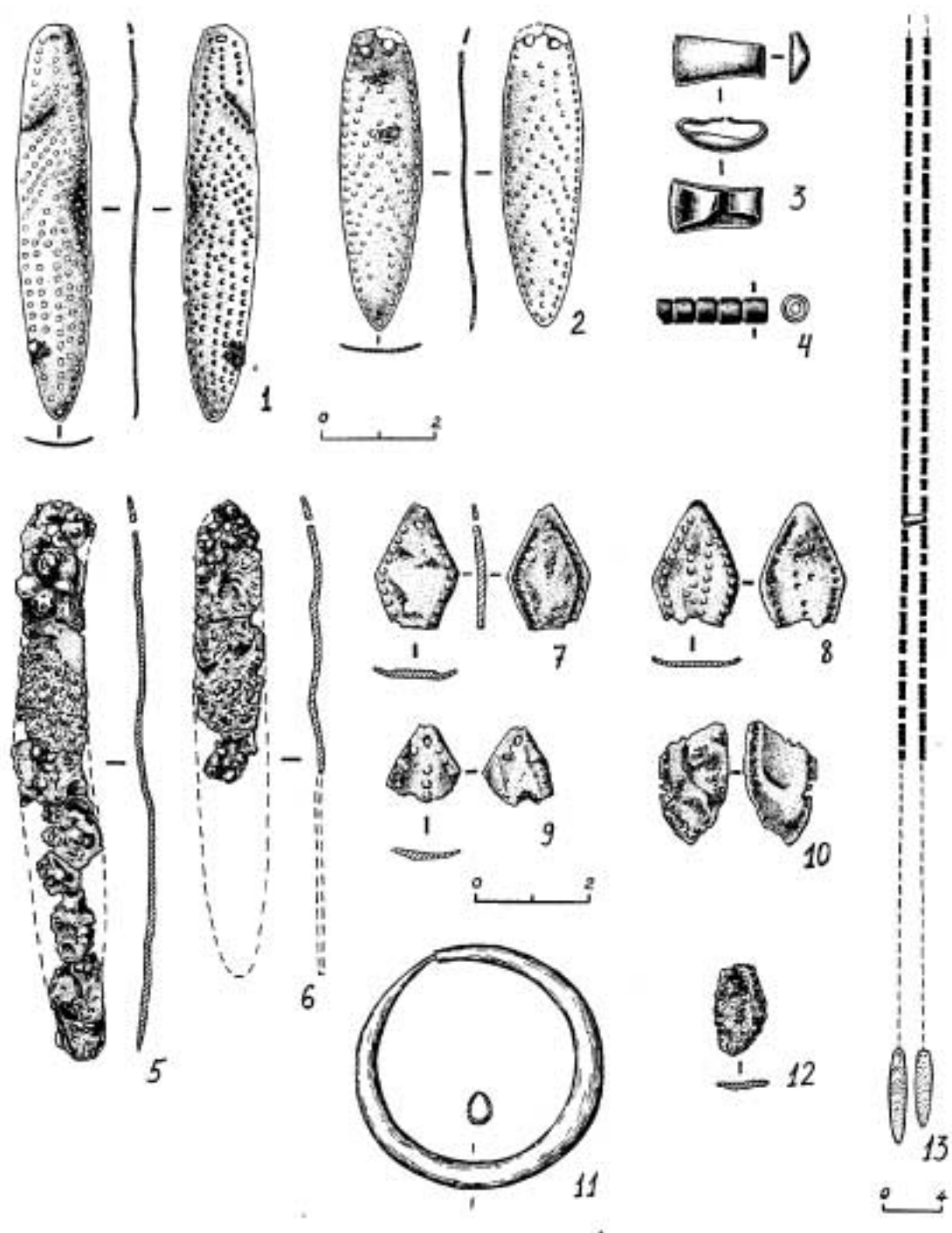

Рис. 1

*М.Л. Погодина
(Омск, Лицей № 137).*

Комбинированные украшения населения Западной Сибири эпохи бронзы

С древнейших времен человечество уделяло особое внимание украшению своего костюма, используя разнообразные доступные материалы и технологии. Нашивки и подвески из камня, кости, раковин представляют большую серию находок в погребальных комплексах уже в эпоху энеолита. Однако, качественный скачок в развитии прикладного ювелирного искусства евразийских степей связан с освоением металлургических технологий и приходится на развитый и поздний периоды бронзового века («андроновское» и «постандроновское» время).

В рассматриваемые периоды наряду с металлическими (медными и бронзовыми) изделиями труда получают широкое распространение различные виды изящных украшений – литые и штампованные бляшки, различных форм нашивки, пронизки, подвески, кольца, бусины и т.п. Как показывают археологические источники, в этот период формируются стандартные, специфические формы комбинированных украшений, многие из которых сохранились в том или ином виде до «этнографических» времен. Уже в андроновское время, одни и те же детали (нашивки, пронизки, бусы, бляшки, заклепки) применялись как части сложных украшений разного вида.

В последнее время украшения и костюм населения древних эпох привлекают все более пристальное внимание исследователей. Реконструкции отдельных видов и типов украшений позволяют в дальнейшем приступить к интерпретации различных присущих им функций (семантических, логических, возрастных и т.п.) и проведению функционально-типологических параллелей между археологическими и этнографическими источниками.

Целью данной работы является реконструкция и характеристика наиболее ранних форм некоторых комбинированных украшений Западной Сибири и сопредельных территорий.

Из всего многообразия бронзовых изделий особо выделяются комбинированные украшения (нагрудники, наконечники, ожерелья, подвески-обереги), представляющие собой сравнительно немногочисленную, но яркую категорию находок. Наше внимание привлекли ожерелья и нагрудники бронзового века лесостепного Прииртышья. К настоящему времени в могильниках черноозерского типа андроновской культурно-исторической общности (Черноозерье-I и Боровянка-XVII) удалось выявить, восстановить и описать семь гарнитуров – два ожерелья и пять нагрудников.

Все рассматриваемые нагрудные украшения однотипны и достаточно просты. Состоят из широких бронзовых колец, расположенных двумя вертикальными рядами (рис. 1). Кольца диаметром 4,3-4,5 см и шириной 0,9-1,0 см, отлиты в односторонней форме. Лицевая сторона выпуклая, другая плоская, края сходят на нет. Некоторые кольца имеют по внутреннему краю небольшую выемку подтреугольной формы, предназначенную для привязывания. На отдельных экземплярах присутствуют «раковины» и выемки – издержки литейного производства в закрытой форме. Судя по сохранившемуся под кольцами минерализованному органическому тлену, они крепились через край к твердой нетканой основе (кожа или войлок). В непо потревоженных погребениях могильника Боровянка-XVII нагрудники состояли из 12 колец – по шесть в каждом ряду. Расстояние между рядами в верхней части нагрудника было немного шире, чем в нижней. В рядах кольца располагались между собой таким образом, что каждое верхнее кольцо частично, на ширину полосы, накрывало нижнее. Общая длина нагрудного украшения составляла 20-22 см.

В исследованных погребениях с нагрудниками, помимо последних, присутствовали, также, тонкие бронзовые височные кольца (по 2 или 4), ножные браслеты из бронзовых бусин, нашивные бляшки.

Ожерелья, происходящие из могилы 55 Боровянка-XVII (раскопки Л.И. Погодина 1999 год) и могилы 43 Черноозерье-I (Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. Рис.6,7), относятся к одному типу: ожерелья с горизонтальной композицией (рис. 2). Черноозерский гарнитур составлен из 19 однотипных плоских пластинок из бронзового листа. Пластинки имеют вертикально-вытянутую трапециевидную форму. Их длина составляет от 4,5 до 5,0 см, ширина от 1,0 до 1,7 см в верхней части и 2-2,2 см в основании. Все пластинки имеют рельефный геометрический орнамент, выполненный узким чеканом с обратной стороны. На каждом из пятнадцати изделий изображены по четыре взаимопроникающих заштрихованных треугольника, заключенные в трапециевидную рамку. На остальных – соприкасающиеся вершинами треугольники и заключенные между ними ромбы. В погребении пластинки располагались полукругом в области шеи. Они принадлежали, предположительно, женщине 16-18 лет (Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. С. 13, Рис. 6). Ожерелье представляло собой узкую кожаную или войлочную полоску с нашитыми на нее в один ряд бронзовыми пластинками. Для этого по углам каждой из них пробиты узкие отверстия. На шее ожерелье крепилось, по-видимому, при помощи ремешков, так как никаких дополнительных металлических или костяных застежек не обнаружено.

Центральная часть ожерелья из погребения 55 могильника Боровянка-XVII, также, составлена из пластинок вытянуто трапециевидной формы, изготовленных из листовой бронзы. В продольном и поперечном сечении пластинки слегка выпукло-вогнутые. Их длина составляла от 4,5 до 5,2 см, ширина верхней грани от 1,1 до 1,5 см, нижней – 1,7-2,0 см. На всех пластинках пуансоном нанесен выпуклый точечный орнамент в виде двух перекрещивающихся линий, образующих крест. По углам деталей пробиты узкие отверстия. В отличие от черноозерского, боровянское ожерелье включало и другие детали – 16 гофрированных пронизок, свернутых из бронзовой рифленой фольги. В могиле все детали ожерелья располагались полукругом в области шеи и под костями раздавленного черепа. Под пластинками сохранился толстый слой органического тлена. Первоначально боровянское ожерелье выглядело следующим образом. На изогнутую полукругом полоску из нетканого материала были нашиты в ряд девять бронзовых пластинок. С узких сторон этой полосы дополнительно крепились по четыре тесемки, на каждую из которых были надеты по две длинные гофрированные пронизки. Очевидно, при помощи этих тесемок ожерелье закреплялось на шее (рис. 2).

Сходные по конструкции ожерелья с горизонтальной композицией, образованные из отдельных деталей, распространяются в это время и у населения карасукской культуры. Там так же встречаются, как сложные, так и простые украшения. «Простое комбинированное украшение включало 6 бронзовых пронизок, расположенных вокруг лапчатой подвески (Подсиния II). Сложное ожерелье представляло собой ремешок, обложенный бронзовыми обоймочками, к которому прикреплены 30 вертикальных низок, состоящих из 3 бронзовых пронизок и треугольной подвески. В середине ожерелья, между пронизками, помещалась крупная лапчатая подвеска» (Вадецкая Э.Б., 1986. С. 58. Табл. V, 8). На среднем Енисее в эпоху бронзы (могильники Карасук-I, у д. Быстрая) использовались, также, и нагрудники, расшитые каменными или стеклянными бусинами, бронзовыми скобообразными обоймочками (Вадецкая Э.Б., 1986. С. 58).

Учитывая комплексы украшений казахстанских памятников этой эпохи, можно заметить, что у населения синташтинско-петровской и алакульской культур более популярным был другой тип комбинированных украшений – накосники (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998), в то время как в среде андроновидных культур Западной Сибири – ожерелья и нагрудники. Хотя сложные накосные гарнитуры встречаются и на периферии андроновского мира – в погребениях Еловского-II могильника (раскопки В.И. Матющенко в 1979-1982 гг.). Таким образом, археологические источники свидетельствуют, что основные типы (или идеи)

Рис. 1. Боровянка-XVII. Могила 8. Бронзовое нагрудное украшение.

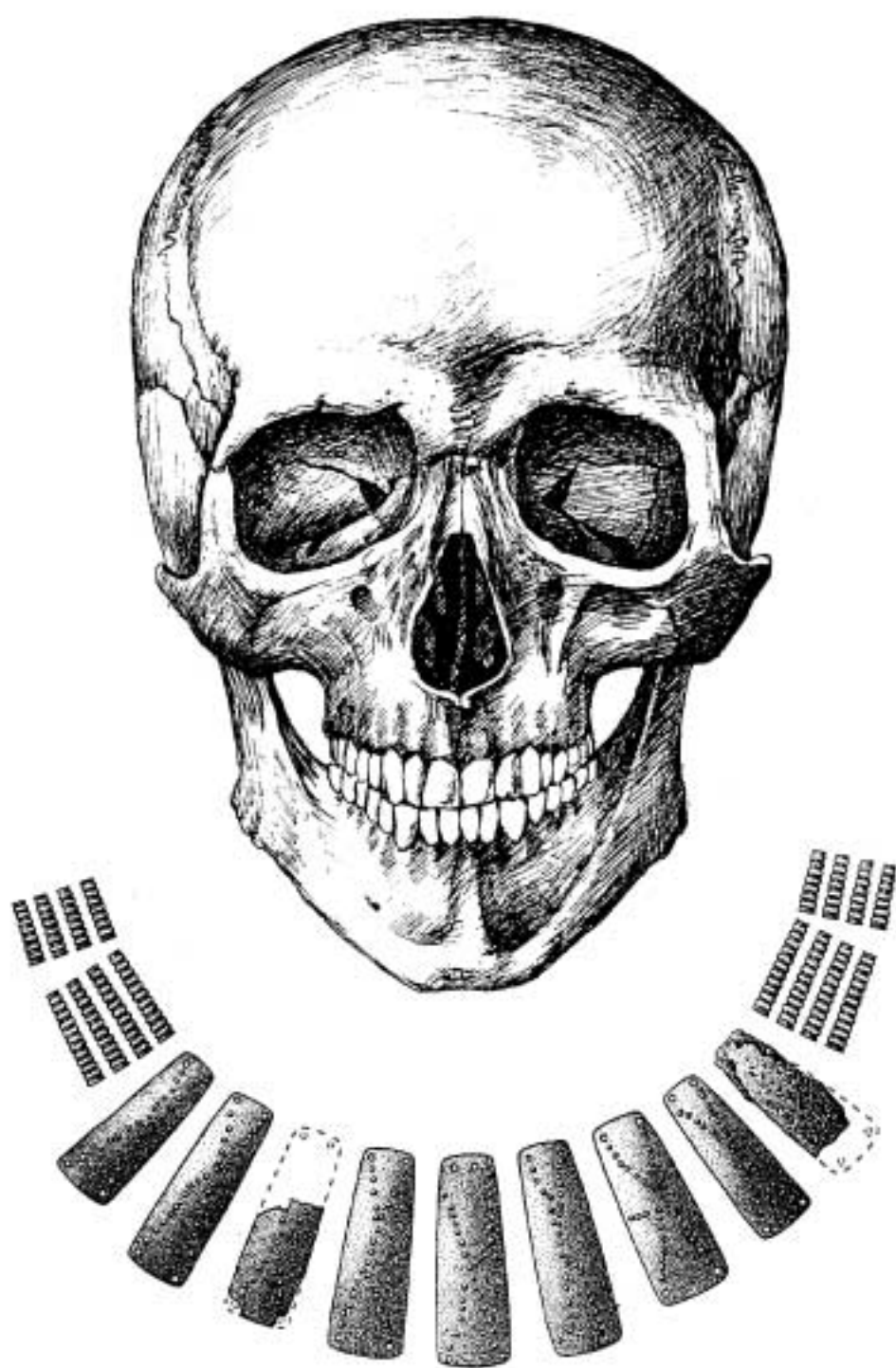

Рис. 2. Боровянка-XVII. Могила 55. Бронзовое ожерелье.

культуры гребенчато-ямочной общности. В это время внутри гребенчато-ямочной общности наместились два пути дальнейшего развития, разделившие ее на две подобласти. В западной намечается тенденция в сторону широкого применения для украшения посуды наряду с гребенчатым фигурного штампа.

В восточной дальнейшее развитие орнаментации проходит под знаком абсолютного преобладания гребенчато-ямочных узоров. Внутри подобластей выделяются локальные культуры и типы памятников. В западной подобласти следует обратить внимание на барсовскую, лозьвинскую и атлымскую культуры.

Все эти культуры имеют ряд общих черт, но являются они результатом прямого заимствования или заложены в их генетической памяти предстоит выяснить, опираясь на археологические источники. Из нашего поля зрения выпадает погребальный обряд, так как могильники эпохи поздней бронзы пока не обнаружены.

Главным объектом нашего анализа становятся остатки материальной культуры, прежде всего керамика. Также на сегодняшний день есть возможность для сравнительного анализа такого показателя культуры как жилища. Конец II тыс. до н.э. характеризуется утверждением сразу на огромной территории и в относительно короткие сроки наземного типа построек, который объединяет культуры с фигурно-штамповой орнаментацией. Учитывая единственность возникновения данного типа, можно предположить, что это сходство объясняется не генетическими причинами. Однако сходство наблюдается и в конструкции жилищ, особенно лозьвинских и барсовских. Для них характерна обваловка стен, опорой для которых служила деревянная рама, крепившаяся на вертикально поставленных столбах. Быстрота распространения этой домостроительной новации говорит о том, что она была близка и понятна населению тайги. Ее необходимость была обусловлена естественно-географическими причинами. Конец II тыс. до н.э. связывается с концом климатического оптимума голоцена и началом похолодания. Наряду с усилением болотообразовательного процесса отмечается значительный подъем грунтовых вод и расширения территорий, охваченных вечной мерзлотой. В этих условиях землянка перестает быть удобным типом жилища и отступает на второй план.

Гораздо более сложная проблема – анализ северотаежной керамики с учетом таких показателей как форма сосудов, техника орнаментации, элементы орнамента. Все сосуды барсовской и атлымской культур – плоскодонные, лозьвинская была первоначально выделена по горшкам и чашам с круглым и приостренным дном. Сейчас мы располагаем материалами, подтверждающими распространение у лозьвинцев и плоскодонных сосудов. Очень много общего в форме между горшками лозьвинской, барсовской и атлымской первого типа керамики. Можно с полной уверенностью говорить о том, что каждая из них продолжает традиции, характеризующие более раннее время. Для орнаментальной композиции у всех культур отмечается четкая зональность. В технике орнаментации общими остаются ямочные вдавления и отпечатки гребенчатого и мелкоструйчатого штампа. Каждую культуру отличает свой характерный фигурный штамп. Штамп, являющийся доминирующим у одной культуры, встречается также и у других, но его процент содержания в общей массе невелик. Так, эталон атлымской керамики, штамп в виде креста, – иногда встречается на лозьвинских и барсовских сосудах. Распространение специфических штампов среди культур – следствие их контактов. Родственность можно проследить и в отдельных элементах орнамента. Общими являются такие мотивы, как ромбы и зигзагообразные линии в венчиковой части сосуда, составленные из ямочных вдавлений. Они особенно широко встречаются на барсовской и атлымской первого типа керамике, но также наблюдаются и на лозьвинской посуде. Один из самых распространенных у лозьвинцев мотивов – два ряда ямочных вдавлений образуют зигзаг, в который вписан другой зигзаг, выполненный мелкоструйчатым штампом, встречается как на барсовской, так и на ат-

лымской керамике. Еще один общий элемент, характерный для барсовской и атлымской (особенно для последней) посуды – ряд заштрихованных взаимопроникающих треугольников с элементами наложения. У барсовцев он выполнен мелкоструйчатыми отпечатками, у атлымцев прочерчен.

В целом, можно сказать, что при всем своем различии керамика лозьвинцев, барсовцев и атлымцев имеет, без сомнения, общие корни в более раннее время. Следует отметить, что орнаментация сосудов строилась по единому общему принципу. Четко выраженная зональность плюс элементы орнамента, часто различающиеся только по технике орнаментации, говорят в пользу родственности носителей этих культур.

Наличие большого числа общих черт, присущих для всех культур, можно объяснить либо взаимовлиянием, либо генетическим родством. Факты говорят в пользу последнего. Общие традиции имеют свои корни в более раннее время. Они, без сомнения, являются наследниками гребенчато-ямочной общности. Выйдя некогда из единого ядра, они пошли несколько разными путями, но культурная память об их первооснове прослеживается четко. Нельзя исключать даже такую вероятность, что лозьвинцы, атлымцы и барсовцы родственны не только культурно-генетически, но и этнически. Подтверждения об их широких контактах могут косвенно указывать на это. Таким образом, родственность атлымской, лозьвинской и барсовской культур представляется вполне сложившимся фактом, аргументированным самими археологическими источниками.

Научный руководитель – к.и.н. Е.А. Васильев

Ю.А. Пономарева

(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

Скотоводство и земледелие населения Горного Алтая и его северо-западных предгорий в эпоху поздней бронзы

Материалы поселений Горного Алтая, его северо-западных предгорий эпохи поздней бронзы дают о характере хозяйства только фрагментарные сведения. Наибольшую информацию мы можем получить о скотоводстве, охоте, керамическом производстве. Значительно меньшую информацию мы можем получить о земледелии, рыболовстве, обработке камня, металлургии и других ремеслах. В связи с недостаточностью материала по Горному Алтаю и его предгорьям, целесообразно провести аналогии из памятников поздней бронзы Верхнего и Среднего Приобья, что позволяет полнее реконструировать хозяйство.

Скотоводство. Количество материала по скотоводству, относящегося к эпохе поздней бронзы незначительно, но уже сейчас отмечается его ведущая роль в хозяйстве (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю., 1994, с.89). Об этом свидетельствуют данные анализа остеологического материала из поселений Майма I, Майма III, Майма XII (Полосина Я.Ю., 1990, с.12-14). В стаде преобладала лошадь, далее по процентному соотношению от общего числа домашних животных идет крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот. Учитывая расположение поселений и состав стада, можно предположить, что система скотоводства была отгонной, а предгорья Алтая служили кормовой базой.

Земледелие. Из всех видов хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы рассматриваемой территории наиболее слабо изучено земледелие. Это связано с тем, что большая часть земледельческих орудий труда была изготовлена из дерева и поэтому не сохранилась, также не сохранились и остатки культурных растений. Важным археологическим фактом, подтверждающим существование земледелия, являются зернотерки и их обломки (Сидоров Е.А., 1986, с.54-65).

Археологические материалы свидетельствуют о существовании земледелия на поселении Майма XII. В двух раскопах было обнаружено четыре крупных удлиненных обломка твердой скальной породы с хорошо видимыми следами грубой подработки, с одной из торцевых сторон и двумя небольшими выбитыми выемками с боковых сторон. Можно предположить, что это могли быть примитивные орудия обработки почвы – типа мотыги. Грубо обработанный край служил для рыхления земли, а боковые выемки для крепления мотыги к черенку. Также на поселении Майма XII было обнаружено два каменных песта и обломок очень крупной зернотерки, что также может служить свидетельством наличия земледелия. Сохранившийся фрагмент длиной до 70 см, а шириной около 60 см. Возможно, что орудиями вторичной землеобработки могли быть и бронзовые кельты, которые в виде случайных находок встречаются на территории Горного Алтая и датируются поздней бронзой – раннескифским временем (Кузьминых С.В., 1991, с.96-98). К орудиям уборки урожая большинство исследователей относят и бронзовые изогнутые серпы. Один из таких серпов найден на территории села Артыбаш.

На основании этого мы можем свидетельствовать, что скотоводство и земледелие у населения Горного Алтая, его северо-западных предгорий в эпоху поздней бронзы были доминирующими отраслями хозяйства. При этом можно отметить преобладание скотоводства.

Научный руководитель – д.и.н. Ю.С. Худяков

О.М. Аношко

(Тюмень, Тюменский государственный университет)

К вопросу о происхождении и периодизации бархатовской культуры позднего бронзового века лесостепного Зауралья

В настоящее время концепция существования в лесостепном Зауралье на заключительном этапе бронзового века бархатовской культуры признается многими исследователями. Первый подход к атрибуции бархатовских древностей был предпринят еще в 60-е гг. минувшего столетия К.В. Сальниковым, который выделил поселения (Черкакуль-2, Боборыкино-2) с так называемой флажково – жемчужной керамикой, датированные им самым концом бронзового века (Сальников К.В., 1967, с.389-391). Данная керамика была известна также по сборам у с. Бархатово-Заречное в Курганской области (Там же, с.390). Немного позднее В.Ф. Генинг и Н.И. Совцова указали на своеобразие этих поселений, предлагая их выделить в особую группу памятников бархатовского типа (Оборин, 1967, с.222). Эта точка зрения не только не получила широкого распространения, но и оказалась быстро забытой. Так, в 70-е – 80-е гг. все позднебронзовые зауральские древности М.Ф. Косаревым и М.Ф. Обыденновым были отнесены к межовской культуре (Косарев М.Ф., 1976, с.27; Обыденнов М.Ф., 1981, 1985). В результате появления новых материалов (поселения и городища Заводоуковское-10, Красногорское, Миасское, Ново-Шадрино-2 и 7, Поспелово I и т.д.) с критикой этой концепции выступили О.Н. Корочкова, А.В. Матвеев, В.И. Стефанов и другие исследователи, делая вывод о необходимости выделения самостоятельной зауральской археологической культуры, получившей название бархатовской (Корочкова О.Н., 1987; Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1991; Матвеев А.В., 1988, 1989). На протяжении 90-х гг. бархатовская проблематика исследуется с меньшей интенсивностью, вследствие чего данный период ее изучения характеризуется пополнением комплекса источников, относящихся к рассматриваемой культуре, попытками создания периодизации бархатовских древностей и разработкой версий происхождения оставившего их населения. Так, О.Н. Корочкова и

В.И. Стефанов, публикуя ново-шадринские материалы, сделали заключение, что бархатовская культура сложилась на пахомовской основе. А.В. Матвеев, соглашаясь с этой точкой зрения и характеризуя эту культуру как двухкомпонентную по своему происхождению, обращает внимание на возможность влияния черкаскульских общин на формирование бархатовской культуры (Матвеев А.В., 2000, с. 42). Из-за недостатка фактического материала никто из исследователей не предпринимал попыток установления относительной хронологии бархатовских комплексов.

Немаловажное значение для решения проблем происхождения и периодизации бархатовских древностей имеют материалы поселения Щетково-2, находящегося на побережье одноименного старичного озера в окрестностях с. Лыбаево Тюменской области. Раскопки поселения ведутся с 1998 г. и еще не завершены. В течение трех полевых сезонов на пониженном и распаханном восточном берегу старицы тремя раскопами вскрыто около 1300 кв. м. площади памятника. Было выявлено три разновременных культурных комплекса. Древнейшим строительным горизонтом поселения является федоровский; ему принадлежит зольник, часть которого была исследована раскопом 1. Предположительно можно выделить позднефедоровский или черкаскульский культурный комплекс. Причиной такой неопределенности является следующее обстоятельство: этот комплекс представлен не полностью исследованным сооружением 5 и небольшой керамической коллекцией, которую пока невозможно охарактеризовать точнее, чем позднефедоровская или черкаскульская.

Для изучения бархатовской проблематики наибольший интерес представляют материалы следующего этапа застройки изученной площадки, с которым связаны остатки пяти сооружений – четырех вскрытых полностью и одного – более чем наполовину. Сооружения 2 и 7 представляли собой небольшие каркасно-столбовые постройки, от которых сохранились неглубокие подпрямоугольные котлованы размерами соответственно 5,0 x 3,5 и 3,9 x 3,5. Сооружение 3, несомненно, имевшее жилой характер, было значительно больше. Сооружение 4 может быть реконструировано в виде двухкамерной каркасно-столбовой полуземлянки средних размеров. Ширина частично изученного раскопом каркасно-столбового сооружения 6 равнялась приблизительно 10,5 м., длина его составляла не менее 10 м.

Заполнение перечисленных сооружений и синхронных им ям содержало своеобразную посуду. Ее специфику определяет отчетливо выраженное сходство с бархатовской керамикой. Керамика поселения Щетково-2 представлена обломками слабо профилированных плоскодонных горшков, большинство из которых имело приостренные венчики и было украшено лишь в верхней части. В основе построения орнамента лежит горизонтально-ленточный принцип. Плоскостные узоры выполнялись чаще всего резной техникой, значительно реже употреблялась гребенка. Доминируют горизонтальный и вертикальный зигзаги, ряды наклонных линий, реже встречаются геометрические фигуры – треугольники, заштрихованные ленты и т.д. Рельефные орнаменты представлены рядами круглых, каплевидных и аморфных ямок, которые наиболее характерны для зоны шейки. Значительно реже встречаются «жемчужины».

При сравнении керамики позднего строительного горизонта поселения Щетково-2 с посудой других бархатовских памятников лесостепного Зауралья было выявлено следующее обстоятельство: для всех бархатовских памятников характерны в целом одни и те же виды плоскостных узоров, но отличает их друг от друга или, наоборот, сближает различная частота встречаемости «жемчужин», круглых, каплевидных или аморфных ямок. В коллекциях, полученных при раскопках неукрепленных поселений, процент встречаемости «жемчужин» минимален (Ново-Шадрино-2 – 3,4 %, Поспелово I – 3 % [Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 1984, с. 82]), в материалах городищ ее доля

намного выше (Красногорское городище – более 50 % [Матвеев А.В., Бурлина Т.В., 1990]). Обратное соотношение демонстрирует удельный вес ямочных поясов на горшках с селищ и городищ.

Изучение керамического комплекса позднего строительного горизонта поселения Щетково-2 говорит о значительно большем сходстве его с керамикой поселений Ново-Шадрино-2, Пospelово I, чем с керамикой Красногорского городища. Обращает на себя внимание и существенное различие в расположении на местности рассматриваемых памятников. Неукрепленные бархатовские поселения (Ново-Шадрино-2, Пospelово I, Щетково-2) обнаружены на низких, нередко затапливаемых в настоящее время участках, тогда как Красногорское, Миасское городища находятся на высоких гипсометрических отметках. Также хотелось бы отметить отчетливо выраженное расхождение результатов радиоуглеродного датирования образцов, отобранных при раскопках поселения Щетково-2 и Красногорского городища. Даты, полученные по образцам из жилища 6 Красногорского городища, позволили отнести его примерно к 922 – 816 гг. до н.э., или X – IX вв. до н.э. (Матвеев А.В., 2000, с.41). По древесному углю, обнаруженному в одной из ям сооружения 3 поселения Щетково-2, Л.А. Орловой получена более древняя дата, калиброванное значение которой соответствует 1264-1128, 1111-1108 гг. до н.э., т.е. XIII – XII вв. до н.э.

Таким образом, на основании накопленных к настоящему времени материалов можно говорить о расчленении в хронологическом отношении бархатовских древностей по крайней мере на две группы – раннюю и более позднюю. К первой из них мы относим бархатовский комплекс поселения Щетково-2, Ново-Шадрино-2, Пospelово I, а также бархатовские материалы поселений Язев-1 и Камышное-2 (Потемкина Т.М., 1985), во вторую – Красногорское и, вероятно, Миасское городища. Можно предположить, что более ранняя из них относится к концу II тыс. до н.э., а более поздняя – к началу I тыс. до н.э. Возможно, что на период развития бархатовской культуры в Зауралье пришлось существенное изменение уровня увлажненности данного района, что и побудило обитавшие группы к переносу своих поселений на более высокие места.

Бархатовский комплекс поселения Щетково-2, на наш взгляд, позволяет затронуть проблему происхождения бархатовской культуры. Отчетливо выраженные пахомовские черты были обнаружены при сравнении домостроительных традиций бархатовской группы поселения Щетково-2 с пахомовскими. Их сходство в строительстве полужемляночных построек каркасно-столбовой конструкции сравнительно небольших размеров, площадью до 100 кв.м. Щетковскую посуду сближают с пахомовской: форма (горшки, с плавной профилировкой), принципы построения орнамента (зональность), орнаментальные мотивы (горизонтальный и вертикальный зигзаги, наклонные линии, ряды круглых ямок и каплевидных вдавлений и т.д.). Но сплошная орнаментация пахомовских сосудов не свойственна бархатовским, на бархатовских горшках соседние бордюры нередко отделены один от другого неорнаментированными поясками.

В свете всего сказанного участие пахомовского компонента в формировании бархатовской культуры представляется нам если не бесспорным, то весьма вероятным. На бархатовских материалах поселения Щетково –2 очень трудно проследить черкаскульские черты, хотя отдельные черкаскульские традиции выражены в орнаментике бархатовских гончарных изделий. Вопрос остается открытым, но при его решении необходимо учитывать возможность взаимодействия пахомовских и черкаскульских общин, что именно это взаимодействие привело к формированию бархатовской культуры. В конечном итоге хотелось бы сказать, что данное исследование носит гипотетический характер, требует дальнейшего изучения, накопления новых материалов и детального анализа уже имеющихся, но слабо изученных материалов.

Научный руководитель – д.и.н. А.В. Матвеев.

О.А. Цивцина
(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Лапчатые привески и ножи карасукского типа из памятников Барнаульско-Бийского Приобья

За довольно длительный период изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы на территории Алтайского края и некоторых сопредельных районах был найден ряд предметов, по внешним признакам напоминающих карасукские вещи из Минусинской котловины. Здесь их найдено небольшое количество, и частично они уже опубликованы. Встречено две группы вещей: лапчатые привески и ножи. К сожалению, многие из них относятся к категории случайных находок, либо обнаружены вне комплексов. Наиболее малочисленной группой являются лапчатые привески. Их найдено всего две штуки. Первая – на поселении Моховое 3 Мамонтовского района Алтайского края (Иванов Г.Е., 2000, с. 108); вторая – на поселении Майма 3 Майминского района Республики Алтай в слое эпохи поздней бронзы (Кудрявцев П.И., 1989, с. 55). Такие вещи на территории Приобья встречены в единичном количестве. Кроме того по три подобных изделия найдены в могильниках Кузнецкой котловины Титово 3 (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с. 125-126, рис. 3–12,13) и Танай 7 (Мыльникова Л.Н., Бобров В.В., 1996, с. 200), и четыре происходят из могильника Ваганово 2 (Бобров В.В. и др., 2000, с. 218-219, рис. 1 – 4-7). Лапчатые привески являются характерными украшениями карасукской культуры Минусинской котловины (Новгородова Э.А., 1970, с. 144-145).

Другой группой рассматриваемых нами изделий являются бронзовые ножи. В отличие от лапчатых привесок, ножи карасукского типа чаще встречены на территории Верхнего Приобья, в том числе, Алтайского края, а так же в пограничных районах Республики Алтай. Мы обнаружили по опубликованным источникам четыре экземпляра: **1)** Случайная находка из деревни Камышенка (Грязнов М.П., 1956, с. 41, рис. 15-3). Этот нож имеет общую длину 23,4 см, ширину лезвия 2 см, ширину рукояти 1,6 см, диаметр кольцевого навершия 2 см и в месте перехода рукояти к лезвию 2 см. Он относится к двенадцатой группе ножей карасукской культуры, по типологии Н.Л. Членовой, и датируется ей VII-VI вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1972, с. 31). Подобные ножи найдены в Новосибирском Приобье в селах Ордынское и Кирза (Матвеев А.В., 1993, с. 180, табл. 26-3, 15). **2)** Нож из Денисовой пещеры. Он коленчатый, имеет оттянутый кончик, рубчатую выраженную одностороннюю рукоять, увенчанную навершием (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 107). А.П. Деревянко и В.И. Молодин, ссылаясь на типологию Н.Л. Членовой, относят этот нож к карасукской культуре. **3)** Нож из села Майма. Он имеет выгнутый обушок, его рукоять украшена «шнурком», обвивающим ее по косой спирали (Кудрявцев П.И., 1989, с. 55). П.И. Кудрявцев датирует это орудие VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Кудрявцев П.И., 1989, с. 55). **4)** Бронзовый коленчатый нож с поселения Фирсово XVIII. Общая длина ножа 19 см, ширина лезвия в его широкой части 3,1 см, рукояти 3,1 см, в месте перехода от лезвия к рукояти 3,1 см (Шамшин А.Б., 1997, с. 329, рис. 2-25). Подобные ножи Н.Л. Членова называет карасукскими «варваризированными» (Членова Н.Л., 1972, с. 179, табл. 9-21).

В целом, следует еще раз отметить, что все эти находки на территории Верхнего Приобья не многочисленны и, вероятно, являются карасукским импортом. В то же время, не исключено, что некоторые из них – вещи местного производства и изготовлены по карасукским аналогам, т.е. представляют собой собственно «варваризированный» вариант карасукских бронз. Окончательно вопрос может быть решен после проведения металлографического анализа этих предметов. Что касается датировки, то наиболее правильным, на наш взгляд, будет датировать их пока, в целом, в рамках эпохи поздней бронзы.

Научный руководитель – к.и.н. А.Б. Шамшин

В.Н. Жаронкин
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

**К вопросу о традиционных элементах в ирменском погребальном обряде
Верхней Оби (по данным статистического анализа)**

Проблема компонентного состава погребального обряда ирменской культуры в разной степени рассматривалась всеми специалистами, занимающимися ее изучением. При этом основное внимание сосредотачивалось на культурогенезе, без определения удельного веса того или иного компонента в структуре погребального обряда ирменской культуры, как в целом, так и в локальных вариантах. Это, в принципе, является темой отдельного исследования. Статистическая обработка массового материала, которым являются погребения, позволяет конкретизировать роль инокультурных традиций в культурогенезе и примерное время, и место, контакта (на этапе формирования культуры, в процессе развития и т.д.).

Анализ погребального обряда проводился по следующим признакам: обряд погребения, ориентация погребений, положение погребенного, организация сакрального пространства могилы, использование дерева или камня в погребальном сооружении, наличие перекрытия и сосуда в погребении. Сведения о памятниках кодировались в матрицы. Обработка полученных таблиц проводилась по схеме, предложенной С.В. Ивановой для изучения погребального обряда (Иванова С.В., 1990) и А.П. Деревянко, А.Ф. Фелингер и Ю.П. Холюшкиным для обработки массового материала (Деревянко А.П., Фелингер А.Ф., Холюшкин Ю.П., 1989, с.153-163). Анализу были подвергнуты 24 могильника, содержавшие 534 погребения.

При анализе погребального обряда на уровне культуры всего верхнеобского региона в целом прослежена его несформированность. Устойчивыми элементами являются только обряд погребения и использование дерева или камня в погребальном сооружении. Частная вероятность этих элементов выше стохастичности (общей вероятности появления признака в культуре) при довольно высокой избыточности (уровне сформированности признака). Остальные признаки, исходя из цифровых характеристик, отнесены к разряду случайных. Это может отражать один из процессов, имевших место в ирменской культуре: данное этнокультурное образование не оформилось в отдельную археологическую культуру и, следовательно, не составляет этногенетической общности; на уровне локальных составляющих отдельные признаки получили большую вариативность при сохранении определенной доминирующей линии; локальные варианты асинхронны. Соответственно, целесообразно в дальнейшем рассматривать погребальный обряд ирменской культуры в рамках отдельных вариантов внутри верхнеобского региона, предложенных Н.Л. Членовой (Членова Н.Л., 1973).

Новосибирское Приобье. Погребальный обряд характеризуют высокая стохастичность при низкой избыточности признаков. Частная вероятность ни одного признака не перешагнула порог стохастичности. Подобные показатели свидетельствуют о не сложившихся традициях погребальной практики ирменской культуры Новосибирского Приобья.

Погребальный обряд ирменской культуры *Кузнецкой котловины*, в отличие от Новосибирского Приобья, представляет собой вполне сложившееся явление. Все характеристики, за исключением «расположения сосуда в погребении», обладают высокой избыточностью и относительно низкой стохастичностью, что указывает на устойчивую традицию в погребальной практике. К ней относятся погребения, совершенные по обряду ингумации, ориентированные головой на юго-запад, совершенные на погребенной поверхности в деревянной раме без перекрытия и сосуда.

Ирменские погребения *Барнаульско-Бийского Приобья* характеризуются следующими основными признаками. Это большей частью подкурганые захоронения в могильных ямах по обряду ингумации. Ориентация погребенных неустойчива. Для данного региона не свойственно использование дерева и камня в погребальных конструкциях и перекрытия.

Устойчивым признаком является расположение сосуда в изголовье погребенного. Распространение грунтовых погребений является, вероятно, следствием начавшихся коренных изменений в области мировоззрения. С чем это связано – с приходом нового населения или переосмыслением имеющегося опыта, до конца не ясно. Это также находит отражение в увеличении процента погребений с западной и западно-юго-западной и в сокращении количества захоронений с южной и юго-западной ориентировкой. Тем не менее, погребальная обрядность данного региона в целом укладывается в рамки общих тенденций, наблюдающихся во всем ареале ирменской культуры Верхней Оби.

При сопоставлении данных погребальной обрядности ирменской культуры различных районов верхнеобского региона, прослеживается ряд тенденций. Так, Новосибирское Приобье характеризуется, в первую очередь, неустойчивостью признаков. Частная вероятность большинства элементов погребального обряда гораздо ниже стохастичности. Подобное возможно только при не сформировавшихся мировоззренческих и идеологических установках. Это свойственно археологическим культурам на стадии формирования (Иванова С.В., 1990). В данный период времени идут процессы синтеза взаимодействующих традиций и выработки единых морально-этических норм и поведенческих установок, что обеспечивает единство материальной и, главное, духовной культуры. Единственный устойчивый элемент погребальной обрядности – ингумация, вероятно, является идеологическим базисом для консолидирующегося населения Новосибирского Приобья в новый культурно-исторический период. Возможно, это были родственные народы. Последнее положение подтверждается определенным однообразием отдельных признаков погребального обряда. Так, отсутствуют впускные погребения и погребения в каменном ящике. Стереотипна также ориентация погребений. Кроме характерных для ирменской культуры труположений головой на юг и юго-запад, только одно погребение ориентировано на северо-запад. Кроме того, большинство погребений совершено с использованием деревянной рамы. Однако, ни один из этих признаков, по законам математической статистики, не является ведущим. Все это может указывать только на сходный мировоззренческий базис консолидирующихся в новое этнокультурное образование народов и на их возможное этногенетическое родство.

Погребальный обряд ирменских племен Кузнецкой котловины является продолжением той линии развития, которая сформировалась в Новосибирском Приобье. На данной территории погребальный обряд является устойчивым элементом материальной и духовной культуры. Практически все признаки обладают высокой избыточностью и малой стохастичностью. Среднестатистическое погребение ирменской культуры Кузнецкой котловины характеризуется следующими параметрами: труположение, ориентированное головой на юго-запад, совершенное на уровне древней поверхности в деревянной раме без перекрытия и сосуда. В Новосибирском Приобье намечается преобладание именно этих линий развития, и на данной территории они получают логическое завершение через устойчивое доминирование. Тем не менее, заметны значительные новации в материальной культуре. Так, по сравнению с Новосибирским Приобьем в процентном соотношении сокращается количество погребений, совершенных по обряду кремации. В то же время расширяется спектр стран света, на которые ориентированы погребения. Появляется некоторое количество захоронений с западной и восточной ориентацией, связанных, в основном, с впускными погребениями. Специалистами высказывалась гипотеза о принадлежности подобных погребений инкорпорантам (Бобров В.В., Горяев В.С., 1997). Несмотря на преобладание погребений на уровне древней поверхности, определенное распространение получают впускные погребения и погребения на подиуме. Более разнообразной становится конструкция могил. При их сооружении, наряду с деревом, стал употребляться камень, появляется перекрытие из бересты. Выросло количество погребений с керамикой, причем сосуды преимущественно располагались в изголовье. Все эти изменения указывают на то, что с расширением тер-

ритории культуры происходит увеличение контактов с племенами, выработавшими иные традиции и нормы, как в материальной, так и в духовной культуре. Если изменения затронули такую консервативную сферу жизнедеятельности любого общества как погребальный обряд, то, вполне вероятно, это связано с частичной ассимиляцией пришлого населения и инокультурных обычаев. Последние заполняют имеющиеся лакуны в культуре-реципиенте. Подобные процессы происходили в первую очередь в больших родоплеменных объединениях либо в контактных зонах. Новационные тенденции отмечены в первую очередь в периферийных могильниках, таких как Сапогово I (самый западный из учтенных) (Илюшин А.М. и др., 1996) и Пьяново и Тарасово (Мартынов А.И., 1966) (наиболее северные из учтенных погребальных комплексов). И все инновации в той или иной степени отмечены в Танайском археологическом микрорайоне, который является своеобразным гигантским некрополем для племен ирменской культуры Кузнецкой котловины.

Ирменская культура Барнаульско-Бийского Приобья, вероятно, хронологически более поздняя, чем в Новосибирском Приобье. Погребальный обряд данного региона значительно отличается от вышеописанных районов. Самая яркая черта, подчеркивающая его своеобразие – появление грунтовых могильников, что не свойственно другим территориям. Среднестатистическое погребение характеризуется следующими чертами. Это подкурганное захоронение, совершенное в слегка углубленной в материк яме по обряду ингумации. Ориентация погребений неустойчива, но преобладает традиционное юго-западное направление. В отличие от других регионов Верхнего Приобья, для погребальной практики алтайских племен ирменской культуры не характерно использование дерева и камня в погребальных конструкциях, отсутствуют перекрытия. Другой отличительной чертой является завершение формирования такого признака, как расположение сосуда в погребении. На данной территории 73,65% ирменских погребений имеют сосуды. В 95 случаях из 100 они располагались в изголовье погребенного. Распространение грунтовых погребений, вероятно, является следствием начавшейся ломки традиционных мировоззренческих установок. Определенную роль в этих процессах сыграли не только инокультурные вливания, но и существовавшие контакты между ирменскими племенами Барнаульско-Бийского Приобья и Кузнецкой котловины. Эти контакты носили двусторонний характер. Так, в могильнике Суртайка, к.29, могила 1 было зафиксировано погребение в каменном ящике (Членова Н.Л., 1973а). В то же время, в Кузнецкой котловине, на поселении Танай 4а найдены развалы сосудов с некоторыми характерными для ирменской керамики Алтая чертами (Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 2000).

Научный руководитель – д.и.н. В.В. Бобров

С.А. Ковалевский

(Кемерово, педагогический колледж)

К вопросу о происхождении и территории распространения бронзовых ножей с монетовидными навершиями

До начала 1990-х годов ножей с монетовидными навершиями в памятниках ирменской культуры, по информации Н.Л. Членовой, было известно только три. Это экземпляры из могильников Камышенка, Еловский-II и Журавлево-I, датированные исследовательницей VIII-VII вв. до н.э. на основании параллелей из большереченского могильника Ближние Елбаны-VII и поселения Дальверзин в Фергане (Членова Н.Л., 1994, с. 16-17).

Исследования последнего десятилетия показывают, что таких ножей было гораздо больше. В настоящее время на территории Кузнецкой котловины известно уже пять ножей с монетовидными навершиями. Три из них обнаружено при исследованиях памятников Касьминского археологического микрорайона. Это два ножа (рис. 1, 2,3) из ирменских по-

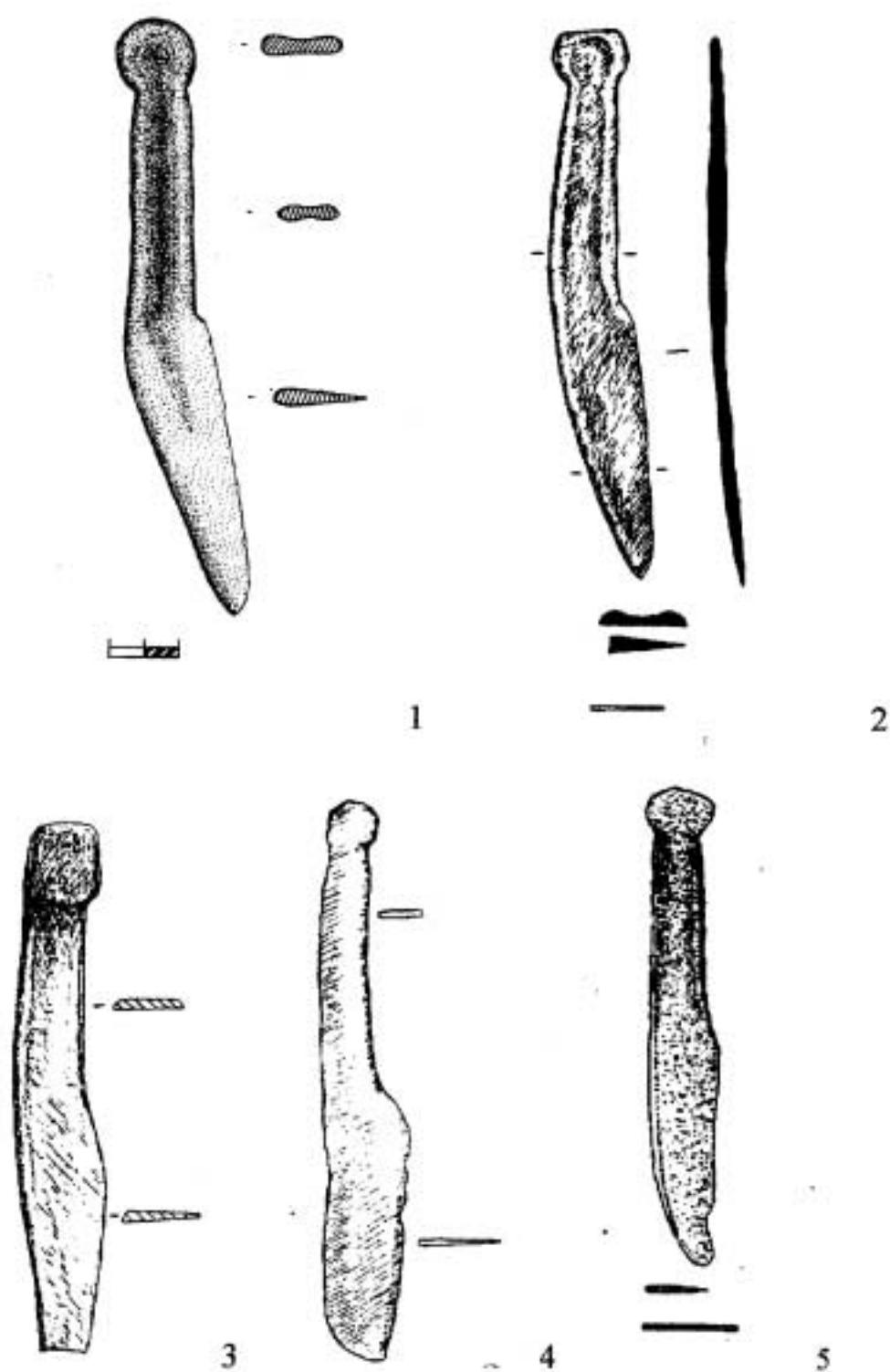

Рис. 1. Бронзовые ножи с монетовидными навершиями из ирменских памятников Кузнецкой котловины: 1 – поселение Торопово-4; 2 – могильник Сапогово-1; 3 – могильник Шабаново-4; 4 – могильник Журавлево-1; 5 – могильник Ваганово-2.

гребений могильников Шабаново-IV и Сапогово-I (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, рис. 7, 1; Илюшин А.М. и др., 1996). Третий экземпляр был обнаружен при осмотре обнажения культурного слоя ирменского поселения Торопово-IV в 2000 году (рис. 1, 1). Интересно, что все эти ножи – дугообразнообушковые, а последние два имеют желобчатые рукояти. Эти признаки сближают данные изделия с карасукскими ножами Минусинской котловины имеющими кольчатые навершия. Два других ножа (рис. 1, 4, 5) происходят из ирменских могильников Журавлево-I и Ваганово-II (Бобров В.В., 1996, рис. 9, 1; Бобров В.В. и др., 1998, рис. 1, 3). Оба изделия имеют уже прямой, типично ирменский, обушок скошенный к лезвию.

На территории Верхнего Приобья ножи с монетовидными навершиями известны из ирменских могильников Еловский-II, Камышенка и поселения Милованово-III (Матюшенко В.И., 1974, рис. 88, 5; Членова Н.Л., 1994, рис. 5, 2; Бородовский А.П., 1997, с. 28). Нож из Камышенки имеет прямой, дугообразно завершающийся к лезвию обушок, два других ножа – дугообразнообушковые.

В переходное время от бронзы к железу ножи с монетовидными навершиями продолжают бытовать в большереченских памятниках Алтайского Приобья, таких как Ближние Елбаны-VII и Фирсово-XVIII (Грязнов М.П., 1956, табл. XVIII, 28; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2, 1). Один нож является случайной находкой обнаруженной близ с. Тальменское (Членова Н.Л., 1997, рис. 47, 4).

Создается впечатление, что происхождение ножей этого типа связано с территорией Минусинской котловины, а их эволюция, вероятно, проявляется в постепенном исчезновении карасукоидных признаков (дугообразный обушок и желобчатая рукоять). Территория бытования этих изделий включает в себя Кузнецкую котловину и Верхнее Приобье.

В.А. Сумин, М.В. Титова, И.В. Невзорова

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Новый памятник быстрого этапа ирменской культуры Новосибирского Приобья

В полевой сезон 2000 года были начаты аварийные раскопки поселения Крохалевка-7 А, которое находится в Коченевском районе Новосибирской области, на юго-восточной окраине Крохалевского археологического микрорайона.

Памятник был открыт В.И.Молодиным в 1975 г. и по материалам шурфовки отнесен к еловско-ирменской археологической культуре.

Приоритетной задачей данной публикации является ввод новых материалов по довольно дискуссионной на сегодняшний день проблеме происхождения и генезиса археологических культур эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья.

В ходе проведенных работ выявлен разновременный характер памятника. Доминирующими на поселении являются материалы эпохи поздней бронзы. К этому времени относятся наиболее крупные жилищные западины, расположенные вдоль края надпойменной террасы системы старичных озер.

В процессе проведения охранных археологических мероприятий нами были исследованы: большая часть межжилищного пространства, склон террасы и частично две жилищные западины.

Основным информационным материалом, полученным в ходе раскопок, явилась керамика. Подавляющее большинство керамики локализовалось в заполнении котлованов жилищ и околожилищных пространствах. Всего на данный момент на поселении обнаружено фрагментов как минимум от 50 сосудов эпохи поздней бронзы (счет велся по венчикам).

Преобладающими элементами орнамента являются: сеточка, выполненная гребенчатым либо гладким штампом, а также прочерченными линиями, и оконтуренные сетчатые пояса. Эти элементы орнамента расположены, как правило, на верхней части сосудов. Далее по частоте встречаемости следует елочка, которая тоже наносилась гребенчатым или гладким штампом и прочерченными линиями. Широко распространены ямочные вдавления, которые играют роль разделителей орнаментальных поясов.

Кроме вышеперечисленных встречены и другие элементы орнамента: ряды движущейся гребенки, ряды косо поставленных линий, прочерченные линии, заштрихованные треугольники, ряды семечковидных вдавлений и прочие. В трех случаях на венчиках сосудов присутствовал валик.

При исследовании котлована жилища № 1, в заполнении хозяйственной ямы, были найдены дно и придонная часть сосуда, орнаментированная косо поставленными линиями, выполненными гладким штампом, и рядами ямочных вдавлений с разделительным функциональным назначением (рис. 1 – 4).

В процессе раскопок котлована жилища № 6 помимо единичных фрагментов керамики были обнаружены развалы двух сосудов, которые практически полностью реконструируются графически.

Сосуд № 1 (рис. 1 – 1) имеет хорошо профилированную горшковидную форму, по всей вероятности, орнамент покрывал всю поверхность сосуда. Основным орнаментальным мотивом является сеточка и елочка, выполненные гладким и гребенчатым штампом. Орнаментальные пояса разделены рядами ямочных вдавлений.

Сосуд № 2 (рис. 1 – 2) хорошо профилированной горшковидной формы, орнаментирована только верхняя половина сосуда. Орнаментация выполнена в гребенчатой технике. На венчике сосуда имеется валик и жемчужины, разделенные оттисками гребенки.

Исследованное раскопками жилище № 6 имеет неглубокий, до 40 см, котлован. Вдоль стенок котлована, а также внутри него выявлены остатки столбов опорной конструкции жилища. В центральной части котлована обнаружены остатки открытого очага. Предварительно можно заключить, что жилище, по всей видимости, наземного типа слегка углубленное в грунт и, судя по неглубоким столбовым ямам, идущим вдоль стенок котлована, имело срубную конструкцию.

Таким образом, по результатам проведенных нами работ можно сделать следующие предварительные выводы.

Поселение Крохалевка-7 А является разновременным памятником, содержащим материалы четырех археологических эпох – неолита, бронзы, железа и средневековья. Наиболее многочисленно представлена эпоха поздней бронзы. Обнаруженная во время раскопок керамика эпохи поздней бронзы характерна для быстровского этапа ирменской культуры.

Аналогичная керамика встречена на целом ряде поселений Новосибирского Приобья, таких как Быстровка-4, Милованово-3, Усть-Алеус-6, Заречное-3 и других.

На основании проведенного нами предварительного анализа материалов раскопок этого года можно заключить, что характерной особенностью данного керамического комплекса эпохи поздней бронзы является его принадлежность исключительно к раннему, быстровскому этапу ирменской культуры и отсутствие керамики более поздних этапов данной культуры. Что само по себе является редкостью для подобных поселений Новосибирского Приобья. Исключение составляет лишь памятник Заречное 3, на котором также обнаружен чистый быстровский керамический комплекс (Зах, 1997, с 63).

Конечно окончательно утверждать о «чистоте» быстровского керамического комплекса на Крохалевке-7 А можно будет лишь после полного исследования памятника.

На данном же этапе можно говорить о том, что материалы памятника Крохалевка-7 А в очередной раз подтверждают, что выделение самостоятельного раннего, быстров-

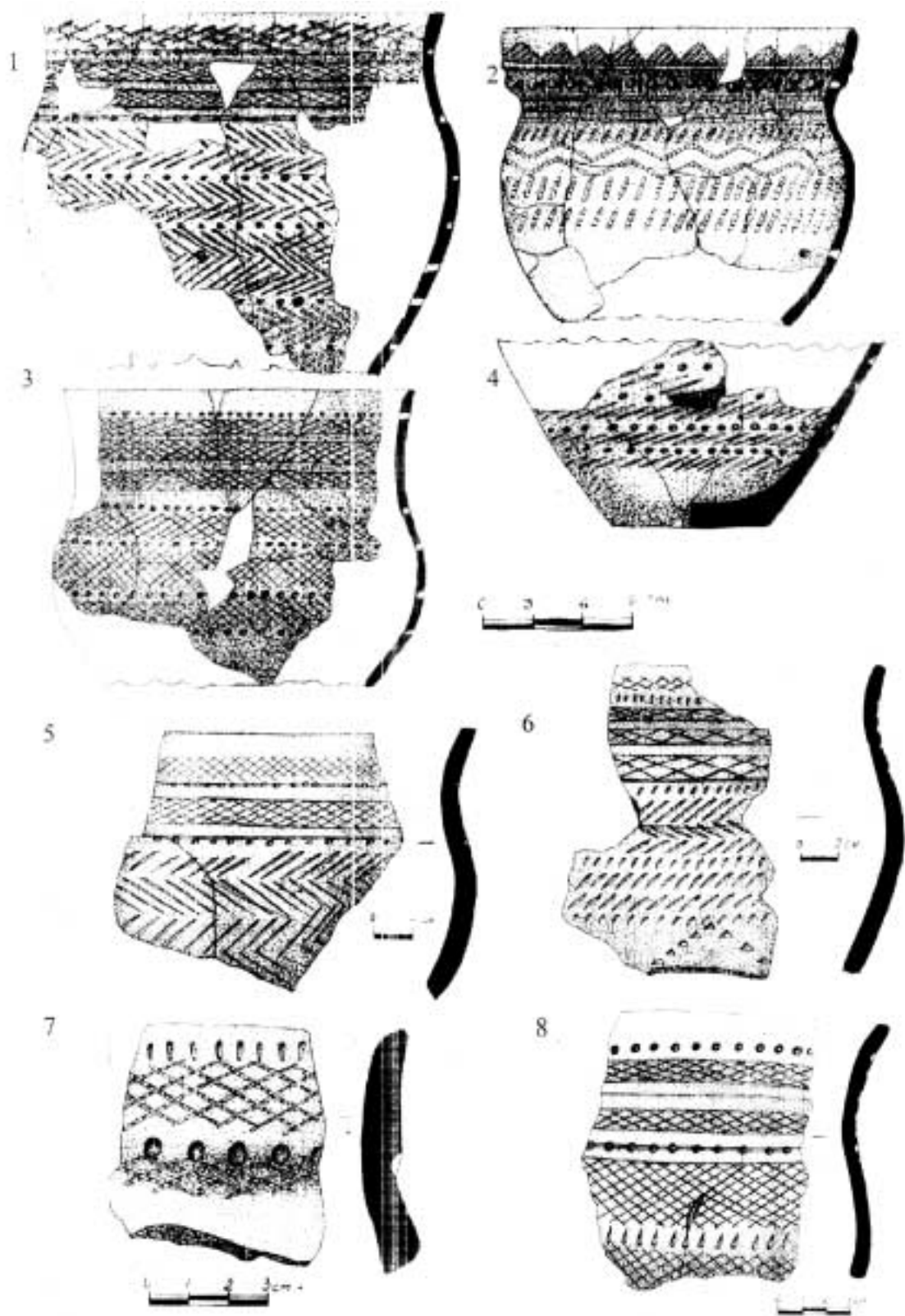

Рисунок 1. Новосибирская область, Коченевский район, с. Крохалевка, поселение Крохалевка-7А. Керамика эпохи поздней бронзы.

ского этапа в ирменской археологической культуре является обоснованным (Матвеев, 1993, с. 93-112).

Что касается датировки, то в научной литературе абсолютная датировка быстровского этапа в лесостепном Приобье разными авторами трактуется неоднозначно.

На наш взгляд керамический комплекс быстровского этапа ирменской культуры поселения Крохалёвка-7 А предварительно можно датировать рубежом 2 – 1 тысячелетия до н. э.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая

В.А. Сумин, М.В. Титова

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Памятники эпохи поздней бронзы в Крохалёвском археологическом микрорайоне

Крохалёвский археологический микрорайон (АМР) является, пожалуй, наиболее информативным районом Новосибирского Приобья в плане насыщенности археологическими памятниками. Он расположен к северу от Новосибирска, на юго-западной окраине Кудряшевского бора. В микрорайоне насчитывается свыше 100 археологических памятников, имеющих широкий хронологический диапазон, от эпохи неолита до позднего средневековья. Среди археологических объектов доминируют многослойные и разновременные памятники.

На сегодняшний день, материалы и слои эпохи поздней бронзы встречены на 13 памятниках микрорайона.

Эпоха поздней бронзы в Новосибирском Приобье наиболее известна и изучена по памятникам, относящимся к ирменской культуре. Однако, сегодня по-прежнему актуальны вопросы происхождения и развития ирменской культуры, а так же её периодизации и хронологии. Существует целый ряд работ, посвященных данной проблематике. Наиболее обоснованной, на наш взгляд, является периодизация, предложенная А.И. Матвеевым, в которой он выделяет ранний, быстровский этап ирменской культуры. Подавляющее большинство быстровских материалов встречено в основном на многослойных памятниках, как правило, совместно с более поздними ирменскими материалами. В этой связи весьма продуктивным является исследование памятников, содержащих чистые быстровские комплексы.

Богатый информативный материал можно получить в процессе изучения памятников данного времени в Крохалёвском АМР, где известны как смешанные быстровско - ирменские комплексы, так и памятники, содержащие чистые ирменские и быстровские материалы. Так, на сегодняшний день, смешанные быстровско-ирменские материалы обнаружены на памятниках Крохалёвка-3, Крохалёвка-11А, Крохалёвка-31; ирменские - на поселениях Крохалёвка-4, Крохалёвка-12, Крохалёвка-57, в погребениях могильника Крохалёвка-13; быстровские - на поселении Крохалёвка-7А. В большинстве случаев материалы рассматриваемого времени встречаются на памятниках с перемешанными в более позднее время слоями, что затрудняет их изучение. Однако имеются и такие памятники или отдельные участки на разных поселениях, где возможно более детально проследить формирование культурных напластований. Среди наиболее перспективных можно выделить быстровское поселение Крохалёвка-7А, а так же быстровско-ирменские слои на поселениях Крохалёвка-3 и Крохалёвка-11А.

Другой проблемой, свою лепту в разрешение которой может внести дальнейшее исследование памятников Крохалёвского АМР, является вопрос о распространении и интеграции еловской культуры в Новосибирском Приобье. В настоящее время данная территория как бы полностью выпала из ареала распространения еловской культуры. Так, ряд памятников, которые ранее относили к еловской культуре, в настоящее время считают либо памятниками ордынского типа, либо быстровскими. Нельзя не согласиться, что причисление час-

ти памятников к быстровскому этапу ирменской культуры достаточно обосновано. Что же касается ордынских памятников, то на наш взгляд не исключено, что их материалы переходного характера отражают именно процесс дальнейшего развития и трансформации еловской культуры в Новосибирском Приобье.

Среди памятников Крохалёвского АМР к еловской культуре с полным основанием можно отнести поселения Крохалёвка-15, Крохалёвка-44, Крохалёвка-37, на которых встречена керамика с характерной для еловской культуры гребенчато-ямочной орнаментацией и многообразием орнаментальных композиций. К еловской культуре в микрорайоне относится и ряд погребений, а так же отдельные сосуды, обнаруженные на разновременном могильнике Крохалёвка-13. Керамика с вышеперечисленных памятников аналогична керамике еловских памятников юга Томской области. Ещё одним памятником этого периода в микрорайоне является поселение Крохалёвка-7Б. При разведочных работах на данном поселении найдена керамика близкая как еловской, так и быстровской керамике. Подобная же керамика в небольшом количестве обнаружена при раскопках разновременного поселения Крохалёвка-36. Дальнейшие исследования этих памятников позволят более аргументировано говорить об их культурной принадлежности, а так же о соотношении еловской культуры и быстровского этапа ирменской культуры.

На сегодняшний день актуальным направлением является продолжение исследования разновременного могильника Крохалёвка-13, где обнаружены грунтовые еловские и ирменские погребения, что позволит проследить взаимосвязь между поселенческими и погребальными комплексами данных культур и составить более всестороннее представление о культурах эпохи поздней бронзы.

Таким образом, изучение и исследование памятников эпохи поздней бронзы Крохалёвского АМР возможно позволит решить многие спорные вопросы, касающиеся происхождения и генезиса ирменской культуры, распространения и трансформации еловской культуры, а так же их периодизации и хронологии на территории Новосибирского Приобья.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая

Д.В. Папин

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Хозяйственно-культурный центр поздней бронзы на юге Кулунды

Поселение, одна из самых распространенных форм археологического объекта. Обычно под этим понятием обозначаются любые остатки более или менее продолжительной жизни людей на одном месте (Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989). По сравнению с предыдущим временем в период эпохи бронзы на юге Западной Сибири происходит значительный количественный рост этого вида памятников. Преобладающими из них являются местонахождения и стоянки. Но на их фоне резко выделяются стационарные комплексы с мощными отложениями артефактов, указывающими на значительную концентрацию населения и продолжительное время обитания, где выделяются специализированные производственные или культовые участки, прослеживаются попытки архитектурно-планировочной организации территории. Всё это демонстрирует более высокий статус по сравнению с окружающими поселениями. В литературе они получили наименование хозяйственно-культурные центры (ХКЦ) (Горбунов В.С., 1992, с. 127; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1998).

На территории Верхней Оби значительными площадями исследованы поселения ирменской, корчажкинской, саргаринской и бегазинской культур поздней бронзы: Фирсово XVIII, XVII, Костёноква Избушка, Казённая Заимка, Цыганкова Сопка I, Заковряшино I, Быково I, III, Речкуново III, IV, Коровья Пристань III, Новоильинка, Кайгородка III, Бурла III, Жар-

ково I, Калиновка II, Курейка III, Суслово I, Чекановский Лог-1, Советский Путь-I и др. Все они дали огромный материал по планиграфии, домостроительству, хозяйственной направленности древнего населения, большое количество изделий из кости и бронзы, а так же значительные керамические серии, позволившие провести культурную стратификацию региона в указанный период (Демин, Ситников, 1999; Кирюшин, Иванов, Удодов 1990; Иванов, 2000; Удодов, 1991; Папин, Шамшин, 1999; Шамшин, 1996). Но особое место в этом ряду памятников занимает поселение саргаринско-алексеевской культуры Рублево VI. Оно расположено у одноимённого озера на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края и было открыто в 1989 году А.Б. Шамшиным. Полученные за это время материалы неоднократно публиковались (Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990; Изоткин С.Л., 1991; Шамшин А.Б., 1999; Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л. и др., 1999; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1999; Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2001). Общая площадь составляет 10,5 га, на этой территории по окружности размещаются пятнадцать округлых в плане западин глубиной до 1 метра, наиболее крупные из которых достигают 300-400 кв. м. На раздувах, в разных частях поселения собран единый материал, относящийся к саргаринско-алексеевской культуре. Коллекция бронзовых предметов представлена: однолезвийными ножами, двулезвийными кинжалами, разного типа проколами; из кости изготовлены наконечники стрел и трёхдырчатый псалий, так же найдены обломки каменных литейных форм. Начато изучение двухкамерного объекта. Мощность культурных отложений в среднем 0,7-0,8 м. Степень концентрации находок в зольнике чрезвычайно высока, но 90% из них составляют костные остатки, ранее нами указывалось на его возможный обрядовый характер (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1999).

По всей видимости, Рублево-VI крупный хозяйственно-культурный центр саргаринско-алексеевской культуры в этом регионе, что также обусловлено наличием благоприятных природных условий: пресноводным озером Рублево, ленточным бором и среди него остепнёнными участками – еланями. Таким образом, поселение Рублево-VI является самым значительным памятником поздней бронзы, изучаемым в настоящее время в Кулундинской степи.

ХКЦ являются отражением определенного уровня развития человеческого сообщества, в котором тесно взаимодействует социальное, биологическое и техногенное начало. Соответственно, основные решения поставленных исследовательских задач должны реализовываться в междисциплинарном подходе, базирующемся как на археологических материалах, так и на основе данных естественных наук и показателях социологии.

*Работа подготовлена при поддержке гранта Минобразования РФ № ГОО-1.2-298
Научный руководитель – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н. А.Б. Шамшин*

Р.В. Белоусов

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Поселение Гусиная Ляга-1 – памятник финальной бронзы Севера Кулунды

Как это уже не раз отмечалось исследователями вопросы бытования позднебронзовых культур в лесостепном Алтае оставались открытыми, в связи с отсутствием памятников, надёжно датируемых VIII-VII веками до н. э. Данная проблема породила широкую дискуссию (Кирюшин Ю.Ф., Иванов В.С., Удодов В.С., 1991, с.84-92; Удодов В.С., 1988, с.107-110; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с.85-109; Могильников В.А., 1989, с.62-77; Могильников В.А., 1997, с.3-9).

Одним из первых таких памятников в Северной Кулунде стало поселение Гусиная Ляга-1 открытое в 1994 С. М. Ситниковым. Оно расположено в 5 км северо-восточнее села Хабары Алтайского края, близ болота Гусиная Ляга, на круглой возвышенности высотой 3-4

м. В результате раскопочных работ получен богатый археологический материал: керамический комплекс, каменный и костяной инвентарь.

Каменный и костяной инвентарь отражает большой спектр хозяйственной деятельности древних жителей поселения Гусиная Ляга-1. К орудиям бронзолитейного производства можно отнести пест и ложило. Надо отметить, что удаленность региона (Север Кулунды) от непосредственных рудных баз, сказывается на том, что большинство орудий является по существу универсальными и могли применяться в различных видах хозяйственной деятельности. Аналогичные орудия встречены, как на алтайских поселениях финальной бронзы, таких как Бурла-3 (Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С., 1997, с.76-79) так и памятниках Центрального Казахстана: Атасу (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж., 1992, с.159), Петровка (Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1998, с.60-70)

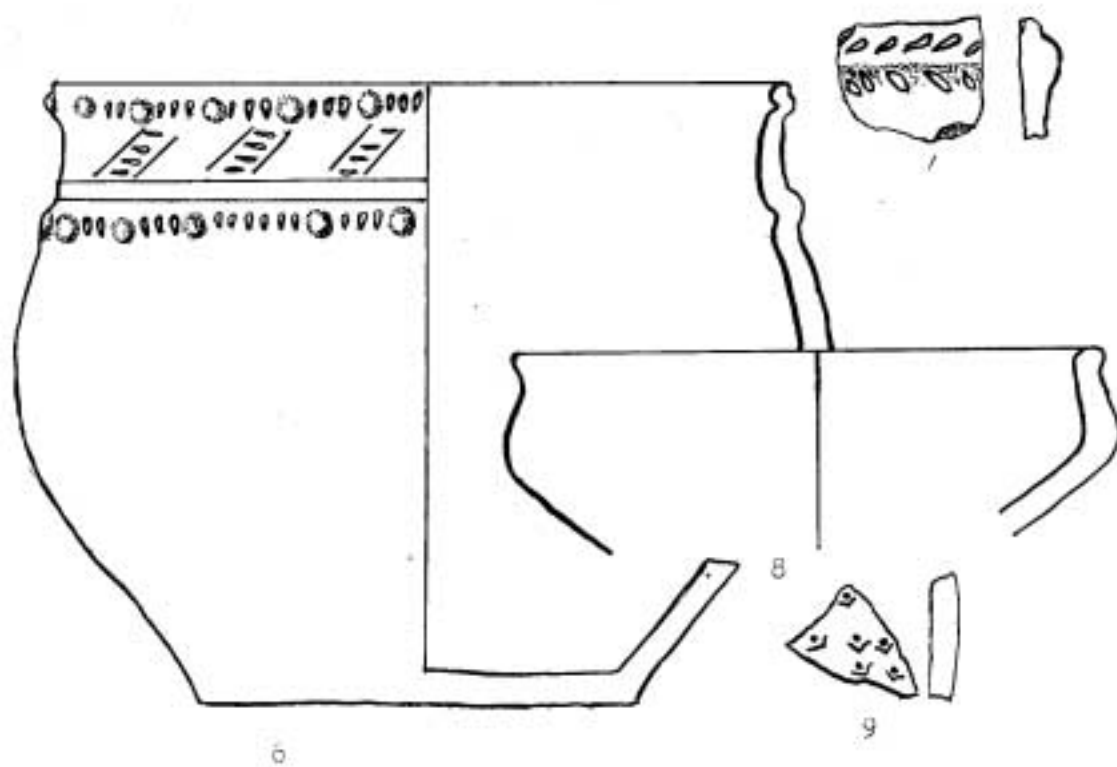
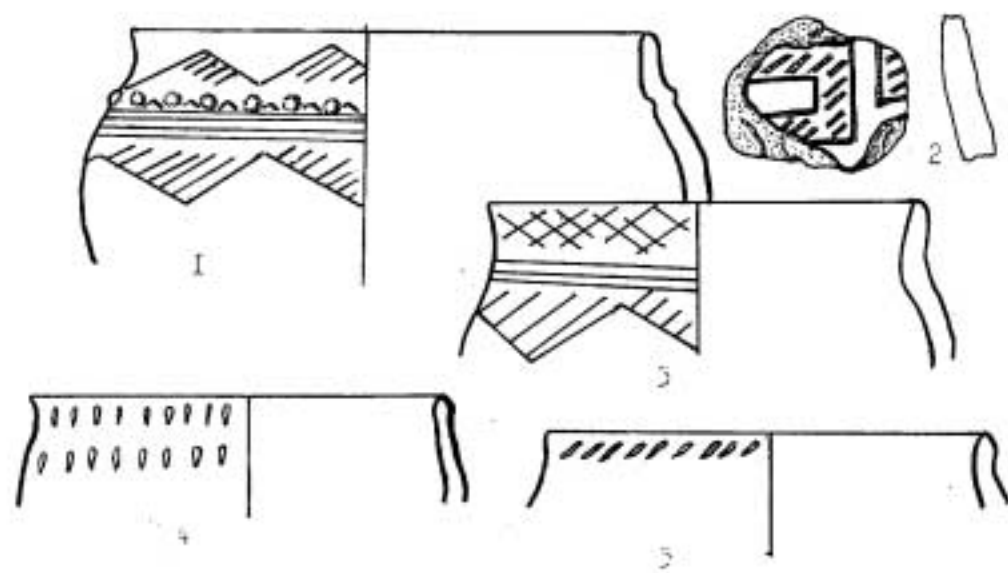
Самой крупной функциональной группой костяных орудий являются скорняжные инструменты. По схеме, предложенной Кунгуровой Н.Ю. и Ситниковым С.М. (Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М., 1999, с.46-48), на поселении выделяются две группы инструментов: 1) двуручные скребки с одним или двумя рабочими краями, используемые для интенсивного разрыхления и скобления кож, 2) скребла-ножи с рукояточной частью для снятия мездры. Данные орудия имеют аналоги с поселений Алтайского края Чекановский Лог-1 (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с.25-31), Советский Путь-1 (Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М., 1999, с.46-53) и Казахстана: Атасу, Мыржик, Каркаралы (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с.164).

На поселении Гусиная Ляга-1 выявлен богатый керамический материал. В нем численно преобладают неорнаментированные фрагменты керамики, которые отнести к какой-либо культуре не представляется возможным (72%), а орнаментированных найдено 28% от общего количества керамики.

В технике орнаментации господствует гладкий штамп – 47,7%; среднезубчатый гребенчатый штамп – 11,9%; жемчужины – 9,4%. Меньше использовались наклонные каплевидные вдавления – 6,2%; желобки – 5,6%, мелкозубчатый гребенчатый штамп – 3,7%. Единично представлена такая орнаментационная техника, как ногтевые зацепы, фигурный штамп. В целом можно отметить, что полученный материал залегал в одном слое, т. е. был единовременный, но в культурном плане он не однороден. Так по материалам керамического комплекса можно выделить четыре культурные группы поселения Гусиная Ляга-1: 1) станковая; 2) бегазы-дадынбаевская; 3) саргаринско-алексеевская; 4) ирменсакая керамика.

К бегазы-дадынбаевской культуре относятся обломки не менее чем от трех сосудов. В двух случаях в технике орнаментации используется мелкозубчатый гребенчатый штамп, в одном – фигурный. Узоры имеют характерные для бегазы-дадынбаевской культуры геометрические мотивы: заштрихованные прямоугольники (рис. 2,9). В связи с малым размером фрагментов судить о форме сосудов не представляется возможным. Аналоги данной керамики можно проследить на таких поселениях Алтая – Рублево-6 (Шамшин А.Б., и др., 1999, с.29-41), Бурла-3, Кайгородка-3, Курейка-3, Крестьянское-4, Новоильинка (Удодов В.С., 1994, с.16-17; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. 1990, с.120-124; Иванов Г.Е., 1987, с.133; Иванов Г.Е., 1998, с.101; Уманский А.П., Ситников С.М., 1995, с.46-53) и Восточного Казахстана: Трушниково (Черников С.С., 1960, с.60).

Станковая керамика представлена графически реконструируемым сосудом в форме чаши и несколькими фрагментами. Аналоги данной посуде встречены на поселениях Кайгородке-3, Бурла-3. Исследователи отмечают, что для степного Алтая характерно наличие в единых комплексах и бегазы-дадынбаевской, и станковой керамики (Удодов В.С., 1988, с.107-110). Причем данная особенность позволила выделить особый «бурлинский» тип памятников (Удодов В.С., 1988, с.107-110), время бытования которого датируется в хронологическом промежутке «середины XIII в до н. э. и до XI(X) в. до н.э.» (Удодов В.С., 1994, с.17). Суть его сводится «в устойчивом сосуществовании и взаимодействии двух культурно-исторических традиций: бегазы-дадынбаевской линии развития; традиции изготовления станковой посуды, характер-

ной для среднеазиатских земледельческих культур времени Намазга-6» (Удодов В.С., 1994, с.16-18). Время бытования станковой традиции на Алтае считается незначительным с последующей ее ассимиляцией: «вероятно пришельцы были быстро ассимилированы, т.к. развитие традиция изготовления посуды на круге не получила» (Удодов В.С., 1994, с.16)

Более крупной группой представлены фрагменты сосудов, относящихся к саргаринско-алексеевской культуре. Все сосуды плоскодонные и делятся на две группы: банки и горшки. Самую многочисленную группу саргаринско-алексеевской керамики составляют горшковидные сосуды плавной профилировки со слегка отогнутым наружу венчиком. В основном у горшков украшена верхняя часть сосуда. В технике орнаментации использовался гладкий штамп, семечковидные вдавления в один-два ряда, среднезубчатый гребенчатый штамп (рис. 4,5,7). Орнаментационные мотивы в целом характерны для саргаринско-алексеевской посуды Алтая и имеют аналоги в материалах поселений Новоильинка-1 (Уманский А.П., Ситников С.М., 1995, с.46-53), Советский Путь-1 (Ситников С.М., 1998, с.71-84), Черная Курья-3, Курейка-3, Бурла-3, Калиновка-2, Крестьянское-4 (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.104-128; Иванов Г.Е., 1990, с.86-103; Иванов Г.Е., 1993, с.132-146; Иванов Г.Е., 1987, с.131-155; Иванов Г.Е., 1998, с.101; Удодов В.С., 1994, с.16-18). Данная керамика схожа с саргаринско-алексеевской посудой Казахстана: Мало-Красноярка (Черников С.С., 1960, с.48); Усть-Кенетай (Евдокимов В.В., 1982, с.3-20); Копя-1 (Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1982, с.20-41) и др.

Основу керамического комплекса составляет позднеирменская посуда (около 80%). Вся посуда плоскодонная, лепная, имеющиеся фрагменты венчиков и графически реконструируемые сосуды позволяют разделить их на две группы: 1) баночные; 2) слабопрофилированные горшки. Украшение сосудов отличается большим разнообразием, но все они характерны для позднеирменских орнаментальных мотивов. Это крупная резная сетка, нанесенная гладким штампом, прочерченные горизонтальные сетки, жемчужник с разделителем в виде ямочных вдавлений, вертикальных и каплевидных вдавлений, подтреугольных вдавлений, заштрихованные равнобедренные треугольники (рис. 1,3). Интерес представляют полученные в результате раскопок сосуды с одним и двумя рядами жемчужин (рис. 1. – 6). Двухрядный жемчужник с разделителем является характерным диагностирующим фактом позднеирменских сосудов (Молодин В.И., 1985, с.157-158). Данный керамический комплекс имеет аналоги в материалах Барабинской лесостепи: Милованово-3, Туруновка-4, Быстровка-4 (Молодин В.И., 1985, с.174). Керамика сходного облика встречена и на ряде памятников переходного времени Алтайского Приобья: Малый Гоньбинский Кордон – 1,2, Усть-Чумышская Пристань – 1, Крестьянское – 9, Боровое – 3 (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, рис. 9, 11; Иванов Г.Е., 1990, с.86-103; Кунгуров А.Л., 1999, с.74-77). Позднеирменские материалы некоторые исследователи датируют концом VIII – началом VII вв. до н.э. (Молодин В.И., 1985, с.147).

Поселение Гусиная Ляга-1 отражает в своих материалах сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в переходное время в зоне Степного Алтая. Полученный в ходе раскопок материал позволяет по новому взглянуть на сложившиеся представления о проблемах хронологии, взаимоотношение, происхождение и развитие культур стыка периода финальной бронзы и раннего железного века.

По самой многочисленной категории находок (позднеирменская керамика) поселение Гусиная Ляга-1 датируется концом VIII-началом VII. Нахождение в одном слое посуды, изготовленной в позднеирменской традиции, и керамики культур финальной бронзы Степного Алтая: бегазы-дадынбаевской, станковой (т.е. «бурлинский» тип памятников), саргаринско-алексеевской дает основание пересмотреть верхнюю дату бытования данных культур и синхронизировать ее с позднеирменской (конец VIII-начало VII). С другой стороны, этот же факт ставит вопрос о генезисе самой ирменской культуры.

Научный руководитель – д.и.н. Демин М.А.

*Ранний железный век
Северной Азии*

А.П. Овчаренко

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Жилища переходного времени от бронзового к железному веку городища Чича-1

Летом 2000 г. были продолжены работы комплексной российско-германской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, на городище Чича-1 в Здвинском районе Новосибирской области, с целью подтверждения геофизических данных полученных в прошлом сезоне (Молодин В.И., Парцингер Г., Бекер Х., Чемякина М. А. и др., 2000). Раскопы были заложены в различных частях городища, в результате чего были исследованы: три конструкции переходного времени, частично три саргатских жилища, два участка оборонительных сооружений и два погребальных комплекса (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2000).

Жилище №2 располагалось в глубине террасы, в 140 м от восточного берега озера Малая Чича. Планиграфически остатки жилищных конструкций не прослеживались, так как до последнего времени территория раскопа и прилегающие к нему участки интенсивно распахивались. Форма выявленного котлована в плане подквадратная, размеры 11,5 x 10,5-12 м (площадь около 126 кв. м). На западной стенке котлована, в 4 м от юго-западного угла, сооружен пологий вход, имеющий ширину 1 м. Расположение выхода с этой стороны объясняется общей планиграфией городища. Глубина котлована варьируется от 0,15 до 0,6 м относительно материка. Дно гладкое, понижающееся от стенок к центру жилища, где глубина его наибольшая. Стенки сооружены отвесно дну, лишь в Ю-В углу, стенка как таковая отсутствует, и дно плавно поднимается на уровень материка.

На дне жилища зафиксировано большое количество ям: строительно-конструкционные, от опорных столбов жилища (в центре и вдоль стен), и хозяйственные. Центральная яма смещена от центра котлована к выходу из него, в заполнении кальцинированные кости, кусочки обожженной глины. Возможно, это был очаг углубленного типа, хотя достоверно определить функцию ямы не предоставляется возможным. Строительно-конструкционные ямы, в основном, располагались вдоль стен и в большинстве имеют наклон к центру котлована. Таким образом, в результате раскопок была выявлена крупная постройка каркасно-столбовой конструкции, относящаяся к подтипу 1 построек полуземляночного типа (Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И., 1993, с.4-45). Большая часть скоплений керамики и костей зафиксированы вдоль стен котлована (в основном западной). Найдены обломки бронзовых ножей, шильев. Osteологический материал представлен костными останками лошадей и коров (10 и 14 особей соответственно) (Васильев С.К., Бенеке Н. и др., 2000, с.263-268). Керамический материал представлен фрагментами и развалами сосудов, аналогичных керамике красноозерской и гамаюнской культур (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985; Борзунов М.А., 1982).

Жилище №3 располагалось в центральной части городища (цитадели), имело на поверхности рельефные контуры в виде прямоугольной западины. Исследованная конструкция представляла собой, по-видимому, трехкамерную каркасно-столбовую конструкцию полуземляночного типа (в площадь раскопа полностью попала только центральная камера). Котлован прямоугольной формы ориентирован по линии З-В его размеры 11 x 9,5 м, (площадь 104 кв. м). Южная и восточная стены котлована сооружены отвесно дну и хорошо прослеживаются. В них зафиксированы коридоры-тамбуры (шириной 0,8 и 1,1 м соответственно), соединяющие камеры жилища. Западная стенка нарушена котлованом жилища №7 эпохи железа, но четко фиксируется и по столбовым ямам и по расположению находок относящихся к переходному времени. Северная стенка фактически отсутствует, но границу жилища можно установить по скоплениям столбовых и хозяйственных ям. Дно котлована

неровное, зафиксировано множество ям (более 400), как строительно-конструкционных, так и хозяйственных.

Наличие на всей площади прокалов, углей, сажистых прослоек подтверждает вывод о том, что жилище 3 погибло во время пожара. Вдоль западной и восточной стенок зафиксированы понижения в виде овальных ям, заполненных черной супесью. В центральной части, в неглубокой яме подквадратной формы, заполненной сажей и золой, располагался очаг. Основные скопления массовых находок (керамика, кости) располагались по периметру и на уровне пола жилища. Остеологический материал представлен костными останками домашних животных: лошадей, овец, собак, а так же останками особей почти всех обнаруженных видов диких животных (Васильев С.К., Бенеке Н. и др., 2000, с.263-268). Индивидуальные находки представлены изделиями из бронзы (шилья-проколки, бляшка, рыболовный крючок), кости (фрагменты наконечников стрел, проколки, роговая мотыжка) и глины (пряслица, бусины). Из глиняных наиболее яркими являются изделия антропо-зооморфных скульптурок с особо подчеркнутыми признаками пола. Многие архитектурные элементы сближают данную конструкцию с ирменскими жилищами исследованными на поселениях Милованово-3 и Быстровка-4 (Матвеев А.В., Сидоров В.А., 1985, с.29-54). Обнаруженный материал, конструктивные и архитектурные особенности жилища дают возможность датировать его 8-7 вв. до н. э.

Жилище № 5 располагалось в южной части памятника, рельефных признаков не имело из-за распашки этой части городища. Выявленный котлован имел подтреугольную форму размером 10,6 x 9,2 x 11,4 м. В западной части зафиксировано понижение от уровня материка ко дну конструкции, возможно служившее входом. По бокам оно было ограничено двумя длинными узкими ямами незначительной глубины, вероятно, игравшими определенную роль в конструкции постройки. Границы котлована четкие, стенки пологие, дно относительно ровное с небольшим понижением к восточной стенке. Глубина конструкции не превышала 0,35 м от уровня материка, что позволяет отнести ее к наземному типу жилищ (Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И., 1993, с.4-45). В раскопе зафиксировано 72 строительных и хозяйственных ям, какой-либо системности в их расположении не замечено. В центре конструкции располагался очаг наземного типа. Основной керамический и остеологический материал зафиксирован как вдоль стен, так и в центре жилища. Обнаружены также индивидуальные находки из бронзы, кости, глины и камня. Костные останки представлены единичными особями домашних и диких животных (Васильев С.К., Бенеке Н. и др., 2000, с.263-268). Вещевой и керамический материал позволяет датировать жилище 8-7 вв. до н. э. и отнести его к позднеирменскому этапу.

Таким образом, раскопанные жилищные конструкции каркасно-столбового типа являются одновременными, хотя и имеют конструктивные различия. Каждое из них использовалось по-своему: *жилище № 2*, по всей видимости, использовалось для жилья и хозяйственной деятельности; камера *жилища № 3* - для жилья, хозяйственной деятельности или содержания скота в зимнее время; *жилище № 5* либо являлось сезонным, либо хозяйственным, в пользу последнего говорит наличие литейных шлаков и прокалов в котловане жилища. Материал жилищ 3 и 5 аналогичен тому, который был получен при раскопках 1979 г. (Молодин В.И., 1985, с.165-171; Парцингер Г., Молодин В.И., Новикова О.И., и др., 1999, с.487-490). Жилище 2 дало материал, имеющий аналогичные параллели в красно-озерской и гамаюнской культурах (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985; Борзунов В.А., 1982). Возможно, различия объясняются тем, что в этих жилищах проживало инокультурное население. Более полную и точную картину можно получить в результате дальнейшего исследования городища.

Научный руководитель – академик РАН В.И. Молодин.

Г.Ю. Пересветов
(Павлодар, Павлодарский историко-краеведческий музей)

**Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры
(по итогам новых исследований в Павлодарской области)**

Одной из наиболее актуальных и нерешенных проблем в изучении памятников ранних кочевников Центрального Казахстана, является вопрос о происхождении тасмолинской культуры и её связь с бегазы-дандыбаевскими памятниками эпохи поздней бронзы, которые предшествуют в хронологическом отношении «тасмоле». На основании некоторых традиций погребального обряда, строительной техники надмогильных сооружений и антропологических данных, была выдвинута идея преемственности этих культур (Кадырбаев М.К., 1966, с.305). Однако, уже в последующих своих работах М.К. Кадырбаев, ставит под сомнение эту гипотезу, поскольку – «попытки проследить преемственность между бегазы-дандыбаевской культурой и культурой типа «тасмола», до сих пор не привели к убедительным результатам (Кадырбаев М.К., 1968, с.32), поскольку на территории Центрального Казахстана отсутствуют памятники т.н. переходного периода.

На сегодняшний день, нам известно только одно захоронение VIII-VII вв. до н.э. в ограде 96 б могильника эпохи бронзы Ак-Мустафа в Джезказганской области (Курманкулов Ж.К., 1989, с.145-147). Памятник, является ритуальным захоронением конского черепа с удилами и бронзовыми изделиями, однако ни погребальный инвентарь, ни ритуальное сооружение, на наш взгляд, не доказывает идею преемственности тасмолинских племен именно с бегазы-дандыбаевской культурой. В литературе неоднократно высказывались мнения о пересмотре хронологии бегазы-дандыбаевских памятников в сторону их удревления (Кадырбаев М.К., 1968, с.34; Удодов В.С., 1991, с.90). В связи с этим, возникает вопрос, вообще о возможности какой-либо связи тасмолинцев с бегазы-дандыбаевскими племенами.

Анализ памятников, относимых исследователями к тасмолинской культуре т.н. курганов «с усами» показывает, что подавляющее большинство этих сооружений относится к восточной части Центрального Казахстана (Бейсенов А.З., 1996, с.37). На территории Восточного Казахстана известно два могильника переходного времени от эпохи бронзы к РЖВ, – Зевакино и Измайловка.

В период с 1998 по 2000 год, ПАЭ в Экибастузском районе Павлодарской области, были проведены исследования трех памятников тасмолинской культуры, материалы которых оказались близки некоторым материалам Зевакинского и Измайловского могильников Восточного Казахстана. Исследования проводились автором совместно с С.В. Куропятниковой, под общим руководством В.К. Мерца.

Курган N 1 исследован в 1998 году. Памятник находится в 3 км к юго-западу от железнодорожной станции Шедерты, на краю первой надпойменной террасы правого берега реки Шедерты. Диаметр сооружения 6 м. Юго-западная часть насыпи частично разрушена. Под насыпью находилась могильная яма размерами 1,9 x 0,75 м, глубиной 0,9 м, ориентированная по линии ЮЮЗ – ССВ. Могильная яма, примыкала к небольшому внутреннему кольцу, диаметром 2,40 м., сложенному из камня. Внутренняя часть могилы забутована камнями. На дне могилы, под камнями лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Под черепом, лежал камень-подушка, треугольной формы. В районе левого коленного сустава найден бронзовый нож, напоминающий по форме ножи с т.н. аркой на кронштейне (рис.1.1), и 6 бронзовых черешковых наконечников стрел (рис.1.2-7). Один наконечник с двухпёрой сводчатой боевой головкой, 3 наконечника с трехпёрой боевой головкой и 2 трехгранных с овальными выемками у основания наконечника. На основе погребального инвентаря, курган датирован нами, начальным этапом тасмолинской культуры – VII в до н.э.

Курган N 2. Исследован в 1999 году. Памятник представляет собой культово-ритуальное сооружение – т.н. курган с «усами». Он расположен в 6 км к югу от станции Шедерты, 800 м на восток от правого берега реки Шедерты и в километре на юго-запад от многослойной стоянки каменного века Шедерты-3. Сооружение состояло, из основного кургана, диаметром 13 м, от которого в восточном направлении отходит 2 каменных гряды («усы»). Длина северной гряды 56 м, южной – 47 м. На окончаниях гряд имеются сооружения в виде небольших каменных насыпей диаметром около 4 м. Гряды были сложены из небольших, примыкающих друг к другу насыпей диаметром 2-2,5 м. При расчистке основного кургана, могильной ямы обнаружено не было.

В северо-западной части насыпи, среди камней обнаружены фрагменты гончарной керамики (рис. 1. – 12, 14-15). В западной части найдены зубы лошади. В восточной части кургана под камнями, обнаружен развал лепного сосуда (рис. 1. 11). Его дно, стояло в небольшом углублении вырубленном в скальной породе. В центре насыпи, сразу под дёрном, найден железный нож с черешковой ручкой (рис. 1. 13). Курган с «усами» относится к типу IV по классификации Кадырбаева (Кадырбаев М.К., 1966, с.309) и к типу I по классификации Бейсенова (Бейсенов А.З., 1996, с.36). Памятник датирован нами по кувшину ручной лепки, первым этапом тасмолинской культуры – VII-VI вв. до н.э. Железный нож находился в грабительской воронке, сразу под дёрном. Фрагменты гончарной керамики были обнаружены среди камней насыпи, а один за ее пределами. Вероятно, нож и гончарная керамика были оставлены при последующих ритуальных действиях или неоднократной попытке ограбления кургана. Так как, на зачищенной поверхности основания кургана, сооруженного на скальном фундаменте, отмечено пять небольших воронок.

Курган N 3. Исследован в 2000 году автором совместно с сотрудником городского музея г.Экибастуза Г.Н. Мусиной. Памятник находится в 1,5 км к северу от окраины г.Экибастуза и 350 м от юго-восточного берега озера Ашису. Он представлял собой насыпь из камней диаметром 9,5 м. Под насыпью в центре лежали крупные каменные плиты перекрытия могильной ямы, которые примыкали с северной стороны к кольцу сложенному из плит средних размеров. Могильная яма была забутована камнями разной величины, под которыми по всей глубине встречались разрозненные кости человека. Размер могилы 200 x 90 см, ориентирована по линии 3-В с небольшим отклонением на север. На дне могилы, на глубине 160 см, обнаружен костяк человека без черепа и правой – верхней части скелета, которые находились выше. Судя по костяку, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим отклонением на север. Слева от кисти левой руки покойного обнаружены костные останки и череп грудного младенца. На разной глубине найдено 3 фрагмента каменного жертвенника, овальной формы на 4-х ножках. Между левой тазовой костью и левой рукой находился каменный оселок и положенный на него железный нож. По погребальному инвентарю курган вероятнее всего относится к II этапу тасмолинской культуры V-III вв. до н.э.

Таким образом, из трёх исследованных памятников нами получен немногочисленный, но довольно выразительный материал. Поскольку курган N 3 является классическим памятником тасмолинской культуры, то его материал далее нами не рассматривается. Курганы N1 и N 2, представляют собой памятники раннего этапа Тасмолы и имеют аналогии погребального инвентаря с материалами памятников переходного времени, тем самым представляя для нас особый интерес.

Прежде всего, надо отметить бронзовый нож из кургана N 1, который по форме близок бронзовым ножам карасук-тагарских форм с навершием в виде арки на кронштейне. В материалах тасмолинской культуры подобные формы ножей отсутствуют. На территории Казахстана, ножи с «аркой на кронштейне» известны только в памятниках VIII-VII вв. до н.э. в могильнике Зевакино в Восточном Казахстане (Арсланова Ф.Х., 1975, таб. N 3). Арсланова рассматривает этот памятник как локальный вариант погребений карасуко-тагарской общности,

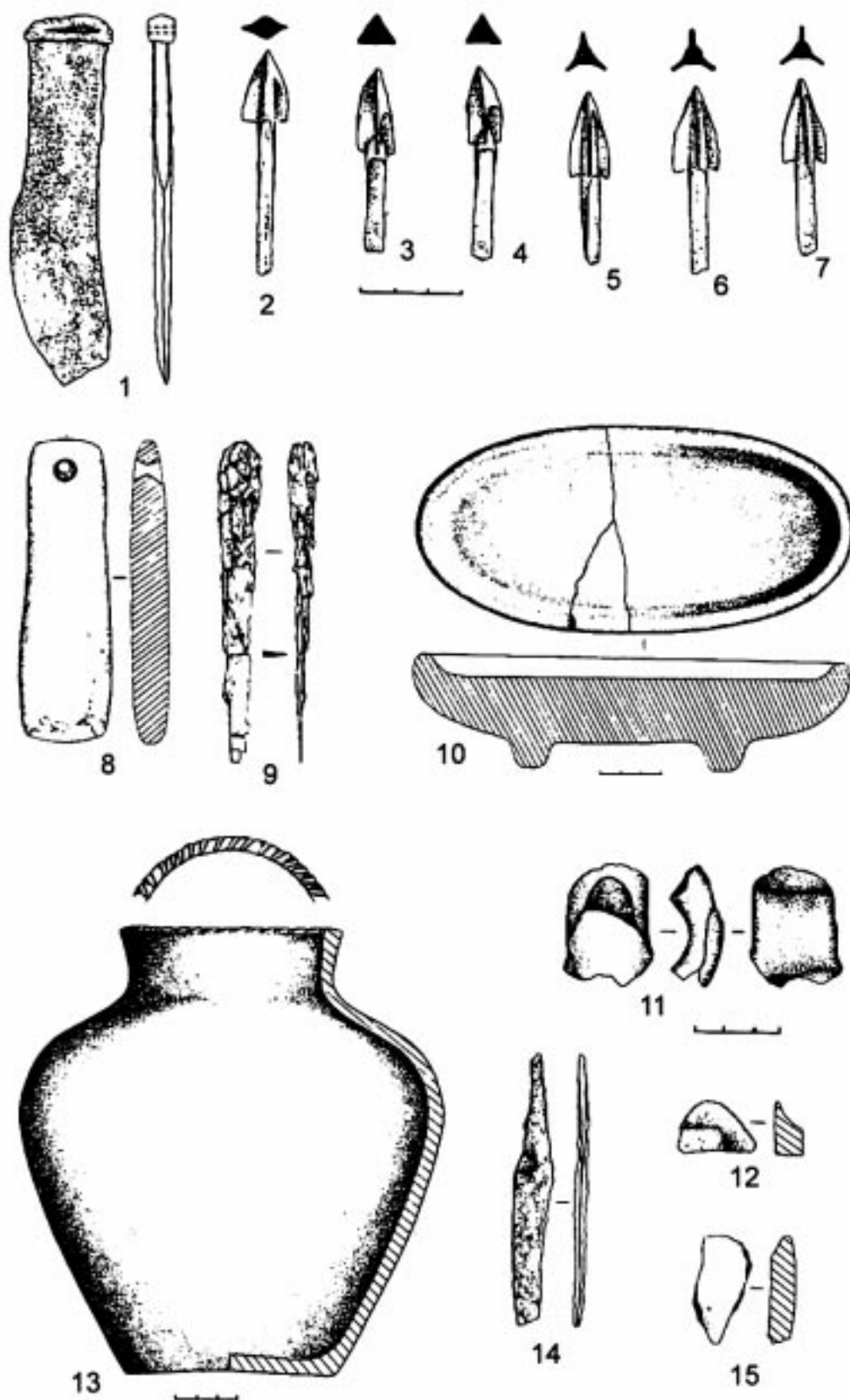

Рис. 1

важную роль в формировании которой сыграли «андроновцы» федоровского времени. Среди других параллелей с этим памятником, надо отметить практически полное отсутствие в могилах Зевакинского могильника керамической посуды, что является характерным признаком тасмолинских захоронений, где посуда встречается исключительно в курганах «с усами».

В кургане N 2, который является курганом «с усами» найден керамический кувшин, аналогичный подобному кувшину из кургана N 3 Зевакинского могильника. Отличительным признаком зевакинского сосуда является, наличие валика на внутренней стенке. Арсланова, исследовавшая Зевакинский могильник, датировала курган N 3 началом I тыс. н.э. Однако, дата вызывает сомнение, поскольку датировка была предложена для всех курганов «с усами» могильника Зевакино по инокультурному захоронению «гунского» времени в кургане N 1, того же могильника (Арсланова Ф.Х., 1975, с.129).

Посуда из курганов «с усами», имеет аналоги среди материалов более раннего времени. В могильнике Измайловка в Восточном Казахстане, датированным IX-VII вв. до н.э., в ограде 27 найдено 2 сосуда сходных с тасмолинскими, являющиеся, вероятно, исходным формами для последующих форм посуды раннесакского времени (Ермолаева А.С., 1987, рис.46). Кроме того в ограде 9 (вместе с сосудом бегазинско-карасукского типа) и ограде 17 того же могильника, найдена посуда, характерная для тасмолинской керамики из курганов «с усами». В могильнике Кызылтас в Восточном Казахстане (Арсланова Ф.Х., 1975, таб. N 2, рис.1). Горшок из ограды 17 сходен с тасмолинской керамикой Центрального Казахстана (Кадырбаев М.К., 1966, рис.61). Оба сосуда из Измайловского могильника сходны по формовочной массе с саргаринско-алексеевской керамикой (Ермолаева А.С., 1987, с.90-92).

Таким образом, новые материалы полученные в результате исследований раннекочевнических памятников Павлодарского Прииртышья, указывают на их определённую связь с памятниками переходного времени VIII-VII вв. до н.э. Восточного Казахстана, где возможно находился очаг формирования раннесакских культур Казахстана. Здесь, вероятно, в VIII-VII вв. до н.э. складываются две общности: карасук-тагарская, основу которой составили федоровцы и саргаринско-алексеевская, племена которой частично состояли, по мнению некоторых исследователей, из бегазы-дандыбаевского населения. Обе эти культурные общности, легли в основу раннесакских племен, расселившихся далее по Казахстану. В Центральном Казахстане это событие связано с появлением тасмолинской культуры. Малочисленность исследованных памятников ранней Тасмолы, относимых к периоду сложения этой культуры, не позволяет пока однозначно реконструировать процесс её происхождения. Поэтому, для решения данной проблемы, необходимо дальнейшее исследование памятников VIII-VII вв. до н.э. Павлодарского Прииртышья, как наиболее перспективных объектов исследований в археологии скифо-сакского периода.

А.Е. Чотбаев

(Алматы, Казахский государственный национальный университет)

Воинские пояса тасмолинской культуры

Тасмолинская культура Центрального Казахстана была открыта в 1966 г. М.К.Кадырбаевым, давшим характеристику погребального обряда и материальной культуры племен сакского времени региона главным образом на основе данных из раскопок курганов шидертинского района (Кадырбаев М.К., 1966, С. 303-433).

Некоторое обобщение материала по Тасмолу недавно сделано А.З.Бейсеновым (Бейсенов А.З., 1997). Одним из ярких предметов погребального инвентаря тасмолинских племен являются наборные воинские пояса. Три экземпляра поясов были найдены и рассмотрены в свое время М.К. Кадырбаевым (Кадырбаев М.К., 1966, с. 346, рис. 39). Еще один, четвертый, эк-

земпляр найден А.З.Бейсеновым в воинском захоронении в кургане 12 могильника Майкубень-3 (Бейсенов А.З., 1989, с.216) (См. сообщение А.З. Бейсенова, А.Е.Чотбаева в настоящем сборнике). Пояс из кургана 3 могильника Нурманбет-4 состоит из 10 прямоугольных обойм длиной 3,3 см, шириной 1,3 см. Обоймы украшены тремя поперечными углубленными полосами с крупными выступами, по три на каждой полосе. Второй пояс найден в кургане 1 могильника Нурманбет-4. На тазовых костях скелета находились также 10 прямоугольных обойм. На лицевой стороне пяти из них имеются петли, на одном сохранен кусок кожи. Обоймы располагались поочередно: одна с петелькой, за ней следовала обойма без петли. Длина обойм 3,5 – 4 см, ширина 1,5 – 2 см. Одна обойма имеет более крупные размеры. Остальной инвентарь представлен бронзовым кинжалом с массивной фигурной рукоятью и бронзовым ножом с кольцевым навершием (Кадырбаев М.К., 1966, с.344, рис. 38. – 1,5). Третий пояс происходит из кургана 1 могильника Тасмола-2. Форма обойм в виде римской цифры X. На середине имеется отверстие, длинные радиальные концы обоймы соединены поперечной планкой. В центральной части пояса находился круглый в сечении бронзовый стержень. Слева от пояса найдены были остатки берестяного колчана с пятью стрелами и бронзовым ножом с кольцевым навершием (Кадырбаев М.К., 1966, с.350, рис. 48. – 2,3,5,6,8,12). Согласно датировке исследователя первые два экземпляра относятся к первому этапу (VII-VI вв. до н.э.), последний – ко второму этапу (V-III вв. по М.К.Кадырбаеву) тасмолинской культуры. Майкубенский пояс датируется концом VI – началом V вв. до н.э.

Центральноказахстанские тасмолинские пояса не одиноки среди археологических материалов сакского мира. Есть ряд ближайших аналогий к ним. Наборный пояс из могильника Алыпкаш в Северном Казахстане (Хабдулина М.К., 1994, с.106, рис.20.– 9) очень близок к экземпляру из кургана 1 могильника Тасмола-2. Ему аналогичен и пояс из Вавилонки в Семипалатинской области (Киселев С.В., 1951, с.299, табл. XXIX, 7), на обоймах последнего только отсутствует центральное отверстие. Пояс из кургана 4 могильника Бобровка в Южном Зауралье характеризуется прямоугольными обоймами с петельками на лицевой стороне. К категории случайных находок относятся 3 обоймы из района г. Троицка (Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996, с.133, рис. 10. – 11-16, 18-20).

Обоймы, найденные в кургане 1 могильника Николаевка близки к экземпляру из кургана 1 могильника Нурманбет-4, с той лишь разницей, что на первых отсутствуют петли (Таиров А.Д., 1986, с.28, рис.2). В Горном Алтае наборный пояс найден в могильнике Кызык-Телань (Суразаков А.А., 1983, рис.5. – 2).

В сакских памятниках Памира наборные пояса отмечены в нескольких пунктах, в том числе в могильниках Можуташ-2 (курган 4), Тегермансу-1 (курганы 7 и 9А), Истык (курган 2). Обоймы из Тегермансу-1, курган 7 (Литвинский Б.А., 1972, с.61, табл. 21. – 7,8,10,11), имеют черты, присущие изделиям из Центрального Казахстана. Для памирских памятников характерны и некоторые предметы конского снаряжения, особо близкие к центральноказахстанским материалам. Иногда они сочетаются с наборными поясами, находятся и без них.

Указанные воинские наборные пояса из Северного и Восточного Казахстана, а также из Южного Зауралья, Горного Алтая и Памира имеют очевидную схожесть с центральноказахстанскими. Она должна объясняться этнокультурной близостью сакских племен указанных регионов. Эти племена имели много общего в плане ведения хозяйства, социального устройства, образа жизни. Вместе с тем, ведущей чертой, обуславливающей близость в материальной культуре, погребальном обряде, являлась общность происхождения.

Североказахстанские памятники в настоящее время охарактеризованы в рамках улубаевско-тасмолинской культуры, являющейся северным локальным вариантом Тасмола (Хабдулина М.К., 1994, с. 79). Южнозауральские комплексы А.Д.Таировым объединены в особый Бобровский этап раннесакского времени (Таиров А.Д., 1990). По мнению ученого, памятники этого периода, включая и погребальный инвентарь, находят аналогии из комплексов VII-VI

вв. до н.э. восточных районов Евразии, но особенно из Северного и Центрального Казахстана. Ранние кочевники Южного Зауралья в это время являлись составной частью тасмолинской историко-этнографической общности, кроме того, получали от центральноказахстанских металлургов сырье, также и готовую продукцию (Таиров А.Д. 1990; 1992, с.96).

Горноалтайскую находку, вероятно, следует объяснять этнокультурными контактами казахстанско-алтайского населения, возможными передвижениями сакских групп на территорию Алтая. Что касается памирских обоев, однозначно трактовать их сложно, вероятным кажется предположение о каких-то тасмолинско-среднеазиатских связях, имевших характер культурно-экономических обменов, вплоть до фильтрации небольших групп казахстанского происхождения в районы Средней Азии. В свое время Б.Д. Литвинский для памирских памятников особо отмечал в области оружия и украшения «удивительную близость с Центральным Казахстаном» (Литвинский Б.А., 1972, с. 177). И по отношению к наборным поясам этот исследователь подчеркивает «явную и едва ли случайную схожесть» их с центральноказахстанскими. (Литвинский Б.А., 1972, с.129).

Интересным представляется наличие наборных поясов в комплексах ананьинской культуры раннескифского периода. В частности, 3 экземпляра найдены в погребении 704 (2 пояса) и в квадрате Ш/7 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982, с.242, табл. 105: 1d, 1p; с. 196, табл. 59: 1n). По мнению исследователей, такие детали погребального инвентаря как наборные пояса для ананьинской культуры являются результатом внешнего культурного воздействия (Иванов В.А., 2000, с.96). С.Н.Кореньюк отмечает «сложившиеся тесные связи носителей ананьинской культуры с племенами Казахстана и Южной Сибири» (Кореньюк С.Н., 1999, с.122).

В древности и средневековье разносторонне украшенные воинские наборные пояса бытовали на очень широкой территории степей Евразии. Публикации и анализу их посвящена солидная литература. В отношении поясов, их оформления, а также ношения в древних обществах существовал широкий набор понятий и традиций. Особое место принадлежит военной функции. В.Н. Добжанский, подчеркивая именно военную функцию поясов, считает, что «наметившийся в эпоху бронзы приоритет военной функции над магической приобретает полную силу в обществах ранних кочевников от Центральной Азии до Северного Причерноморья» (Добжанский В.Н., 1990, с.67).

У тасмолинских племен Казахстана наборные воинские пояса, подобные найденным в могильниках Тасмола-2, Нурманбет-4, Майкубень-3, сопровождавшиеся кинжалом, колчаном и др. предметами экипировки, являлись одним из традиционных и излюбленных предметов снаряжения всадника – воина.

Наборные воинские пояса тасмолинских племен согласуются со всем степным, скотоводческим обликом этой культуры. Рассмотренный вкратце еще неполный перечень наборных поясов сакских регионов имеет много общего, обусловленного не только культурными контактами, обменом, но, вероятно, и различными передвижениями тасмолинских племен на раннем этапе.

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Бейсенов.

Л.Н. Лабукина

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Могильник Чаухугоу №1 – памятник древних обитателей Синьцзяна

Чаухугоу – это небольшое ущелье, простирающееся к югу от подножий среднего отрезка хребта Тянь-Шань. Оно расположено в 30 с лишним километрах к западу от столицы уезда Хэцзинь на территории волости Бейхала. От ущелья Чаухугоу на расстоянии 2

км к югу лежит зона каменистой пустыни – гоби, характерной для южных подножий хребта Тянь-Шань.

Моги́льник в ущелье Чаухугоу обнаружен в сентябре 1983 года.

Моги́льник № 1 расположен в зоне пустыни, лежит по обе стороны входа в ущелье на высоте 1340 м над уровнем моря. Погребения тесно прилегают друг к другу. Всего имеется около 700 могил, из которых 44 раскопано в 1983 году и 58 в 1984 году.

Формы погребений подразделяются на три типа: 1 – на земле сложено каменное ограждение круглой, овальной или треугольной формы диаметром от 3 до 7 м; 2 – над погребением возведена каменная насыпь диаметром 3-7 м, высотой 0.5 м; 3 – на земле сложено каменное ограждение, внутри которого также имеется и насыпь. Наиболее распространен первый тип, два другие типа представлены в явном меньшинстве.

Подземная часть погребений представляет собой облицованные камнем моги́льные камеры, имеющие форму кармана, или с прямыми стенками. Диаметр их обычно 2 м, глубина – 1-2 м. Дно камер чаще всего образовано материковым каменистым грунтом. Иногда оно выстлано каменными плитками. Отверстия, ведущие в камеры, покрыты большими каменными плитами.

Внутримоги́льные конструкции делятся на три типа: 1 – на дне камеры сооружен деревянный настил в один слой; 2 – на дно камеры положено несколько тонких бревен, на которые настланы плотно подогнанные доски, иногда на доски положены каменные циновки; 3 – дно камеры выстлано соломой или корой.

В моги́льнике в основном все погребения совместные. Часто вместе погребено несколько покойников. Одиночных погребений очень мало. В одноразовых погребениях трупоположение в основном головой на запад или северо-запад, лицом вверх на спине или на боку, с согнутыми конечностями. В могилах вместе лежат и мужчины, и женщины, и старики, и дети.

В совместных погребениях можно определить, что трупоположение такое же, как и в одиночных погребениях.

Вокруг могил, как правило, расположенных в северной части моги́льника, за пределами ограждения находятся сопровождающие погребения детские могилы и ямы с лошадиными и коровьими черепами. Детские могилы устроены примитивно, т. е. в земле вырыта небольшая яма неправильной формы, диаметром 0,5 – 1 м, глубиной около 0,5 м, обложенными камнями стенками. Иногда они сооружены наподобие основных погребений, но только поменьше размером. Также имеются одиночные и коллективные захоронения, трупоположение, в основном, такое же, как и во взрослых погребениях.

Ямы с черепами скота сооружены очень примитивно, – в земле вырыта небольшая яма неправильной формы диаметром и глубиной 0,5 метра. По стенкам ямы и вокруг нее произвольно положены несколько камней. Больше всего ям с лошадиными черепами, ям с коровьими черепами всего несколько. В каждой яме лежит один череп, иногда их два.

В раскопанных погребениях, за исключением некоторых случаев, всегда есть сопутствующий инвентарь, от 2-3 предметов до 10. Керамика находится в изголовье покойников, мелкие предметы лежат на костях или рядом с ними.

Всего найдено более тысячи предметов. Как правило, это гончарные, медные, железные, каменные, деревянные, костяные, золотые, тканые изделия.

Среди общего числа находок доля керамики самая большая. Керамика в основном красная, с примесью песка, или же красно-коричневая. есть образцы керамики серой, с примесью песка, но их очень мало. Все изделия вылеплены вручную и, как правило, хорошо обожжены. Большая часть изделий не расписана, но имеется определенное количество расписанной керамики.

В основном, орнаментирована шейка сосуда и его верхняя часть, иногда расписано все тулово сосуда. Узор, как правило, довольно примитивный: треугольный, в виде ре-

шетки, шахматный, в виде ломаных или извилистых линий, в виде вертикальных или косых полос и т. п.

Основные типы гончарных изделий: кувшины со сливом, кувшины с двумя ручками, кувшины с одной ручкой, чаши с одной ручкой, горшки и т. п. Также имеются керамические пряслица.

Находок бронзовых предметов довольно много. В основном находки представляют собой ножи, наконечники стрел и копий, иглы, клинья, кольца, шпильки, пластинки, удила, украшения и т. д.

Среди находок железных предметов мало, и, кроме того, многие из них сильно проржавели, и форму находок сложно определить. В основном это железные пластинки, шилья, кольца и т.п.

Каменные предметы довольно многочисленны, в основном это шлифованные камни, шилья, пряслица, бусины. Все они достаточно небольшого размера.

Среди находок довольно много костяных предметов: пряслиц, наконечников стрел, бусин и т.д.

Находок деревянных предметов довольно много, но большинство из них сильно прогнило или деформировалось. Хорошо сохранившихся находок мало. Как правило, встречаются деревянные корыта, ковши, пряслица, стрелы.

Золотых предметов найдено довольно мало. В находках представлены золотая проволока либо пластинки.

Находки ткани немногочисленны. Сохранились только фрагменты.

Так как материал раскопок ущелья Чаухугоу в Хэцзинь довольно обилен, обработка его в настоящее время еще не завершена. Следовательно, можно делать только предварительные выводы.

Для могильника характерны находки бронзовых предметов, следовательно, он относится к бронзовому и началу железного веков. Что касается абсолютной датировки, в свое время по образцам деревянного погребального инвентаря была произведена датировка могильника. По ее данным примерный возраст могильника 2525±80 лет, т.е. 875 – 575 лет до н. э.

На основании найденных в могильнике образцов цветной керамики, бронзовых и железных предметов в сочетании с данными археологических находок последних лет в Синьцзяне, для которых тоже характерна цветная керамика и бронза, или цветная керамика, бронза и железо и которые датированы около 3000 – 2000 лет тому назад, вышеописанный могильник № 1 в Чаухугоу датируется примерно тем же временем.

Погребения северного и южного секторов могильника имеют различия. Так, в погребениях южного сектора камней в ограждениях мало, и расположены они беспорядочно. Форма ограждений, как правило, представляет собой треугольник с закругленными углами. Погребения расположены довольно далеко друг от друга, могилы, как правило, небольшие. Рядом с ними отсутствуют (или же имеются в небольшом количестве) сопутствующие детские могилы и ямы с черепами скота. Уровень отверстий могильных камер гораздо глубже уровня отверстий могильных ям. Камеры облицованы тонким слоем камней, облицовочные камни сравнительно мелкие. Как правило, камеры удлиненной формы, углы камер не облицованы.

В погребениях южной части могильника часто нет дополнительных погребальных конструкций, или же вместо них дно могил выстлано толстым слоем соломы или коры. Дно могил не облицовано каменными плитками. Захоронено сравнительно мало покойников, погребения одиночные, мало сопутствующего погребального инвентаря. Мало железных предметов, керамика сравнительно крупных размеров.

Ограждения в северной части могильника сложены очень аккуратно. Форма их обычно круглая или овальная. Захоронения расположены плотно, могилы большие, ря-

дом с ними довольно много детских могил и ям с черепами скота. В северной части могильника отверстия камер лишь ненамного ниже отверстия могильных ям, или же они расположены на одном уровне. Стенки камер облицованы толстым слоем камней, камеры довольно глубокие, чаще всего круглой формы. Погребения содержат также дополнительные погребальные конструкции, дно могил часто выстлано ровным слоем каменных плиток.

Захоронения имеют сравнительно много покойников, много повторных погребений. Погребальный материал в северном секторе могильника довольно обилен, керамика сравнительно небольших размеров, имеется много железных предметов.

На основании этого можно говорить, что могильник существовал долго. Указанная выше датировка тоже позволяет говорить о том, что данный могильник просуществовал приблизительно 300 лет. Следовательно, могильник должен исследоваться поэтапно.

Погребения могильника Чаухугоу имеют вполне очевидные характерные особенности, такие как устройства могил и, в особенности, наличие кувшинов со сливом. Эти характерные признаки в других местах встречаются крайне редко. Очевидно, что это – единая культура данного района, поэтому в будущем она будет именоваться культурой Чаухугоу.

Инвентарь в погребениях могильника № 1 в Чаухугоу составляют те орудия производства, какие имели при себе представители кочевой народности. Это ножи, точильные камни, наконечники стрел и т.п. Орудия сельскохозяйственного производства не встречаются. Рядом с погребениями имеются зарытые черепа лошадей и коров, иногда в самих погребениях встречаются кости баранов, лошадей и коров. В детских погребениях также часто находят кости баранов. Это означает, что основной экономического уклада этих людей было скотоводство в сочетании с охотой (двойной скотоводо-охотничий уклад).

Наличие множества совместных погребений, тесное расположение могил, а также наличие не выдерживающей многочисленных перекочевок керамики говорит о том, что люди не откочевывали очень далеко от данной территории, возможно, имелись устоявшиеся границы обитания.

Неодинаковое наличие инвентаря в погребениях, разное число ям с черепами скота и другие признаки говорят о том, что имело место имущественное неравенство и зачатки социальной иерархии.

Научный руководитель – к.и.н. А.В. Варенов.

*А.З. Бейсенов, А.Е. Чотбаев
(Алматы, Институт археологии,*

Казахский государственный национальный университет)

Погребение воина сакского времени из могильника Майкубень-3 в Центральном Казахстане

Группы Майкубень-1,2,3 находятся в 28-30 км к ЮЗ от пос. Майкаин Баянаульского района Павлодарской области. Здесь, в окрестностях соленого озера Карасор разведкой выявлено значительное количество каменных курганов, по данным раскопок, а также по своим внешним особенностям отнесенных к эпохе раннего железа. Район озера Карасор находится в черте Казахского мелкосопочника, местность представлена сплошной сетью невысоких каменистых холмов, гряд с пологими склонами, со всех сторон окружающих водоем.

Памятники разбросаны мелкими группами, нередко по-одиночке и занимают верхушки, реже верхние склоны близко расположенных поднятий. Объединение их в могильники носит чисто условный характер. Среди раскопанных памятников на основании вещевых на-

ходок и всех особенностей погребального обряда 11 курганов датированы сакским временем. Насыпи курганов двух типов: сильно каменистые и каменные. В первом случае в насыпи участвует земляной грунт в малом количестве с явным преобладанием плитняка. Во втором – насыпь состоит только из обломков плит с участием мелкого щебня. Раскопанных объектов с неисследованными одновременными курганами объединяет и убедительное отсутствие таких деталей устройства погребальных сооружений как ров и внешняя ограда, находящаяся на расстоянии от края насыпи. Кроме того, сплошь каменные насыпи раскопанных майкубенских курганов не позволяют убедительно констатировать наличие собственно кольцевой ограды, составляемой обычно из плит более крупных, чем камни в насыпи, размеров и проходящей вплотную по всей окружности. В насыпи раскопанных майкубенских курганов камни сложены в несколько слоев, в ходе их разборки пространство над могильной ямой выделяется лишь более компактной кладкой плитняка. Наружные по отношению к насыпи элементы для Тасмолы имеют хронологическое значение уже при рассмотрении визуальных особенностей памятников, в первую очередь это касается внешней ограды, которая характерна для курганов раннего этапа.

Указанные особенности устройства наземной части майкубенских курганов свидетельствуют в пользу их принадлежности ко второму этапу тасмолинской культуры. К этому подталкивает и их топография, так как ранние памятники Тасмолы и в черте мелкосопочника обычно тяготеют к равнинным местностям, широким долинам водных артерий. Раскопанным объектам характерны 3 типа погребальной камеры: грунтовая яма (8 курганов), подбой (2 кургана), имитация каменного ящика (1 курган). Скелеты людей лежат вытянуто на спине, ориентация – черепом на З, СЗ. Основная часть исследованных курганов содержала сопроводительный инвентарь: бронзовые петельчатые зеркала без бортика, железный нож с невыделенной рукоятью, каменные жертвенники, костяные шпильки, пастовые бусы, предметы воинской экипировки. Зеркала без бортика в тасмолинской культуре характерны для второго хронологического этапа. Майкубенские курганы датированы серединой 1 тыс. до н.э. (Материал в печати).

Могильник Майкубень-3 находится в 2 км на ЮВ от озера Карасор. Состоит из трех каменных курганов (курганы 11, 12, 13), расположенных на вершине сопки. Курган 12 находится в 70 м на ЮВ от предыдущего. Диаметр округлой насыпи, сложенной из сплошных обломков плитняка с мелкой щебенью, 8 м, высота 0,5 м. Структура насыпи очень плотная, верх уплощенный, растительность отсутствует за исключением редкого и невысокого кустарника. Центр подкурганной площадки занимал каменный наброс, имеющий подпрямоугольное очертание и ориентированный длинной осью по линии СЗ – ЮВ. Длина его 3,15 м, ширина – 2 м. Камни сложены в 3 – 4 слоя на высоту 0,3 м. Вокруг каменного наброса четко фиксируется слой материкового выкида со значительным содержанием песка и щебня. Каменный наброс, расчищенный на уровне погребенной почвы, без какого-либо перемежевания уходил вниз в заполнение могильной ямы. Последняя ориентирована длинной осью также по линии СЗ – ЮВ, ее размеры по верху: длина 2,4 м, ширина 1,6 м. Форма в плане – подпрямоугольная. Ниже погребенки заполнение ямы сильно насыщено обломками плит, но в верхней части заполнения земляной грунт участвует в большем количестве, нежели в надмогильном набросе. На глубине 0,45 м от уровня древнего горизонта яма заложена одним сплошным слоем крупных плит, уложенных с преднамеренной подгонкой друг к другу. Наибольшие размеры плит 0,75 х 0,47 х 0,25 м. Ниже в заполнении несколько уменьшается количество земляного грунта. На глубине 1 м древние наткнулись на выходы коренных пород, одна интенсивная полоса которых занимала правую часть всей длины дна ямы. Более мягкая левая, юго-западная, половина дна была вырублена и здесь образована небольшая и мелкая яма с неровным дном, глубиной 0,35 м для совершения захоронения. Для имитации каменного ящика, вдоль юго – восточной длин-

ной стенки этой камеры были уложены в одну линию 7 небольших плит подпрямоугольных конфигурации, которые выполняли роль одной стены требуемого сооружения. Вдоль северо-восточной длинной стенки ямы находились всего три небольших камня, хотя пять крупных плит перекрытия вторым концом покоились не на них, а на указанном скальном выступе. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине. Левая рука умершего, видимо, была слегка отставлена и согнута в локтевом суставе для того, чтобы левая кисть легла на определенную точку – на верхний срез колчана, или же на пояснуцу. Возле правого локтевого сустава острием к голове находился один бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы (Рис.1. – 3) без каких-либо намеков на остатки древка. Кроме того, умерший воин был снабжен своим наборным поясом с подвешенным колчаном (Рис.1. – 1), в который были положены 5 стрел с бронзовыми наконечниками (Рис.1. – 4) и бронзовый же нож (Рис.1. – 2). Все 7 бронзовых обойм пояса находились на тазовых костях. Ниже их линии расположения, в районе нижнего среза крестцовой кости найдены три бронзовых детали к поясу: одна крупная цилиндрическая пронизь, две ворворки в виде низкого усеченного конуса. Две плоские пластинчатые накладки находились в районе левого тазобедренного сустава: одна выше, другая – ниже, на левой бедренной кости. Слева от последней, на фоне обильного тлена коричневого цвета, оставшегося от деревянного колчана, лежали последовательно на близком расстоянии друг от друга четыре детали. Первым находился стержень для соединения колчанного крюка с поясом. Серединная часть стержня, лежавшего перпендикулярно к левой бедренной кости, сохранила фрагмент сыромятного ремня, охватывающего металл почти полностью и направленного одним своим концом вниз, т.е. к ногам погребенного. Далее находились две мелкие округлые пронизи, соединенные между собой сохранившейся полоской сыромятного ремня, на расстоянии 4 см от них лежал массивный колчаный крюк. Колчан был изготовлен из тонких деревянных планок и стержней, истлевших и превратившихся в труху за исключением мелких неопределенных фрагментов, оставшихся, возможно, от угловых частей. Какие-либо детали из другого материала (кость, металл) отсутствуют. Судя по мелким фрагментам, имеющим скругленные края, днище, вероятно, имело овальную форму, во всяком случае не прямые края. Длина пятна 0,67 м, ширина 0,26 м. В нижнем конце пятна, под слоем деревянной трухи найдены нож с кольцевым навершием и пять трехгранных черешковых наконечников стрел с сохранившимися короткими фрагментами древков. Среди наборных поясов тасмолинской культуры майкубенский экземпляр является четвертым по счету после известных шидертинских находок. Лицевая сторона узких обойм, в отличие от плоско-выгнутой тыльной, фигурная, имеет три вертикальных округлых выступа. Четыре обоймы имеют нижнее кольцо для подвешивания колчана и других предметов. Две из них по месту расположения являлись крайними слева, находились на расстоянии 1 см друг от друга и были зафиксированы в таком виде благодаря тому обстоятельству, что к ним прилип один фрагмент верхней одежды. Последняя, судя по сохранившемуся таким образом фрагменту, представляла собой короткую овчинную куртку черного цвета, которую носили мехом вовнутрь. По всей видимости, колчаный крюк был подвешен к этим двум обоймам посредством стержня. К майкубенским поясным обоймам имеют некоторую близость обоймы из кургана 7 могильника Тегермансу-1 на Памире (Литвинский Б.А., 1972, с.61, табл. 21. – 7,8,10,11)), более точные и близкие аналогии среди сакских материалов пока отсутствуют. Втульчатый наконечник стрелы, не характерный для тасмолинской культуры, не является предметом погребального инвентаря, позволяющим датировать памятник. Воинское погребение из кургана 12 могильника Майкубен-3 на основании черешковых наконечников стрел датируется серединой 1 тыс. до н.э. Курган, вероятно, был сооружен в конце VI – начале V вв. до н.э.

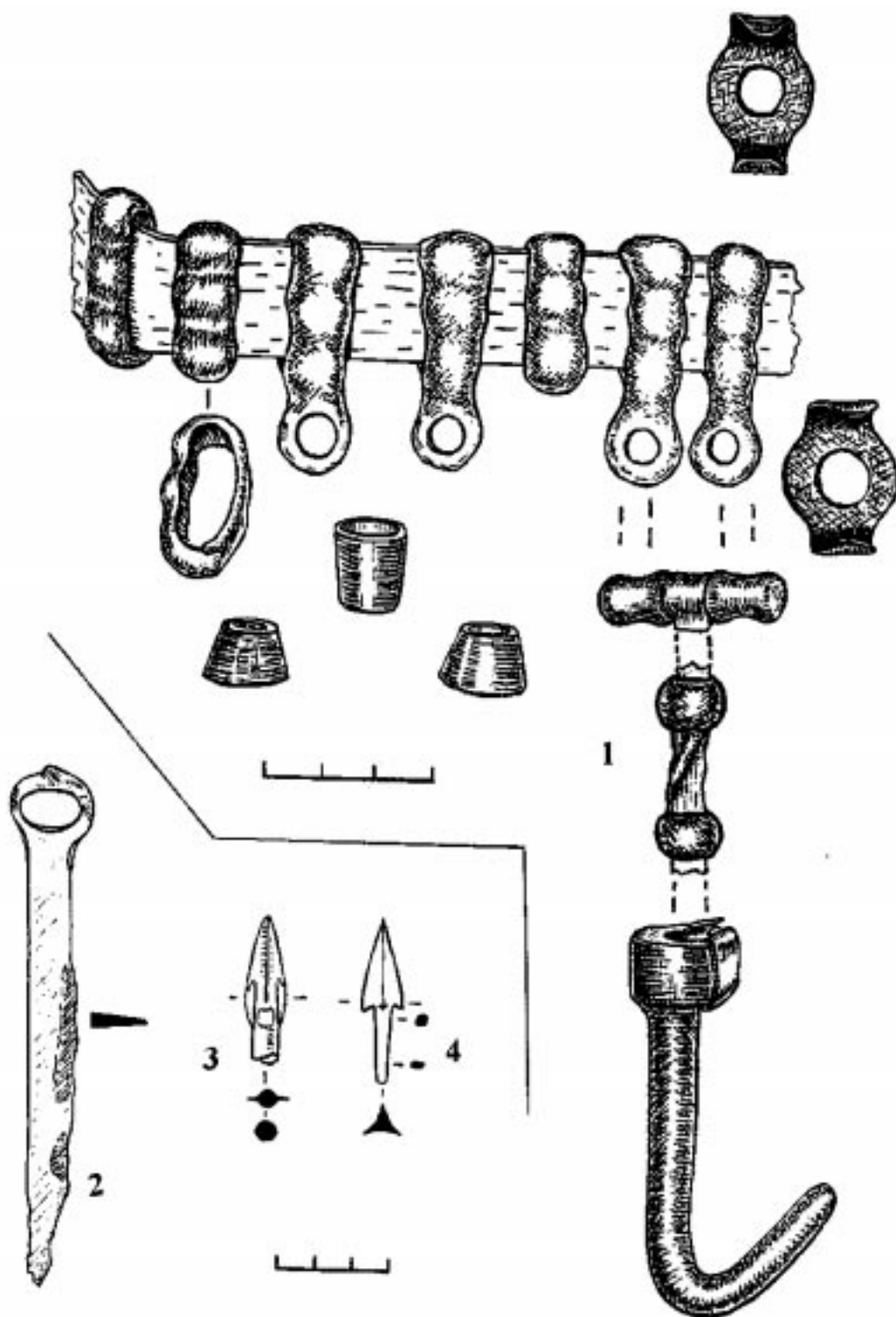

Рис.1. 1 – Расположение деталей воинского пояса из кургана 12 могильника Майкубень-3 (по А.З. Бейсенову); 2, 3, 4 – бронзовые нож и наконечники стрел из кургана 12 могильника Майкубень-3.

Я.В. Фролов

(Барнаул, Алтайский государственный краеведческий музей)

К вопросу об одной коллекции предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле из фондов Алтайского государственного краеведческого музея

В АГКМ хранится небольшая коллекция из 4-х бронзовых предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Все они, по-видимому, представляют детали поясной и портупейной гарнитуры. Это: поясная пряжка подпрямоугольной формы, с отверстием по центру, петлями для крепления к поясной основе и стилизованными изображениями голов и, возможно, крыльев птиц (Рис.1-2); бляха накладка с петлей на обороте и щитком, выполненным в виде фигуры стоящего кошачьего хищника с повернутой в фас головой (Рис.1-4); бляха с петлей на внутренней стороне и плоским щитком в форме «запятой», имеющим отверстие посередине, и украшенным спиралевидным орнаментом (Рис.1-5); крупная конусовидная пронизь – ворворка (?) с изображениями трех фигур кабанов на внешней поверхности (Рис.1-5).

Эти предметы были опубликованы С.В. Киселевым как происходящие из Горного Алтая (с. Кумуртук). Кроме них, к вещам найденным около с. Кумуртук, С.В. Киселев отнес и три бронзовых браслета, бронзовую гривну, цепь из 20 крупных бронзовых кольцеобразных звеньев, бронзовый кинжал с навершием в виде двух обращенных друг к другу голов грифонов (Рис.1-1) и четыре костяных наконечника стрел (Рис.1-6-9) (Киселев С.В. 1949, с. 181-182, табл. XXX). На эту публикацию ссылались многие авторы, обращавшиеся к изучению вооружения и звериного стиля населения Горного Алтая в скифское время (Суразаков А.С., 1979, 175-176; Он же, 1989, с. 46, 74, 81, 89; рис. 17-6, 34-1-3; Кубарев В.Д., 1987, с. 57). Ряд этих предметов был переопубликован в зарубежных изданиях (Kossak 1992, Abb. 58A).

К сожалению, в работу С.В. Киселева вкралась досадная неточность. Как свидетельствует книга поступлений предметов в Барнаульский музей за 1903 – 1920 гг., только гривна, три бронзовых браслета и цепь действительно происходят из Горного Алтая и обнаружены около с. Кумуртук (Усть-Башкаус), а бронзовые бляхи, ворворка кинжал и наконечники стрел составляют другой комплекс и найдены около с. Клепиково в Барнаульском Приобье. Они поступили в музей 4-7.7.1918 г от Л. И. Доронина (АГКМ ОФ 16115/68, Фонд № Р-7, Опись № 1, Дело № 41). Дело в том, что обе эти коллекции были переданы в музей в 1918 г. и укреплены на одном планшете и затем в описях и коллекционных книгах, которые составлялись в середине 20-х гг. они уже фигурируют, как одна коллекция найденная на берегу р. Чулышман, выше с. Кумурту (Усть-Башкаус), поступившая от Е.А. Ламанова (АГКМ ОФ 16115/69, 70, 71; Фонд № Р-7, Опись № 1, Дело № 42, 43, 44). Эти материалы, по всей вероятности, зарисовал М.П. Грязнов, побывавший в Барнаульском музее и составивший добавочную опись к основному инвентарю археологической коллекции музея. М.П. Грязнов в 1930 г. опубликовал кинжал из этой коллекции, как происходящий с р. Чулышман (Грязнов М.П., 1930, рис. 68). Возможно, он и передал затем рисунки вещей из Барнаульского музея С.В. Киселеву. Сейчас все вышеописанные бронзовые предметы, кроме кинжала украденного из экспозиции в 1927 г., хранятся в АГКМ (ОФ 23, 24).

Уточненная информация о месте находки описываемых предметов позволяет более определенно говорить об их культурной принадлежности. По всей вероятности, они происходят из разрушенного некрополя староалейской культуры. В районе с. Клепиково находится один из могильников этой культуры – Клепиково I, площадь которого в 20-е гг. активно подвергалась ветровой эрозии (Фролов Я.В., 1996). Не исключено, что именно с этого памятника происходят детали поясной и портупейной гарнитуры, бронзовый кинжал и костяные наконечники стрел.

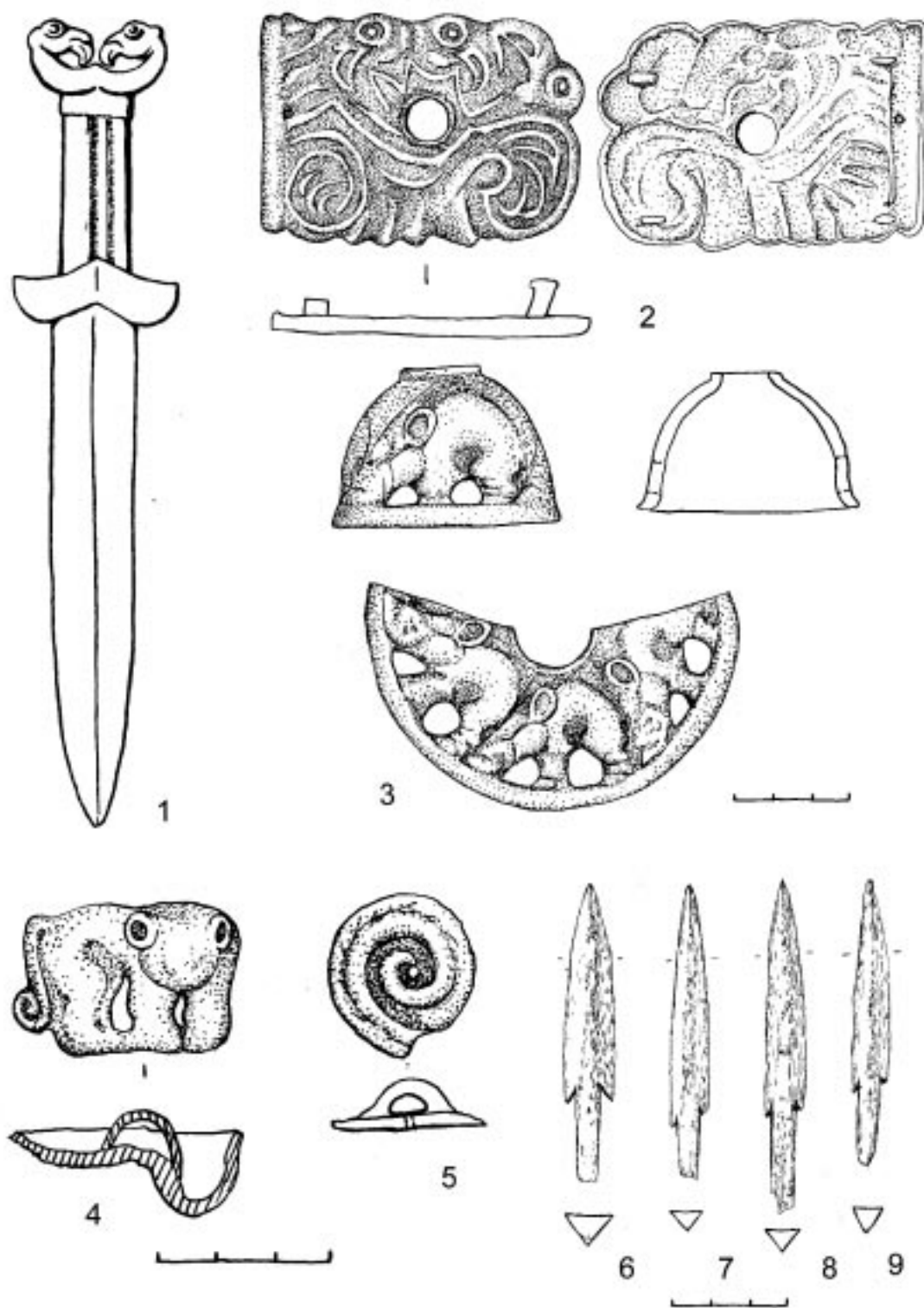

Рис. 1. Вещи, найденные около с. Клепиково. 1-5 – бронза, 6-9 – кость

Весь этот комплекс, по-видимому, представляет инвентарь одного разрушенного захоронения мужчины. Костяные наконечники стрел, реже, наборные пояс и кинжал составляют типичный орудейный набор воинских захоронений староалейской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 6,915; Фролов Я.В. 1999, с.212; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, с. 220).

Также, подавляющее большинство предметов находит ближайшие аналогии среди изделий, найденных в захоронениях староалейской культуры. Это, прежде всего, крупная бронзовая подпрямоугольная бляха – пряжка со сложной зооморфной композицией на щитке, имеющая петли для крепления с внутренней стороны и крупное отверстие по центру щитка. На внешней поверхности с верхнего края пряжки изображены три стилизованные головы хищных птиц, вся остальная поверхность заполнена валютообразными (?) завитками, напоминающими форму крыльев птицы (Рис.1-2). Очень близкие бляхи-пряжки найдены в могильнике Фирсово 14. Единственное отличие их только в декоре внешней поверхности предмета – там нет изображений голов птиц, вся поверхность щитка заполнена валютообразными (?) завитками и с одного края имеется рифленый кант. Могильник Фирсово 14 в целом датируется VI-V вв. до н.э. (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 1-4,5).

Также, практически полная аналогия бляхе с петлей на обороте и щитком в форме запятой, покрытым спиралевидным орнаментом и имеющем отверстие по центру (Рис.1-5), обнаружена в могильнике Обские Плесы II (V в. до н.э.) (Кирюшин Ю.Ф., 1984, с. 29,31, рис. 1; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 14-4).

Крупной бронзовой пронизи – ворворке (?) с изображениями стоящих кабанов (Рис.1-3) полных аналогий не найдено. По-видимому, сходный по функциональному назначению предмет найден в захоронении 24 могильника Староалейка 2 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 6-9). Находки таких изделий в захоронениях довольно редки. Нам известна только одна подобная вещь из могильника Тагискен, которая датируется VI-рубежом VI-V вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 61, рис. 44-3). Из Тувы происходит близкий по форме предмет, выполненный из золота (Грач А.Д., 1980, рис. 117). Несколько подобных изделий опубликованы Членовой как случайные находки из Минусинской котловины. Их она датирует VI-V или V-IV вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 79,161, Табл. 17-7-16).

Довольно своеобразна и петельчатая бляха, щиток которой, выполнен в виде фигуры стоящего хищника кошачьей породы с повернутой в фас головой (Рис.1-4). Полных аналогий ей нам так же не известно, но сходные по иконографии изображения представителей породы кошачьих есть на нашивных бляшках из могильников саков Приаралья (VI-V вв. до н.э.) и Центрального Казахстана (VII-VI вв. до н.э.), а также на бляхах, являющихся деталями наборных поясов из памятников кижировской и саргатской культур (IV-II вв. до н.э.) (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 65, Рис. 78; Кадырбаев М.К., 1966, с. 398, Рис. 63; Корякова А.Н., 1988, с. 87, рис. 21-8; Молодин В.И., 1992, с. 107, рис.105). Изображение стоящего хищника из породы кошачьих, но с развернутой в профиль головой, есть на поясной бляхе подобного типа и из погребения староалейской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1979, рис. 1; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 14-2).

Довольно широкие параллели находит оформление бронзового кинжала. Аналогичная форма рукояти имеется на кинжале из погребения 56 могильника Староалейка 2. Где имеется навершие в виде сопоставленных голов грифонов, узкая колодка под ним и трехваликовое оформление рукояти. Такое же крыловидное перекрестие на кинжале из Староалейки украшено изображениями волков (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 15-1). Кинжалы с подобными навершиями и близкими по форме перекрестиями происходят из случайных находок в Минусинской котловине, Казахстана, Ордоса и датируются в пределах VI-IV вв. до н.э. (Kossak 1992, Abb. 56-2,4-6; Rhi Chong-Sun, 1992, Abb.13-3; Членова Н.Л., 1967, табл. 4-10; Акишев К.А., 1973, табл. II-2).

Трехгранные черешковые костяные наконечники стрел с опущенными жальцами и сужающейся в верхней трети боевой головкой самая распространенная находка предметов вооружения в захоронениях начала скифского времени в лесостепном и Горном Алтае (VI-IV вв. до н.э.). Их небольшие пропорции и, прежде всего, небольшая ширина отличают их от подобных наконечников как предшествующего, так и последующего периода (Иванов Г.Е., 1997, с. 88; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994, с. 79).

Хронологический отрезок бытования комплекса предметов, найденных около с. Клепиково, укладывается в рамки VI-IV вв. до н.э. Большинство приведенных выше аналогий дают еще более узкую дату – VI-V вв. до н.э. Это бронзовый кинжал, бляха с изображением кошачьего хищника, крупная пронизь – ворворка (?). К VI-V вв. до н.э. относится и могильник Клепиково I. Кстати, VI в. до н.э. датировал комплекс, найденный у с. Кумуртук А.С. Суразаков (Суразаков А.С., 1989, с. 81, 89). К IV в. до н.э. отнес эти предметы G. Kossak (Kossak, 1992, с. 102).

Этот комплекс предметов еще раз демонстрирует нам, с одной стороны, сходство с рядом относительно рано датирующихся (VII-V вв. до н.э.) предметов инвентаря саков Казахстана, а с другой – некоторые параллели с отдельными предметами поясной гарнитуры районов, граничащих с южно-таежной зоной Западной Сибири, датирующимися несколько позднее – V-III вв. до н.э. Особенно это хорошо видно на примере блях с изображением кошачьего хищника с повернутой в фас головой. Не исключено, что некоторые, возможно, престижно значимые предметы, такие, например как детали поясной гарнитуры или нашивные бляшки с изображением кошачьего хищника, бабочковидные бляхи и т.д., бытующие у кочевников Восточного и Центрального Казахстана, Кулунды и Приаралья, проникают в среду племен южно-таежной зоны Западной Сибири через посредство староалейского и кижировского населения.

Комплекс предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле из с. Клепиково, дополняет серию изделий прикладного искусства населения староалейской культуры. Она демонстрирует уже довольно устойчивый набор образов: кабан в позе внезапной остановки, характерной для ранних изображений этого животного; стоящий кошачий хищник; хищная птица, часто представленная стилизованными изображениями в виде крупного круглого глаза и клюва. Сочетание изображений хищной птицы и спиралевидных, валютобразных (?) завитков позволяют интерпретировать и отдельные подобные орнаментальные детали как изображения крыльев птиц, как, например, на ворворке из Тагискена (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 44-3).

М.А. Медяник

(Томск, Томский государственный университет)

Типология тагарских бронзовых ножей (по методике Л.С. Клейна)

Бронзовые ножи – это самая представительная категория вещей в тагарской культуре. Типология этого массового археологического материала по методике, предложенной Л.С. Клейном, позволяет решать широкий круг археологических проблем. Привлекая предшествующий опыт типологий и классификаций тагарских бронзовых ножей (Киселев С.В., 1951; Членова Н.Л., 1967; Грязнов М.П., 1968; Мартынов А.И., 1979) и современную теорию типологии нами предпринята попытка составить «работающую» типологию тагарских бронзовых ножей на основе материала коллекции случайных находок из Минусинского края С.К. Кузнецова-Красноярского, хранящейся в МАЭС ТГУ и с привлечением как можно большего количества опубликованного материала.

Главная задача типологии по Л.С. Клейну – выявление системы культурных типов. Культурный тип – это результат идеализации артефактов, введенный в некий материал создателями исследуемой культуры, когда они упорядочивали и подчиняли его своим нормам сознательно или неосознанно в своей привычной деятельности. Культура существует как система, культурные типы – ее подсистемы, и как всякие элементы системы, они связаны между собой, так и с внешней надсистемой культуры многоуровневыми связями. Выявить эти связи также входит в задачи типологии.

За основу взята системная стратегия, стержнем ее является идея нисхождения, основанная на постулате: первичны культуры, а типы – вторичны. Как следствие, алгоритм составления типологии отличается от традиционного:

1. Выделить культуру, спускаясь с более высокой ступени – из культурной общности, круга взаимосвязанных культур, суперкультуры.

2. Выделить типы как подсистемы в культуре на основании их внутренних и внешних связей. То есть рассмотреть их в разнородных контекстах культуры. Культурный контекст (по Л.С. Клейну) – это условия нахождения, существования, функционирования, взаимодействия археологических объектов в конкретной культуре, условия их изготовления и т.д. Выделенные таким образом типы – предварительные.

3. Расчленить типы на признаки. При этом, данный метод должен снимать проблему выделения культурозначимых признаков – они должны ясно определиться в ходе второго этапа.

4. Систематизировать признаки и их корреляцией уточнить типы. И как обратная связь, если типология составлена правильно, она дополнит, уточнит культуру.

Что касается тагарской культуры, примем, что она выделена правильно, поэтому представим второй этап типологии.

Появление в тагарской культуре какого-либо типа ножей являлось следствием либо заимствования типа в других культурах, либо заимствования элементов типа и адаптация их в культурной среде тагарцев. Таким образом, проведя аналогии с типами ножей предшествующих или соседних, современных тагарской культур, можно восстановить истоки формирования материальной культуры тагарцев и их связи с соседними племенами на протяжении всей тагарской эпохи.

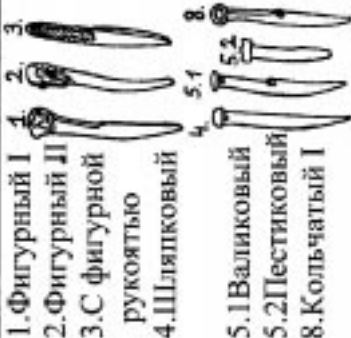
Так, корни дугообразнообушковых ножей с навершием в виде фигурки стоящего животного прослежены Н.Л. Членовой из карасукской культуры (Членова Н.Л., 1972, с. 132).

Представляется очевидным, что дугообразнообушковые ножи с навершием в виде лошадиной головы, как бы выходящей из конца рукояти ножа относятся к другому типу. Аналогии им существуют в карасукской культуре и на каменных пестях афанасьевско-окуневского времени (скульптурные головы копытных), широко распространены и в Туве, и в Монголии (Новгородова Э.А., 1989, с. 87). Таким образом, прослеживаются связи тагарской культуры через карасукскую с окуневской и афанасьевской, то есть, по крайней мере, до энеолита.

Яркий пережиток карасукской культуры в тагарской – навершие-шляпка. И как развитие этого навершия, тагарские навершия валик и пестик.

В тагарской культуре продолжил развитие древний тип ручек ножей – кассетных (состоящих из двух деревянных или костяных пластин, скрепленных между собой гвоздями), воспринятый тагарской культурой от карасукской и широко распространенный по всему Ближнему и Среднему Востоку от Египта и Сирии до Ирана с XVIII в. до н.э. (Членова Н.Л., 1972, с. 18). В тагарской культуре представлены оба пути развития этих ручек. Гвозди скреплявшие раньше пластины утратили свое функциональное назначение и остались в виде орнаментальных перемычек, или перемычки исчезли, но прорезь осталась, и прослеживается ее эволюция: ножи с петлевидной прорезью существуют в течение всей тагарской эпохи, и прорезь со временем постепенно уменьшается.

Табл.: Типы тагарских бронзовых ножей и их корреляция по признаку второго порядка и времени их существования в тагарской культуре.

Форма Ножа Периоды	Дугообразнобушковый	Меняющийся от дугообразнобушкового до прямого	Прямой	Коленчатый
VII – VI вв. до н. э.	1. Фигурный I 2. Фигурный II 3. С фигурной рукоятью 4. Шляпковый 5.1 Валиковый 5.2 Пестиковый 8. Кольчатый I 	6. С «аркой на кронштейне» 11. Петлевидный 12. Дырчатый 7. Дужковый 10. Гладкий 	9. Кольчатый II 13. Тувинский тип 14. Сердечковый 15. С наверхнем растительного типа 	16. Трапецевидный с орнаментальными перемычками 17. Трапецевидный односторонний
V – III вв. до н. э.	.			

Из карасукской культуры можно вывести дугообразность тагарских ножей. По Н.Л. Членовой, эволюция карасукских ножей идет от ложносоставных до почти прямых, но что важно, даже у поздних карасукских ножей не исчезает выгнутая форма спинки, то есть дугообразнообушковость, которая затем и переходит в ранние тагарские ножи.

Несколько иное развитие карасукских ложносоставных ножей – тагарские коленчатые, практически повторяющие форму ложносоставных, но с расширяющейся к концу рукоятю. Здесь существует проблема, видимо связанная со временем исчезновения карасукской культуры в Минусинской котловине. Коленчатые ножи в тагарской культуре появляются только с V в. до н.э., то есть спустя минимум один век после исчезновения карасукской культуры, это только если брать во внимание точку зрения Н.Л. Членовой, которая максимально продлевает карасукскую культуру до VI в. до н.э.

Участие лугавской культуры в формировании тагарской подтверждается наличием в обеих ножей с навершием «арка на кронштейне». Прослеживается их эволюция от формы утолщенного кольчатого навершия в лугавской культуре до классической «арки на кронштейне» на первом этапе тагарской культуры и до тонкой полукруглой прорези на конце рукоятки, без утолщения с V в. до н.э. С этого времени этот уже адаптированный элемент соединяется с пришлым – прямая форма спинки ножа – и образует новый тип.

Не однотипны в тагарской культуре кольчатые ножи, и представляется, что различно их происхождение. Ножи с орнаментированной ручкой и, в основной массе, с ромбическим или треугольным в сечении кольцом первого этапа происходят от карасукских. Упрощение их со временем в тагарской культуре является следствием либо расширения связей с V в. до н.э. с большебереченской культурой, которой характерны кольчатые ножи такого типа, либо миграции в VI-V вв. до н.э. больших групп населения с Алтая и из Центрального и Восточного Казахстана, где подобная форма ножей присутствует со времени бронзы.

Из большебереченской культуры в тагарскую в V в. до н.э. приходят «гладкие» ножи.

Широкие связи на всем протяжении тагарской эпохи тагарцев с большебереченской культурой подтверждают заимствования у нее таких типов наверший, как сужающийся конец рукоятки с маленьким отверстием в нем – дырчатый тип, эволюция формы которого прослеживается на протяжении всей тагарской культуры от дугообразнообушковых, мощных, длинных ножей до небольших прямых. Это слишком простой тип ножей, чтобы он мог происходить от сложных карасукских.

С V в. до н.э. под влиянием миграций с юго-запада практически исчезают в тагарской культуре дугообразные ножи, и многие навершия, характерные для них, появляются вкупе с прямой формой ножа, но эти изменения происходят не резко, форма обуха ножа как бы перетекает из одной в другую, чем и затрудняет четкую градацию дугообразнообушковых и прямых ножей.

Широкие связи тагарцев с уюкской культурой Тувы, особенно с V в. до н.э. отражены в тагарской культуре появлением с V в. до н.э. типа ножей, который М.Х. Маннай-Оол называет наиболее характерным для уюкской культуры периода V-III вв. до н.э.

Представленные выше рассуждения являются частичным раскрытием лишь одного из многочисленных контекстов бронзовых ножей в тагарской культуре, отчасти, из-за ограниченного объема доклада, отчасти, из-за того, что составление типологии тагарских бронзовых ножей находится еще в процессе. Полученные типы представлены в таблице. При этом признаки, оказавшиеся культурнозначимыми следующие: признак первого порядка – тип навершия (изменяющийся во времени, но не выходящий за рамки узнаваемости), признак второго порядка – контур обуха ножа. Является ли представленная типология «работающей» покажет процесс ее уточнения и дополнения в результате исследования других связей ножей, как то, корреляция по территории их распространения, соотношение условий нахождения в археологических комплексах, функциональные свойства ножей и другие.

Научный руководитель – к.и.н. М.П. Чёрная.

Ю.Н. Гаркуша
(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

**Пазырыкская культура
(проблема термина в историографическом аспекте)**

История археологического изучения памятников Горного Алтая, которые исследователи объединяют в так называемую пазырыкскую культуру, насчитывает уже почти полтора века. Раскопки 1865 г., когда В.В.Радловым были исследованы территориально удаленные друг от друга курганы с мерзлотой Берель и Катанда позволили последующим исследователям надеяться на новые открытия подобных объектов и в других районах Горного Алтая. Поиск и исследования таких объектов стали одной из целей Алтайской экспедиции под руководством С.И. Руденко, которая начала свои работы на Алтае в 1924 г. (Грязнов, 1928, с. 217). Раскопанные за последующие пять лет курганы Шибе и Пазырык, а вместе с ними Берель и Катанда авторами раскопок были отнесены к скифской эпохе (Грязнов, 1929, с. 979). Особо был подчеркнут местный «туземный» характер культуры (там же, с. 976). Таким образом, даже предварительное осмысление открытия курганов с мерзлотой поставило на повестку дня вопрос о выделении для Горного Алтая «цельной выпавшей из памяти человечества новой культуры», и относящейся к скифской эпохе, что и было так образно отмечено академиком Н.Я. Марром (Марр, 1929, с. 324).

С конца 30-х и до начала 50-х гг. основная дискуссия развернулась вокруг культурно-хронологической атрибуции памятников Алтая, относимых к скифской эпохе, рамки которой определялись VII-I вв. до н. э. Многие проблемы, затронутые в то время, не получили однозначного разрешения и в наши дни (подробный обзор проблематики см. например: Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 12-30; Кирюшин, Тишкин, 1999). Проблемы, связанные с выделением собственно археологических культур и комплексов, присущих этим культурам, не получили должного развития. Следствием явилось ввод в научный лексикон ряда терминов, часто дублирующих друг друга. В своих работах С.И. Руденко, рассматривая материалы Больших алтайских курганов, не предложил культурного единого определения для изучаемой группы памятников. Исследователь использовал различные словосочетания, характеризующие, по сути, один культурный комплекс. В своей статье, вышедшей в 1944 г., С.И.Руденко, опираясь на представления о культурном единстве в пространстве культур скифского времени, но не исключая наличия локальных вариантов, оперирует понятием «культура алтайских скифов» (Руденко, 1944, с. 275). В другой работе речь идет о «культуре Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов» (Руденко, 1949, с. 97), а выше можно встретить упоминания о «культуре населения Алтая, оставившего после себя курганы с каменной наброской» (там же); в ряде случаев исследователь использует термин «культура Горного Алтая в скифское время» (Руденко, 1951, с. 114). Строго говоря, все употребляемые С.И.Руденко термины не являлись тождественными и могли характеризовать явления разного уровня.

Ситуация, связанная с отсутствием общепринятого наименования культуры существовала до начала 80-х гг. В работах разных исследователей можно встретить различные определения комплекса памятников VI-II вв. до н. э.: «культура горноалтайских племен времени Пазырыкских курганов» (Евтюхова, 1954, с. 148), «курганы пазырыкского типа» (Грач, 1967, с. 225; Черников, 1975, с. 283), «культура пазырыкского типа» (Сорокин, 1969, с. 225), «культура племен пазырыкского типа» (Савинов, 1975, с. 50), «культура ранних кочевников Алтая типа пазырыкских курганов» (Баркова, 1980, с. 57). Некоторые исследователи избегали давать четкую культурно-хронологическую идентификацию, ограничиваясь общими определениями типа «время ранних кочевников Алтая» (Погожева, 1978, с. 70, 73).

Вероятнее всего, первое упоминание о «пазырыкской культуре» можно связать с именем В.Н.Чернецова, в его рецензии на монографию С.И. Руденко «Культура населения Горного

Алтая в скифское время» (Чернецов, 1954, с. 186). В последующем, понятие «пазырыкская культура» эпизодически возникало в исследованиях разных ученых (см., например: Тошак ова, 1971, с. 150; Кубарев, 1972, с. 54), но так и не получило какого-либо обоснования.

А.Д. Грач, отождествляя курганы пазырыкского типа с пазырыкской культурой, выделял два основных ее варианта: алтайский (Алтай, Тува, Восточный Казахстан) и центральноазиатский (или тувинский) (Грач, 1967, с. 225-226). Однако, А.Д. Грач первым и обосновал право на использование данного термина, предложив назвать так культуру «по наиболее ярким ее памятникам в Пазырыке» (Грач, 1968, с. 228).

С начала 80-х гг. термин «пазырыкская культура» постепенно входит в широкий научный оборот, вытесняя другие понятия. Тем не менее, положение вещей, когда процедура выделения и наименования культуры не получила должного обоснования, не способствовало росту интерпретационных возможностей археологического материала. Фактически пазырыкская культура существовала априори, когда на базе постоянно растущего числа исследованных памятников был поставлен вопрос о выделении новой для Горного Алтая культуры, синхронной с пазырыкской – кара-кобинской (Суразаков, 1983). Последовательно в своих работах оперирует данным понятием А.С. Суразаков, но в своих работах он не всегда четко разграничивал собственно культуру и пазырыкский этап культуры ранних кочевников Алтая (предложенный, но так и не обоснованный М.П.Грязновым). В одной из первых своих работ он кратко изложил основные признаки погребальных сооружений отождествляемых с пазырыкской культурой (Суразаков, 1980а). Позднее, в обобщающей работе, опубликованной в 1988 г., исследователь более полно охарактеризовал комплекс признаков, относящихся, по его мнению, к собственно пазырыкской культуре (1988, с. 118-124).

Естественно, что сложившаяся ситуация не могла не привлечь внимание исследователей. П.И. Шульга указал на отсутствие общепринятого определения памятников VI-II вв. до н. э., и отметил, что ни хронологические рамки, ни содержание, получающего все большее распространение понятия «пазырыкская археологическая культура» тоже конкретно не рассматривались (Шульга, 1986, с. 20). В этой же работе он привел основания для существования единой пазырыкской культуры для скотоводческой зоны Горного Алтая, включающей в себя несколько типов погребений (Шульга, 1986, с. 21 – 23). Исследователь неоднократно возвращался к этой проблеме и в последующих своих работах (Шульга, 1997, с. 341). В настоящее время, по его мнению, можно наблюдать тенденцию, когда отсутствие «развернутого определения этого сложного этнокультурного образования ведет к отказу ряда исследователей от употребления понятия «пазырыкская культура», замене его хронологическим или территориальным определением – памятники «скифского времени Горного Алтая», «пазырыкского времени» и т. д.» (Шульга, 1998, с. 702). В качестве иллюстрации такого подхода, следует указать на позицию редколлегии тома «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», где было предложено отказаться от какого-либо содержательного определения этапов единой культуры ранних кочевников Алтая (Грязнов, 1992, с. 164). Сложившаяся ситуация приводит к серьезным противоречиям, возникающим при интерпретации накопленного материала. Так, в работах В.Д.Кубарева и Н.В.Полосьмак, вышедших в один год, можно встретить диаметрально противоположные утверждения о степени изученности культуры: «до сих пор не определены ... этническая принадлежность, географические и хронологические границы самой известной на Алтае пазырыкской культуры» (Кубарев, 1997, с. 1); «к настоящему времени определены хронологические и территориальные рамки пазырыкской культуры» (Полосьмак, 1997, с. 3).

Действительно, признавая неоднозначность сложившейся ситуации, все же отметим, историография этой проблемы, не носила характера острого «терминологического» противостояния, как, например, проблема культурно-хронологической атрибуции памятников Тувы I тыс. до н. э. (см. например: Мандельштам, 1992, с. 178 – 179).

В заключении отметим, что сложившаяся ситуация отражает, скажем так, «стадиальное» явление, характеризующее современное состояние изучения скифской эпохи Алтая в целом, что мы можем наблюдать на примере исследования раннего ее периода (Кирюшин, Тишкин, 1999, с. 73 – 74).

Таким образом, историография этого, носящего частный характер, сюжета позволяет констатировать отсутствие единого подхода в изучении пазырыкской культуры и оценить существующий уровень интерпретаций накопленного материала, как достаточно сложный и противоречивый.

Д. А. Занина

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

История изучения быстринской культуры

Эпоха раннего железного века в Западной Сибири характеризовалась бурным взаимодействием различных групп древнего населения, активным развитием явлений этнокультурного и этносоциального плана, шел диалектический процесс интеграции и дифференциации древних культур, отмеченный ещё М.П. Грязновым и другими исследователями.

Все высказанные мнения, предположения и выводы ученых затрагивающие этот вопрос, можно разделить на следующие группы:

1. Памятники раннего железного века предгорий Алтая являются остатками представителей оседлого пастушеско – земледельческого населения трех этапов большереченской культуры со взаимными, тесными контактами с племенами, главным образом, Горного Алтая, а также других близлежащих районов (Грязнов М.П., Полторацкая В.Н., Киреев С.М. и др.).

В 1983-84 гг. С.М. Киреевым неоднократно производились сборы подъёмного материала на поселении Майма I. Здесь, как он отметил, достаточно хорошо выделяется комплекс большереченской культуры, особенно ее бийского и березовского этапов. Расположение же поселения Майма I на границе большереченской и пазырыкской культур должно было привести к тесным контактам, взаимообогащению культур и наложить своеобразный отпечаток на большереченские памятники.

Основной комплекс керамики населения Майма I он относит к бийскому и березовскому этапам большереченской культуры. Находки единичных фрагментов с налепными валиками, свидетельствуют в пользу контактов большереченцев с населением соседних территорий (Киреев С.М., 1986, с.165).

2. Ряд исследователей связывают появление в предгорьях таких памятников с определенным перемещением полукочевого горноалтайского населения с V в. до н. э. (Руденко С.И., Могильников В.А.) и относят их к пазырыкско-шибинскому кругу памятников (В.А.Могильников, А.П. Уманский, Т.Н. Троицкая) В.А. Могильников и А.С. Суразаков включают в ареал распространения каракобинской культуры.

В.А. Могильников в степных районах Приобья отмечает сосуществование и взаимопроникновение трех этнокультурных групп – большереченской, пазырыкской и связанной с западом и юго-западом – каменской. С одной стороны, наблюдается глубокое проникновение по долинам рек в горы представителей большереченского населения. Оно объясняется сосуществованием представителей обществ с различным хозяйственным укладом – полуоседлых скотоводов – пазырыкцев и большереченцев, у которых было комплексное хозяйство с большой ролью охоты и рыболовства. С другой стороны, отмечается проникновение пазырыкского населения в предгорные степные районы Алтая. Оно документируется наличием здесь погребений с конем. Проникновение пазырыкцев на север носило ограниченный характер и касалось только степных предгорных районов (Могильников В.А., 1980, с.41)

3. Приход в предгорья Алтая новых кочевых племен с запада: из Восточного Казахстана, Южного Приуралья. (Могильников В.А., Уманский А.П., Завитухина М.П., Иванов Г.Е., Медникова Э.М.) Г.Е. Иванов и Э.М. Медникова нашли близкие параллели инвентарю Новообинского кургана у с. Новообинка Петропавловского района Алтайского края в комплексах Южного Приуралья и Восточного Казахстана. На существование тесных связей с этими территориями впервые обратила внимание М.П. Завитухина, склонившись к выводу о том, что опубликованные ею материалы могильников Бийск I, II и Быстрянское принадлежат культуре отличной и от большереченской и от культуры горноалтайских кочевников. Данные выводы были конкретизированы А.П. Уманским, объясняющим эти отличия притоком в лесостепной Алтай, групп населения из Средней Азии и Южного Приуралья (Г.Е. Иванов, Э.М. Медникова, 1982., с 89)

4. Выделение памятников раннего железа данного района в особый археологический субстрат: или локальный вариант одной культуры (Троицкая Т.Н.), или «особая культурная группа» (Могильников В.А.), или «Бийская группа памятников» (Савинов Д.Г.), или «своеобразная группа населения» (Киреев С.М.), или локально-территориальный тип памятников (Алехин Ю.П.), или своеобразная Чумышско-Ишинская группа памятников (Суразаков А.С.).

А.С. Суразаков объединяет ряд памятников, расположенных в междуречьи Иши и Чумыша, в особую культуру. Группу, отличную от окружающих культурных образований. Он же выделяет наиболее характерные черты погребального обряда памятников этой культурной группы (Суразаков А.С., 1988, с.20).

Являясь в скифскую эпоху контактной зоной между культурами лесостепного приобья, Горного Алтая, Восточного Казахстана, Тувы и Минусинской котловины, лесостепное предгорье стало зоной смешения культурных традиций, которые трансформировались в предгорное население.

В таких пограничных зонах между различными культурами, как в данном случае предгорья Алтая, могли возникать локальные варианты культур, в одних случаях малоустойчивые, но в других – развивающиеся в самостоятельные культуры. Наличие данного процесса отмечает ряд исследователей, которые предлагают, например, выделить локально-территориальные группы: староалейский тип, каменский тип, Чумышско-Ишимскую группу и другие, у которых существуют и схожие и отличные черты в зависимости от контактов с соседними племенами, либо выявление локальных культур в различных экологических зонах Алтая (Тишкин А.А., 1989, с. 63).

Каждая археологическая культура занимает определенную территорию. Иногда границы культуры достаточно четкие, однако часто встречаются постепенные переходы от одной культуры к другой, существуют межкультурные промежутки. На стыках культур возникали контактные зоны. Естественно, в этих контактных зонах образовались общества, которые, впитав в себя элементы разных культур, создают свой комплекс материальных и духовных продуктов жизнедеятельности, что возможно проследить при обследовании и раскопках археологических памятников предполагаемого района.

На этой теоретической основе стали изучаться известные к тому времени памятники в лесостепном предгорье Алтая. На этой территории в процессе взаимодействия различных культур населения формировалась контактная археологическая культура, предварительно получившая название «Предгорная».

Данные выкладки теоретического и практического характера вызвали достаточно бурные обсуждения в течение нескольких лет. Основные доказательства существования предгорной контактной культуры наиболее полно были представлены при защите дипломной работы А.А. Тишкиным в 1989 году, где выделены последовательные относительно-хронологические комплексы и более мелкие подразделения, показывающие раз-

витие единой археологической культуры в рамках VII-II вв. до н. э. на изучаемой территории. Кроме этого дана детальная характеристика всех составляющих элементов обозначенной археологической культуры, опираясь на известные в то время материалы (Тишкин А.А., 1996, с. 25).

Наконец в 1992 году вышли публикации С.М. Киреева о выделении в предгорьях «особой культуры раннего железного века». Идея выделения быстринской культуры была сразу же подхвачена рядом исследователей и стала наполняться более массовым, конкретным археологическим материалом.

Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров.

П.В. Ломанов

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

К вопросу о культурных связях населения таежных районов Нижнего Енисея в период раннего железного века (на основе данных керамики)

В археологическом отношении территория таежных районов Нижнего Енисея изучена еще довольно слабо. Тем не менее, к настоящему моменту исследован ряд памятников, содержащих комплексы раннего железного века. Металлические орудия в этих комплексах представлены лишь несколькими находками, поэтому наиболее информативным материалом является керамика.

Таежные районы Нижнего Енисея граничат с такими территориями, как подтаежные районы Среднего Енисея и Нижнего Приангарья. Правобережные енисейские притоки, такие как Ангара, Нижняя и Подкаменная Тунгуски, связывают долину Енисея с обширным регионом Восточной Сибири. Левобережные притоки соединяют Енисей с Западной Сибирью. Сама долина реки Енисей с древности являлась крупнейшей магистралью этнокультурных влияний с юга на север и с севера на юг.

Металлический инвентарь памятников раннего железного века указывает на культурные связи с районами среднего Енисея (территорией распространения тагарской культуры) и Приобьем (кулайская культура). Это подтверждают находки опубликованных Р.В. Николаевым двух бронзовых ножей раннетагарского облика, обнаруженных в Туруханском районе (Николаев, 1960, с. 64), а так же котла скифского типа, наконечника копья и двух литых ажурных зооморфных изображении (Николаев, 1980, с. 22). В этот перечень можно включить бронзовые шило и нож тагарского облика со стоянки Ильинка 1, раскопанной летом 2000 года.

В то же время керамика, обнаруженная на нижнеенисейских памятниках, дает основание включить территорию бассейна Нижнего Енисея в круг культур раннего железного века Восточной Сибири, родственных недавно выделенной цэпаньской культуре (Привалихин, 1989, с. 114; Привалихин, 1992, с. 73). Прежде всего, это керамика так называемого «карабульского» типа, выделенная по устойчивым признакам на десятках сосудов стоянки Усть-Карабула в Нижнем Приангарье (Баташев, Макаров, 2000, с. 12). Венчики карабульских сосудов у верхнего края утолщены широкой налепной лентой, украшенной различными сочетаниями зубчатого штампа, пальцевыми защипами, дугообразными оттисками, нередко поясом округлых ямок. Часто оттисками различных штампов и пальцевыми защипами украшена и верхняя треть тулова сосудов.

Подобная керамика встречена в ряде памятников Приангарья. Среди них, такие как Усть-Карабула, могильник и стоянка Сергушкин-3, погребение и стоянка Капонир (Баташев, Макаров, 2000, с. 12; Привалихин, 1987, с. 90; Привалихин, 1989, с. 115; Привалихин, 1992, с. 75). Кроме того, она встречена в подтаежной зоне среднего Енисея на стоянках Зи-

мостейная, Усть-Шилка и других памятниках. Близкая по типу керамика встречена также в Якутии на стоянке Усть-Миль в бассейне Алдана (Константинов, 1978, с. 28).

На Нижнем Енисее несколько фрагментов керамики подобного типа найдено во втором слое стоянки Ильинка 1, расположенной на левобережной террасе в 40 км ниже г. Енисейска, раскопанной летом 2000 года, экспедицией Красноярского Краевого музея (ККМ) под руководством М.С. Баташева. Эти фрагменты принадлежали, по-видимому, двум сосудам, от которых сохранились лишь части венчиков. Венчик одного сосуда отогнут наружу, утолщен налепной лентой и украшен оттисками мелкого зубчатого штампа. Переход от венчика к шейке сосуда выделен толстым налепным валиком, ниже на тулово переходят ряды мелкого зубчатого штампа. Другой сосуд тоже имеет слегка отогнутый наружу, утолщенный налепной лентой венчик, украшенный оттисками мелкого зубчатого штампа и особенно характерным для карабульской керамики рядом пальцевых защипов. Датировать эту керамику ранним железным веком можно с большой долей уверенности, так как в одном с ними слое были найдены бронзовые нож и шило типичного тагарского облика.

Другим характерным для данного этнокультурного ареала типом керамики, по-видимому, была посуда с туловом, украшенным тонкими расходящимися валиками, образующими на поверхности стенок сосуда зигзагообразный орнамент. Профилировка этой керамики во многом схожа с карабульской. Венчик так же отделен от тулова сосуда и немного отогнут наружу. Орнамент по венчику может иметь вид рядов округлых неглубоких лунок, зигзагов мелкого зубчатого штампа, вертикальных или косых широких, глубоко прочерченных линий, ногтевых защипов, сквозных отверстий.

На Нижнем Енисее такая керамика известна, прежде всего, на стоянке Усть-Подкаменная Тунгуска, где впервые была обнаружена А.Я. Тугариновым в 1921 г. В 1958, 1959 годах фрагменты сосудов этого типа там находил среди подъемного материала Р.В. Николаев (Николаев, 1963, с. 130). Подобная керамика была найдена на стоянке Монастырская Протока, раскопанной в течение полевых сезонов 1998, 1999 годов экспедицией ККМ под руководством Н.П. Макарова на территории Туруханского района на левобережной террасе Енисея. Слегка отогнутые венчики сосудов были украшены зигзагообразным орнаментом, образованным оттисками мелкого зубчатого штампа. Тулово сосудов покрывал зигзагообразный орнамент, образованный тонкими расходящимися валиками, аналогичный орнаментам фрагментов с Усть-Карабулы и Усть-Подкаменной Тунгуски. Несмотря на наличие каменного инвентаря в одном слое с этой керамикой, принадлежность к железному веку доказывается наличием в том же слое железных шлаков.

Во втором слое стоянки Ильинка 1 вместе с карабульской керамикой и тагарскими бронзовыми орудиями был найден керамический фрагмент, орнаментированный тремя горизонтальными налепными валиками. Вообще, ряды горизонтальных налепных валиков – довольно распространенный орнаментальный мотив для обширного региона таежной зоны Восточной Сибири эпохи раннего железного века. Особенно много такой керамики в железном веке Якутии, например, среди находок стоянок Тумул на Вилуе, Хара-Алдан, Нюрбачан II, Сыралта (Константинов, 1978, с. 123-127). Есть такая керамика и на Нижней Ангаре, среди материалов стоянок Усть-Карабула, Пинчуги, где была найдена вместе с железными шлаками (Макулов, 1992, с. 131) и других памятников.

Особый интерес представляет находка подобной керамики к западу от Енисея, на территории Обь-Енисейского междуречья. Фрагменты, украшенные налепными валиками, как сплошными так и рассеченными оттисками овального штампа, с характерной профилировкой наружу были обнаружены при раскопках поселения у села Маковское, на правом притоке Оби, р. Кеть (Николаев, 1963, с. 51, 52) и на Обь-Енисейском канале (Ожередов, 1992, с. 78).

Среди характерных для раннего железного века Якутии типов керамики И.В. Константинов отмечает посуду, украшенную мелким косым многозубчатым штампом с оттисками,

нанесенными вплотную друг к другу, имеющиеся среди находок стоянки Белькачи I в бассейне Алдана (Константинов, 1978, с. 18). Два фрагмента с подобной орнаментацией были обнаружены при раскопках экспедицией ККМ под руководством М.С. Баташева в 1998-1999 годах стоянки Утиный Столб близ села Ярцево Енисейского района. Принадлежность этой керамики к железному веку подтверждается наличием в одном слое с ней таких выразительных изделий как железный черешковый нож, находящий аналогии в Нижнем Приангарье (Гладилин, 1978, с. 211), а также ряд фрагментов бронзового сосуда с характерным для скифских котлов литейным швом (Ломанов, 2000, с. 193).

Однако следует признать, что из-за слабой изученности региона нельзя детально воссоздать картину культурных процессов, проходивших на территории Нижнего Енисея в период раннего железного века. Для территории протяженностью в две тысячи километров известно лишь несколько десятков памятников. Практически не затронуты исследованиями территории бассейнов многих малых притоков Енисея, таких как Сым, Дубчес, Кас, Большой Пит.

Для определения подлинного характера культурных связей Нижнего Енисея с прилегающими регионами необходимо дальнейшее планомерное археологическое изучение данной территории. Открытие за последние годы экспедициями ККМ ряда новых памятников доказывает научную перспективность дальнейших исследований.

Научный руководитель – к.и.н. Н.П. Макаров.

Д.В. Баяндин

(Бийск, Бийский государственный педагогический университет)

Типология керамики поселений эпохи раннего железного века Предгорий Алтая

В полевые сезоны 1983 – 1991 гг. экспедициями Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки и 1997 – 1999 гг. Бийского государственного педагогического института под руководством Скопинцевой Г.В. в предгорьях Алтая проводились разведочные и раскопочные работы на поселениях раннего железного века. В ходе работ было раскопано 208 кв. м. поселения Усть-Иша IV, 66,8 кв.м. жилища на поселении Сайлап – II (размеры жилищной западины 7.6 x 7.5 м., длина по оси Ю-В – С-З, глубина 12-15 см.), а также сделан сбор подъёмного материала и заложены разведочные шурфы с поселений Красный Яр – I и Красный Яр – II.

На всех исследуемых поселениях основную массу находок составляют обломки керамических сосудов. Классификация керамики проводилась по форме венчика, по краю венчика, по форме придонных частей и орнаментации. Формы сосудов стандартны для всех памятников. Выделяются 2 типа: плоскодонные банки или горшки со слабо выраженным венчиком и плоскодонные чаши. Другие типы посуды: хорошо профилированные горшки, маленькие сосуды из одного куска глины. Встречены единично. Орнаментация второго типа обычно беднее по сравнению с первым. Орнаментация занимает только верхнюю часть сосудов и располагается в 1 – 2, реже – в 3 – 4 строки.

Поселение Усть-Иша IV находится на выступе высокой (до 40 м.) Катунской террасы, в небольшом распадке по правому берегу р. Иша, в 3 км к С-В-В от её устья. При статистической обработке учтено 135 венчиков, в том числе 4 – без орнамента. Основной вид орнамента – ямки и угловые вдавления в один ряд (53%). Венчики, украшенные жемчужинами с различными разделителями составили 11%, 17% – фрагменты сосудов, украшенные различными сочетаниями рассечённого насечками налепного валика с другими элементами орнамента. Рис. 1(4-7)

Поселение Сайлап – II находится на правом берегу реки Сайлапка, в 70 м. к С-В от указателя «96 км» Солтонского тракта. При статистической обработке учтено 15 венчиков, из них 4 – без орнамента. Основной вид орнаментации – жемчужины с различными разделите-

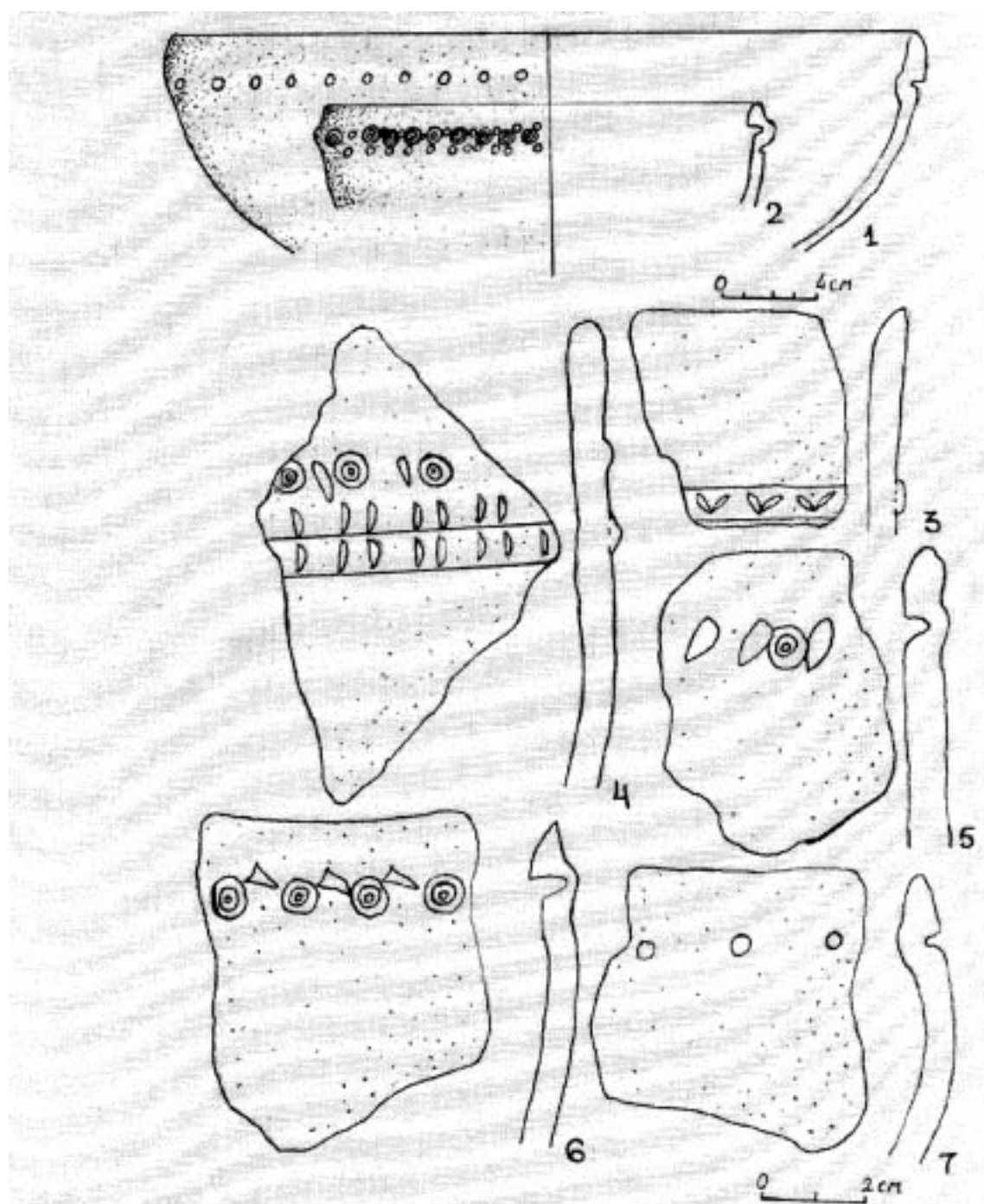

Рис. 1 1-3 керамика с поселения Сийлап II
4-7 керамика с поселения Усть-Иша IV

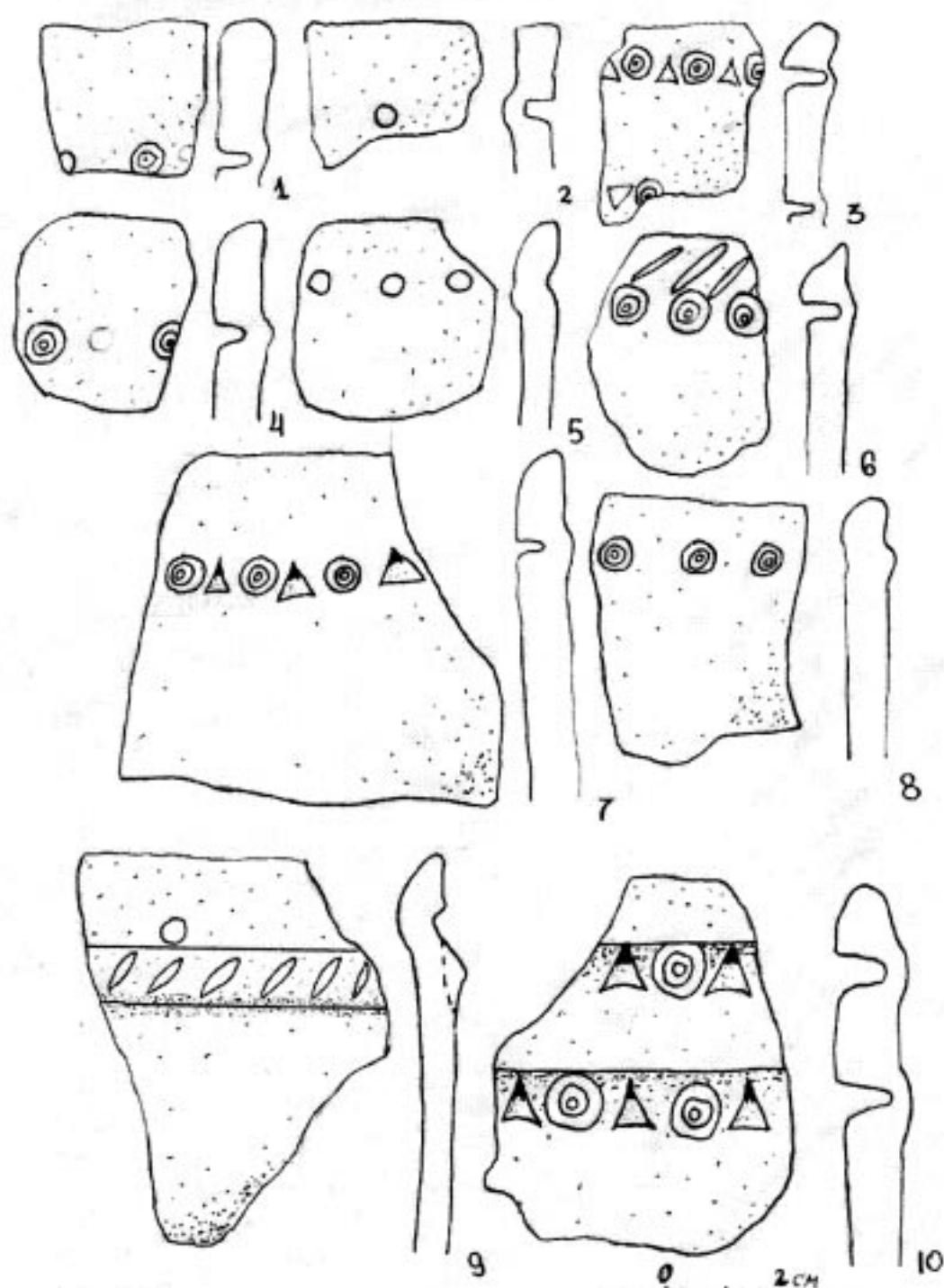

Рис. 2. 1-3 керамика с поселения Красный Яр - II
4-10 керамика с поселения Красный Яр - I

лями (33%) и ямки (27%), а также единичные фрагменты с ямками в два ряда и с рассечённым насечками валиком (7%), рис. 1. – 1-3).

Поселение Красный Яр – I находится в Советском районе, на высоком берегу древнего русла реки Каменка, на окраине села Красный Яр. При статистической обработке учтено 40 венчиков, из них 5 – без орнамента. Основной вид орнамента – жемчужины с различными разделителями (35%), ямки и уголкового вдавления в один ряд – 20%, а также рассечённый насечками валик (20%). Кроме этого, часть сосудов орнаментирована ямками и уголковыми вдавлениями в два ряда (7.5%) и «чистым жемчужником» (5%), рис.2. – 4-10).

Поселение Красный Яр – II находится в 1.5 км. от села Красный Яр, на берегу реки Каменка. При статистической обработке учтено 10 венчиков, из них 4 – без орнамента. Присутствуют два вида орнаментации – ямки и уголкового вдавления (40%) и жемчужины с разделителем (20%), рис. 2. – 1-3).

На всех исследуемых нами поселениях края венчиков сосудов имеют округлую или скошенную – либо во внутрь, либо наружу форму.

Рассматриваемые нами поселения Предгорий Алтая имеют ряд сходных признаков. Они близки по большому проценту ямок и уголковых вдавлений, по наличию (кроме поселения Красный Яр II) фрагментов валиковой керамики и большей доли фрагментов жемчужника с разделителями (за исключением поселения Усть-Иша IV). Исходя из этого можно сделать вывод, что поселение Усть-Иша-IV, Сайлап-II, Красный Яр-I и Красный Яр-II относятся к одному периоду.

Поселение Усть-Иша – IV было датировано М.Т. Абдулганеевым и Г.В. Скопинцевой временем, относящемся к быстрянской культуре (Абдулганеев М.Т., Скопинцева Г.В., 2000). Датировка основывалась на анализе керамического комплекса поселений валиковой керамики, которая является важнейшим отличительным признаком быстрянской культуры. Валиковая керамика, как отмечают исследователи, характерна для предгорий Алтая в раннем железном веке (Абдулганеев, 1994, с.106). М.Т. Абдулганеев и Г.В. Скопинцева отмечают, что поселение Усть-Иша-IV «несоотносимо почти ни с одним быстрянским поселением северных Предгорий Алтая и отнесли его к поселениям Точильнинской группы, особенно схожим с поселением Точильное – III. Сравнительный анализ исследуемых нами поселений с предлагаемой М.Т. Абдулганеевым и В.Н. Владимировым (сравнить: Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. 1997, рис.23) классификацией поселений раннего железного века, показывает, что по соотношению различных видов орнамента поселение Красный Яр – II и Сайлап – II ближе к Точильнинской группе, а поселение Красный Яр – I – к поселению Стан – Бехтемир.

Большую роль в сложении и развитии быстрянской культуры играли миграционные процессы. Данная проблема привлекала внимание многих археологов: М.П.Завитухина, А.С. Суразаков, Т.Н.Троицкая и др.

Большое внимание к данной проблеме уделял в своих работах С.М. Киреев. Он отметил: « Длительный и постоянно протекающий на протяжении всего периода существования быстрянской культуры контакт с соседними культурными группами (Киреев С.М., 1994, с.118). С.М. Киреев утверждает, что быстрянская культура есть «результат тихих миграций» (Киреев С.М., 1994, с.18.) В целом, можно согласиться с тем, что находясь на стыке ареалов, пазырыкской, большереченской, каменской, саглынской и дальней периферией тагарской культур, быстрянская культура являлась многокомпонентной по своему происхождению. Сходство валиковой культуры раннего железного века предгорий и гор сомнений не вызывает. Нельзя не согласиться с мнением М.Т. Абдулганеева, что учитывая одинаковый возраст быстрянской и пазырыкской культур, следует пока говорить только об их родстве, хотя не исключаются и « взаимные инфильтрации отдельных групп населения» (Абдулганеев М.Т., 1994, с.106).

Научный руководитель – к.и.н. Г.В. Скопинцева.

Е.С. Миронов
(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Керамические сосуды из пазырыкских могильников долины р. Эдиган

В полевые сезоны 1995-2000гг. Южно-Сибирским археологическим отрядом САКЭ ИАЭ СО РАН под руководством Ю.С. Худякова были исследованы курганные могильники пазырыкской культуры скифского времени Кок-Эдиган, Чолтух, Тынгыс-Тыт, Ак-Кара-Бом, Каинзарах, расположенные в правобережной части долины р.Эдиган, правого притока Катуня, западнее с.Эдиган. В составе погребального инвентаря раскопанных памятников были обнаружены 27 керамических сосудов различной формы и степени сохранности. После камеральной обработки удалось восстановить их форму.

Все сосуды лепные. Обжиг, проводившийся на костре, неравномерный. Керамика чаще всего имеет красно-коричневый цвет с характерными черными или серыми пятнами из-за неравномерного прокаливания. Все сосуды серого и коричневого цвета. Глина для лепки сосудов, судя по встречающимся вкраплениям слюды, бралась из местных источников. Некоторые сосуды имеют следы росписи черной краской.

Керамические пазырыкские сосуды из могильников долины р.Эдиган можно классифицировать на 3 группы, по форме и назначению.

Первая группа – кувшины, представляют из себя высокие сосуды с достаточно узким горлом и дном. Кувшины использовались для хранения и употребления жидкостей. За шесть полевых сезонов в долине р.Эдиган было найдено 17 кувшинов, по формальным признакам их можно поделить на 6 типов (Таблица 1).

Первый тип – кувшины, стройные, высокие, значительного объема с биконическим туловом, малых размеров донцем и высоким горлом, узким в основании и немного расширяющимся к устью. Это три сосуда из курганов 2, 15 Кок-Эдиган и один сосуд из кургана 5 Тынгыс-тыт. Такие кувшины выделяются тщательностью изготовления, лощением, отсутствием ornamentации и более высоким качеством обжига. Размеры сосудов. Высота – 34-39 см., диаметр тулова – 21-22 см., диаметр горла – 11-12 см., диаметр дна – 9-12 см., толщина стенок – 0,6-0,9 см.

Второй тип – кувшины, достаточно высокие с овальным или округлым туловом и высоким, узким, расширяющимся к устью горлом. Пять сосудов из курганов 12, 13, 14 Кок-Эдиган и один сосуд из кургана 3 Тынгыс-Тыт. Размеры сосудов второго типа. Высота – 27-33,5 см., диаметр тулова – 18-22 см., диаметр горла – 8-9,5 см., диаметр дна – 10-11 см., толщина стенок 0,5-0,8 см.

Третий тип – кувшины, довольно высокие бутылеобразные с выпирающими плечиками, малых размеров донцем и очень узким, высоким, расширяющимся к устью или прямым горлом с отогнутым венчиком. Три сосуда из курганов 10 и 14 могильника Кок-Эдиган. Один из этих кувшинов был украшен орнаментом в виде налепного ободка с косой насечкой, который опоясывал горло сразу под венчиком. Размеры третьего типа кувшинов. Высота – 27-30 см., диаметр тулова от 16,5 до 19 см., диаметр горла – 6,5-9,5 см, диаметр дна – 7-8 см, толщина стенок – 0,5-0,8 см.

Четвертый тип – кувшины с округлым, сильно расширенным туловом, высоким, прямым или расширяющимся широким горлом и отогнутым венчиком. Два сосуда из курганов 10, 20 могильника Кок-Эдиган. У кувшина из 10 кургана горло и прилегающее к нему тулово покрыто орнаментом в виде опоясывающей сосуд вдавленной спирали. Размеры сосудов четвертого типа. Высота – 23-29 см, диаметр тулова – 16-24 см, диаметр горла – 10 см, диаметр дна 9-10 см, толщина стенок 0,6-0,9 см.

Пятый тип – кувшин с округлым, сильно расширяющимся туловом, с расширяющимся к устью горлом и широким донцем. Сосуд из кургана 2 Чолтух. Размеры сосуда: высота 33 см, диаметр тулова 23 см, диаметр горла 9-11 см, диаметр дна 14 см, толщина стенок 0,5-0,8 см.

Шестой тип – достаточно высокий кувшин с округлым туловом и высоким, широким, расширяющимся к устью горлом. Донце средних размеров. Сосуд из кургана 2 Тянгис-Тыт. Размеры шестого типа: высота 33 см, диаметр тулова 21 см, диаметр горла 9-12 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 0,7-0,9 см.

Вторая группа – объединяет сосуды, сочетающие в себе признаки как кувшинов (высота, вытянутое тулово, качество изготовления), так и горшков (приземистость, простота форм, широкое горло и дно, небольшие размеры), которые были названы крынками. Крынки могли сочетать в себе функции как кувшинов (хранение молочных продуктов и воды), так и горшков (приготовление пищи). Всего в долине р.Эдиган было найдено 7 крынок. Среди них также можно выделить 4 типа крынок.

Первый тип – крынки, отличающиеся несколько продолговатым туловом, средних размеров донцем и широким, коротким, расширяющимся к устью горлом. Три сосуда из курганов 2, 5 и 6 Кок-Эдиган и один сосуд из кургана 2 могильник Ак-Кара-Бом. Два из них имели орнамент в виде нарисованных черной краской зигзагообразных вертикальных полосы, у одного заполненных еще и косой сеткой линий. Размеры крынок первого типа: высота – 21-35 см, диаметр тулова – 17-25 см, диаметр горла – 11-15 см, диаметр дна – 8-11 см, толщина стенок – 0,6-1 см.

Второй тип – крынка значительного объема с широким туловом и донцем, выперающими плечиками и прямым, средней высоты широким горлом. Сосуд из кургана 7 Кок-Эдиган. Его размеры: высота 28 см, диаметр тулова 23 см, диаметр горла 13 см, диаметр дна 13,5 см, толщина стенок 0,6-1 см.

Третий тип – крынка имеет выделяющиеся плечики, высокое, сужающиеся к устью горло, равное по диаметру донцу. Сосуд из кургана 2 Тянгис-Тыт. Его размеры: высота 22 см, диаметр тулова 18 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 9 см, толщина стенок 0,6-0,8 см.

Четвертый тип – крынка имеет округлое не широкое тулово и широкое прямое горло с отогнутым венчиком. Сосуд из кургана 3 могильника Ак-Кара-Бом. Его размеры: высота 21 см, диаметр тулова 12 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 10 см.

Третья группа – горшки. Эта группа представлена всего тремя экземплярами, которые принадлежат к двум типам.

Первый тип – горшки, приземистые, толстостенные, с широким округлым туловом и невысоким широким горлом и отогнутым венчиком. Два сосуда из кургана 2 Кок-Эдиган и из кургана 4 Тянгис-Тыт. Размеры: высота – 19-20 см, диаметр тулова – 18-19 см, диаметр горла – 10-11 см, диаметр дна – 12 см, толщина стенок 0,8-1 см.

Второй тип – горшок баночного типа, со слабо выраженными плечиками и горлом. Сосуд из кургана 4 Кок-Эдиган. Размеры: высота 19 см., диаметр тулова 15 см, диаметр горла 11,5 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок 0,8-1 см.

На внутренних стенках горшков, крынок и даже кувшинов присутствует налп, что может говорить о том, что в этих сосудах хотя бы один раз на огне готовилась пища, возможно, специальная заупокойная.

Сосуды из долины р.Эдиган можно классифицировать и по орнаментации. По способу нанесения орнамента представляется возможным всю керамику долины р.Эдиган на две группы (Таблица 2).

Первая группа – орнамент нанесен черной или красной краской. Первая группа делится на три типа.

Первый тип – завитки расположены отдельно или плавно переходят один в другой. Это сосуды из могильника Ак-Кара-Бом курган 2 и могильника Кок-Эдиган курган 2.

Второй тип – волнистые вертикальные линии-«змейки» в сочетании с косыми, пересекающимися линиями-«сеткой» – сосуд из кургана 2 Кок-Эдиган.

Вторая группа – орнамент представляет из себя насечку или налипной рассеченный валик.

Первый тип. Сосуд орнаментирован косой или прямой насечкой поясов вокруг горла сосуда. Он из могилника Кок-Эдиган курган 10.

Второй тип. Сосуд украшен орнаментом в виде налипного ободка с косой насечкой.

Что касается состава и качества материала, использовавшегося для изготовления сосудов, то тут можно сказать только то, что кувшины и крынки были сделаны из красно-коричневой глины хорошего качества, а практически все горшки, особенно плоских форм – из грубой серо-черной глины с различными включениями (речной песок, остатки травы и т.д.), к тому же, плохого обжига. Стенки горшков более пористые и толстые, нежели у кувшинов и большей части крынок.

Научный руководитель – д.и.н. Ю.С. Худяков

Ю.Н. Гаркуша

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

Некоторые проблемы изучения военного дела пазырыкской культуры

Интенсивное накопление источниковой базы в ходе полевых исследований памятников I тыс. до н. э. позволило расширить круг задач, к которым обращаются исследователи, решая проблемы культурогенеза населения Горного Алтая в данную эпоху. Нашли свое отражение и сюжеты, посвященные истории развития вооружения и военного дела. В данной работе мы остановимся лишь на некоторых общих проблемах.

В свое время Ю.С.Худяковым был обобщен и проанализирован накопленный к нач. 80-х гг. предметный комплекс вооружений, сложившийся в I тыс. до н. э. в Южной Сибири. Исследователь пришел к выводу, что на территории Горного Алтая, Тувы и Монголии существовал комплекс вооружений присущий *легковооруженному* (курсив мой – Ю.Г.) конному воину. Обусловлено это было двумя важными, на наш взгляд, причинами: кочевники Южной Сибири не имели контактов с населением, имеющем более развитую военную организацию и, как следствие, развитие вооружения на данной территории происходило замедленными темпами (Худяков, 1980, с. 143 – 144). На относительную изоляцию, обусловленную, правда, географическим положением Горного Алтая, обратил внимание В.А.Кочеев (1998, с. 275).

В настоящее время в развитии военного дела в I тыс. до н. э. исследователи выделяют два периода, совпадающие по времени с существованием двух сменяющих друг друга культур (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 86). Однако сравнение с раннескифским временем позволяет констатировать отсутствие видового отличия в комплексе вооружений в последующее время вплоть до конца тысячелетия, а увеличение количества предметов вооружения вооружений связано с ростом числа исследованных погребений в пазырыкское время (Кочеев, 1998, с. 273).

Между тем, исследователи занимающиеся аналогичными проблемами на материалах западных соседей носителей пазырыкской культуры выделяют определенный рубеж (как правило, IV-III вв. до н. э.), когда можно наблюдать качественные (прежде всего) изменения, как в видовом, так и в количественном составе вооружений. Такие изменения ведут к появлению новых форм военной организации и определенным тактическим новшествам (см., напр.: Васильев, 1983, с. 29; Горелик, 1987, с. 120, 129; Погодин, 1997, с. 119). Материалы же пазырыкской культуры позволяют говорить об определенных «застойных» явлениях в развитии этой сферы жизнедеятельности.

Остаются без внимания вопросы локальных особенностей военного дела пазырыкцев, обусловленных природно-географическими условиями Горного Алтая и могущих отли-

чатся от принципов формирования войска и способов ведения боя, традиционно соотносимых с кочевниками (см., напр.: Худяков, 1985). Такая постановка вопроса правомерна тем, что в историографии присутствуют доводы в пользу сильного воздействия на культуру населения Алтая в скифское время племен, в значительной степени связанных с культурой лесных охотников (Вайнштейн, 1991, с.188, 287). Кроме того, в последнее время среди этнографов появились идеи о формировании на территории Горного Алтая, Хакасии, так называемых южносибирских лесных культурных комплексов, резко отличающихся от скотоводов-кочевников центрально-азиатского типа. Контуры таких комплексов проявились на указанных территориях уже в скифское время (Селезнев, 1998, 1998а).

Особо стоит отметить суждения о высокой степени милитаризации пазырыцкого общества. Утверждения о масштабных военных столкновениях на разных этапах развития культуры, выходящих за рамки межродовых и межплеменных, о постоянном росте напряженности (Кочеев, 1994) не подкреплены археологическими свидетельствами. Наоборот, материалы, полученные в ходе полевых исследований, иллюстрируют отсутствие сколько-нибудь широкой военной деятельности на территории Горного Алтая (Елин, 1994; Мамадаков, 1994; Абдулганеев, 1996, с. 27 – 28; Молодин, 2000, с. 133). Опираясь, главным образом, на присутствие импортных предметов в погребениях также нельзя утверждать о приоритете военных походов над другими способами приобретения, что можно увидеть в работах некоторых исследователей¹ (Марсадалов, 1996, с. 60, 69, 70). Привлечение экономических факторов, которые не принимались в расчет исследователями должным образом, способны существенно скорректировать представления о «милитаризме» пазырыкцев. Очень важным является замечание П.И. Шульги о том, что «площади зимних пастбищ, определяющих, в конечном счете, поголовье скота и соответственно, количество населения, явно недостаточны для формирования на этой базе мощного военно-политического образования (каковым нам представляются пазырыкцы), способного выставить крупное войско» (Шульга, 1999, с. 248).

Вопросы, связанные с реконструкцией военной организации взаимосвязаны с социальной структурой традиционного общества вообще. Они также не остались без внимания исследователей. Шагом вперед было предложение А.Д.Грача взять за основу при реконструкции социальной структуры кочевников Саяно-Алтая трехчленную структуру общества. Он выделил, опираясь на археологические материалы, три группы погребений (царские», «родовой аристократии», рядовых кочевников), указав, что средней слой, «родовая аристократия», является далеко не однородным (Грач, 1975, с. 161 – 166). Для середины 70-х гг. такие выводы имели важное методологическое значение, позволяющие отойти от упрощенного представления социальной структуры кочевников. Для среднего слоя исследователь предложил использовать понятие «дружина», акцентируя первоначально внимание на политической составляющей термина (там же, с. 164). Позднее, в русле устоявшихся представлений о том, что каждый мужчина в кочевом обществе – воин, распространил «дружинный» принцип и на военную организацию кочевников Саяно-Алтая (Грач, 1980, с. 59 – 60). О существовании определенной воинской специализации и возникновении дружины у носителей тагарской культуры на поздних этапах ее развития писал и А.М. Кулемзин (1973, с. 24 – 26; 1980, с. 168).

Эти идеи послужили методической базой для исследователей, обращавшихся к проблемам социального структурирования населения Саяно-Алтая (см., напр.: Миронов, 1997).

1 К сожалению, отсутствует статистика и структура предметов импорта, обнаруженных в погребениях. Основываясь на собственных наблюдениях, могу судить о небольшой доле импорта в памятниках населения Горного Алтая, но это тема отдельного исследования. Косвенно это также может указывать на слабую внешнюю военную активность горноалтайцев.

Последовательно в своих работах, в той или иной степени, обращался к истории военного дела пазырыкцев Кочеев В.А., в частности и к теме «воины в социальной структуре общества» (1989, 1990, 1997). В русле традиционных представлений, он считает, что все взрослое мужское население пазырыкцев было воинами и в этой среде начинает складываться особая прослойка воинов-профессионалов. Такой подход позволяет исследователю поставить вопрос и о существовании военных дружин (Кочеев, 1990, с. 109). Однако, позднее исследователь говорит уже о форме военной организации, в основе которой лежит родоплеменная структура, присущая пазырыкскому обществу (Кочеев, 1998, с. 272), что противоречит условиям развития института дружины.

Вопрос генезиса дружины у народов Саяно-Алтая, в частности, у населения Горного Алтая весьма непросто и вряд ли может быть разрешен на данном этапе исследований. Как известно, формирование данного института связано с определенными социально-экономическими и социально-политическими условиями развития общества (см., напр.: Горский, 1984). Однако методический уровень постановки этих проблем на материалах Горного Алтая и степень изученности не отвечают современным требованиям, предъявляемым к изучению социальных процессов, и вызывают справедливые нарекания исследователей (Соненков, 1997). К археологическим свидетельствам, позволяющим предполагать существование обособленной группы воинов-профессионалов, относят наличие в погребениях специализированного оружия необходимого для ведения специфических военных действий. Однако комплекс вооружения населения Горного Алтая в рассматриваемую эпоху характеризует только легковооруженного воина. Таким образом, позиция исследователей утверждающих о существовании дружин, представляется достаточно уязвимой, а в некоторых моментах и ошибочной: так, появление профессиональных воинов не устраняет факта вооруженности всего народа (Горский, 1984, с. 18), как утверждают ряд исследователей (Кочеев, 1990, с. 110; Миронов, 1997а, с. 108).

Исследования, проведенные на кургане 1 могильника Ак-Алаха-I затронули новый аспект социализации женщины в пазырыкском обществе. Здесь в женском погребении были найдены не только полный набор вооружения, но и детали характерной мужской одежды и головного убора. Автором раскопок, Н.В.Полосьмак, был поставлен вопрос об открытии «до сих пор малоизвестного элитного слоя пазырыкского общества», о функционировании института так называемых «амазонок» (Полосьмак, 1994, с.43). Стоит отметить, что существует уже серия подобных захоронений. В настоящее время мне известно 9 погребений женщин (включая и могильник Ак-Алаха-I) с оружием и элементами специфического мужского костюма: мог. Узунтал II, к. 2 (Савинов, 1993, с.7); мог. Бураты IV, к. 12 (Кубарев, Кочеев, 1983, с. 93); мог. Юстыд XII, к. 3 и к. 26 (Кубарев, 1991, с. 41, табл. LVI); мог. Джолин I, к. 8¹ (там же, табл. LXX); мог. Барбургазы I, к. 10 (Кубарев, 1992, с. 126); мог. Ак-Алаха 5, к. 1 и к. 4 (Полосьмак, Молодин, 2000, с. 79). К сожалению, пока эти факты не привлекли к себе внимания исследователей и не получили должного определения.

Стоит отметить, что при изучении развития военного дела остается, не задействован важный корпус источников – антропологический. Между тем, использование такого рода источника, позволяющего учитывать динамику палеодемографических процессов, факты военного травматизма и т.д., позволит делать обоснованные и корректные предположения при реконструкции данной сферы жизнедеятельности населения Горного Алтая.

1 Половозрастное определение выполнено к.б.н. Чижишевой Т.А., в остальных случаях информация получена из публикаций

А.Л. Банников
(Уфа, Башкирский государственный университет)

К вопросу о существовании жреческого сословия у ранних кочевников Южного Урала

Вопросы социальной организации ранних кочевников неоднократно становились предметом исследования. Одним из основных аспектов данной проблемы является выделение жреческого сословия. По данной проблеме существуют различные точки зрения, однако, на мой взгляд, сегодня уже можно с уверенностью говорить о существовании у ранних кочевников особого жреческого сословия. Основания к этому следующие:

1. Так наз. «жреческий инвентарь», характерный только для женских погребений. Это прежде всего каменные жертвенники и бронзовые зеркала, а также раковины, бусы, кумалаки, реальгар, мел, краски. Очевидно, что данные предметы носят не бытовой, а сакрально-ритуальный характер. Кроме того, нам представляется, что зооморфно-орнаментальные композиции, которыми украшена значительная часть алтариков и символичный орнамент, часто встречаемый на зеркалах, носят высокую религиозную нагрузку и отражают довольно сложную систему культов и верований. Обслуживание этой системы требует наличия профессионального жречества.

2. О существовании профессионального жречества говорит и тот факт, что большинство подобных погребений, в т. ч. и наиболее богатых, сосредоточено в районе среднего течения Урала и впадения в него Илека, где «концентрировались кладбища военной аристократии, жречества и племенных вождей» (Смирнов К.Ф., 1975). По мнению М.К. Кадырбаева, именно жрицам принадлежали захоронения с алтарями, зеркалами, красками, кумалаками. Также «им отводилось место, подчеркивавшее религиозные привилегии и социальную автономию этого сословия» (Кадырбаев М.К., 1984). Подобные жреческие захоронения встречаются у саков Приаралья—в могильниках Сакар-чага, Уйгарак, Тагискен (Вишневская О.А., 1973; Алексин В.А., 1975; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997;), а также в скифских курганах нижнего Дона (Ильинская В.А., 1975). Кроме того, обособленные жреческие погребения со сходным инвентарем встречаются в курганах долины Зарафшана—в могильниках Хазаринский, Калкансай, Лявандак (Обельченко О.В., 1975).

3. Важную роль в определении жреческого сословия играет также погребальный обряд, сходство которого во всех вышеперечисленных регионах обращает на себя внимание. В большинстве случаев это захоронения на древнем горизонте, иногда с дромосом, деревянные шатровые или прямоугольные конструкции, наличие очагов-кострищ в могилах, а также примерное сходство инвентаря. Представляется, что погребальный обряд «выполнял функцию символического моделирования социального положения умерших», т.к. в вариациях погребального обряда отражалась социальная структура общества (Мышкин В.Н., 1993).

Таким образом, все вышеперечисленные факторы в тесной связи между собой могут служить социомаркирующими признаками жреческой страты.

П.К. Дашковский
(Барнаул, Алтайский государственный университет)

К вопросу о служителях культа в пазырыкском обществе

Уже на протяжении нескольких десятилетий учёные в большей или меньшей степени занимаются реконструкцией социальной организации пазырыкского общества Горного Алтая. За время исследования этой проблемы неоднократно менялись, дополнялись и пересматривались точки зрения на социогенез номадов. В конце 1980-х — начале 1990 гг. в отечественной науке получает распространение новый подход к палеосоциальным реконструкциям, основ-

ные положения которого были выработаны представителями западной социологической мысли (см. обзор Радаев В.В., Шкаратан О.И., 1996, с.49-58). Под влиянием разработок в рамках этого направления кочевые общества стали рассматриваться как более сложные структуры, в которых функционировало несколько социальных систем: физико-генетическая, семейно-брачная, профессиональная, имущественная, ранговая, религиозная и мифологическая (Ольховский В.С., 1995, с.89-90). Такой подход к пазырыкскому социуму стал заметно проявляться со второй половины 90-х гг. XX в., что нашло отражение в выступлениях исследователей на различных конференциях и в соответствующих публикациях (Марсадолов Л.С., 1997; 2000 и др.; Миронов В.С., 1997; Кочеев В.А., 1997; Васютин А.С., 1999; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; Дашковский П.К., 2000; Ануфриев, 1997 и др.).

Среди наименее изученных аспектов этой темы оказался вопрос о месте и роли священнослужителей (жрецов, шаманов и т. п.) в социальной организации пазырыкцев.

Надо отметить, что, несмотря на отсутствие специальных работ по данной проблеме, тем не менее, ряд отечественных и зарубежных учёных в разной степени касались её рассмотрения. Ещё в 1952 Ф. Нансар (1952) высказал предположение о том, что отправление религиозных обрядов у пазырыкцев совершалось специальной категорией лиц – шаманами. В качестве подтверждения своей идеи он указывал на отдельные предметы погребального инвентаря мужчины из Второго Пазырыкского кургана. Среди таких вещей, по мнению исследователя, наиболее соответствовали шаманской практике: бубен, струнный музыкальный инструмент, набор для ритуального курения конопли и ряд других находок (Нансар Ф., 1952). Однако с критической оценкой точки зрения Ф. Нансара выступил С.И. Руденко (1953; 1960.). Во-первых, археолог высказался против отождествления погребённого мужчины из Второго Пазырыкского кургана с шаманом, а также был в целом не согласен с «шаманистической окраской» всей пазырыкской религии. Во-вторых, С.И. Руденко полагал, что в обществе кочевников Горного Алтая ещё не сложилось специального слоя священнослужителей – жрецов (Руденко С.И., 1953, с. 339). В тоже время, анализ логики рассуждений учёного позволяет предположить, что он признавал наличие достаточно развитой религиозно-мифологической системы у номадов, включающей в себя широкий спектр сложных обрядовых действий (Руденко С.И., 1952; 1953; 1960). Вероятнее всего, непосредственное признание существования жреческого слоя в социальной организации номадов Горного Алтая осложнялось, с одной стороны, ограниченностью в то время источниковой базы для таких выводов. С другой стороны, подобное утверждение противоречило бы исходным методологическим принципам марксистского материалистического понимания истории и идеологическим установкам, постулирующих ограниченный уровень социального развития кочевников и отсутствие у них каких-либо форм государственности. Именно эти признаки пазырыкского социума позволяли вписать его в традиционную для советской науки того времени формационную теорию.

В последующее время идею Ф. Нансара о существовании в пазырыкском обществе шаманов стали активно развивать С.С. Сорокин (1969; 1978) Ф.Б. Балонов (1987) Н.Ю. Кузьмин (1992), Г.Н. Курочкин (1988; 1991-1994) и ряд других исследователей. Учёные достаточно подробно изучили материалы раскопок из больших Пазырыкских курганов, что позволило отчасти расширить круг предметов, относимых к шаманским атрибутам.

Важно обратить внимание, в связи с рассмотрением данной темы, на ряд идей Г.Н. Курочкина (1988; 1991-1994). Во-первых, он сделал предположение о том, что в пазырыкском обществе существовала теократическая (или сакрализованная) модель управления (Курочкин Г.Н., 1991, с. 21; 1994 и др.). Во-вторых, по мнению учёного, Пазырыкский могильник можно рассматривать как «корпоративное кладбище жрецов, поскольку на Алтае был размещён сакральный центр скифского мира» (Курочкин, 1993; 1994). В данном случае, следует особо отметить, что Л.Н. Курочкин не делает принципиальной разницы между категориями «жрец» и «шаман», используя их как синонимы. Между тем, представители религио-

ведческой науки указывают не только на сходство этих категорий лиц, но и на их принципиальное различие (Басилов В.Н., 1993; с. 11; Токарев С.А., 1990, с. 42; Элиаде М., 1998, с. 17 и др.). Не останавливаясь на анализе указанных дефиниций отметим лишь то, что большинство отечественных религиоведов под понятием «жрец» понимают представителя «особой иерархической группы религиозной общины, профессионально» занятого «отправлением религиозных обрядов, сохранением и развитием религиозного знания» (Токарев С.А., 1990, с. 561-562; Учебный словарь..., 1998, с. 367). Под термином «шаман» подразумевается человек, который способен вступать в непосредственный контакт с духами и оказывать на них влияние (Басилов В.Н., 1993, с. 11-12; Токарев С.А., 1990, с. 266-291; Учебный словарь, 1998, с. 520-521; Торчинов, 2000 и др.). Некоторые представители религиоведческой науки отмечают также, что шаман способен выполнять функции мага, знахаря, мистика, поэта и жреца (Элиаде М., 1998, с. 17).

Думается следует согласиться с мнениями ряда исследователей (Г.Н. Курочкина, Н.Ю. Кузьмина, Н.А. Боковенко, Ф.Б. Балонова и др.) о наличии элементов шаманизма в религии пазырыкцев при условии широкого понимания этого термина, как ранней формы политеизма (Басилов, 1993). В тоже время, религиозно-мифологическая система скотоводов носила синкретический характер, включающий в себя и некоторые другие компоненты (Боковенко Н.А., 1996; Дашковский П.К., 1999-2001 и др.). В этой связи представляется правомерным для обозначения лиц, отправляющих религиозные обряды в социуме номадов, использовать более нейтральный по отношению к конкретным конфессиям термин «жречество». Данное утверждение не противоречит возможности выполнения жрецами шаманистических ритуалов. Кроме того, достаточно высокий уровень социального и политического развития номадов, признаваемый большинством современных исследователей, даёт дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения. Хотя надо признать, что категория «жречество» тоже не совсем адекватно отражает социальный статус «священных людей» кочевого общества скифской эпохи.

Надо отметить, что точки зрения о наличии в пазырыкском обществе именно жречества, а не шаманов придерживаются в настоящее время и некоторые другие исследователи (Могильников В.А., 1997, с. 90-91; Шульга П.И., 1999, с. 83-84; Зуев Ю.А., 1992, с. 132; Полосьмак Н.В., 1996, с. 142-145; Марсадолов Л.С., 2000 и др.). Учёные указывают как на отдельные традиционные предметы религиозного культа, так и на жреческие погребения, например, во Втором Пазырыкском кургане (Шульга П.И., 1999; Могильников В.А., 1997), Каракольском кургане (Могильников В.А., 1997, с. 90-91), в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак Н.В., 1994; 1996).

Таким образом, подводя итоги краткому рассмотрению обозначенной темы можно сделать следующие выводы. Прежде всего, нужно признать существование в пазырыкском обществе особой группы лиц, условно называемых жрецами (жрицами), которые занимались сохранением, передачей религиозно-мифологической информации, а также отправлением сложных ритуальных действий. О степени развитости мировоззренческих представлений и отражении их в обрядовых действиях можно судить, в частности, по таким установленным особенностям пазырыкской религии: определение сторон горизонта при совершении погребального обряда (ориентации умершего, лошади в погребении, и др.) по восходу солнца (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 80); дифференцированная культовая практика; разнообразные приёмы бальзамирования (Руденко С.И., 1960; Полосьмак Н.В., 1996 и др.); сложные погребально-поминальные комплексы (например, комплекс на р. Сентелек в Чарышском районе Алтайского края (Шульга П.И., 2000) и др. При этом, с одной стороны, вполне допустимо предположить сосредоточение (во всяком случае формальное) верховной жреческой власти у вождя («царя») номадов. Сочетание культово-символических и государственных функций в лице правителя было весьма распространено в различных государствах Древнего мира, а также в обществах догосударственного характера. С другой сто-

роны, учитывая достаточную мобильность кочевого общества проживающего по многочисленным долинам рек Горного Алтая, можно вполне допустить определённую степень участия значительного числа представителей социума при совершении обрядов. Это можно было наблюдать, например, при непосредственном возведении погребального памятника, сооружение которого рассматривалось древними кочевниками как особое религиозно-мифологическое действие (Дашковский П.К., 1997). Кроме того, имеющиеся на сегодняшний день материалы, свидетельствуют, что религиозная система пазырыкцев на протяжении нескольких столетий не претерпела существенных трансформаций как в идейном содержании, так и в обрядовой практике.

Следует также заметить, что в перспективе, по мере изучения обозначенной проблемы, число т. н. «жреческих погребений» будет, вероятно, увеличиваться. Если учитывать территориальные и хронологические рамки существования пазырыкского общества, а также необходимость достаточно частого совершения религиозных обрядов (прежде всего, погребального обряда), то вполне логично ожидать выявления таких погребений и среди массы, на первый взгляд, не очень выразительных некрополей. Речь идёт о семейно-родовых могильниках (курганские цепочки). В этой связи, особое внимание следует обратить как на планиграфию этих могильников, так и на частные особенности погребального обряда: состав инвентаря, погребальные конструкции, наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади, расположение рядом с некрополем специфичных ритуальных сооружений (святилища, поминальники) и др. Подобное предположение становится ещё более реальным, если учесть факт распространения родового жречества в ряде других кочевых обществ скифской эпохи Евразии (Хазанов А.М., 1970, с. 139-143; Банников А.Л., 2000, с.181 и др.).

Научные руководители – к.и.н. А.Л. Кунгуров, к.и.н. А.А. Тишкин.

И.М. Колесникова

(Омск, Омский государственный педагогический университет)

Керамика раннего железного века с Красноярского археологического комплекса

Красноярский археологический комплекс расположен на севере Омской области, на мысу правого коренного берега Иртыша в 4,5 км северо-восточнее р. Ишим. Комплекс включает городище, селище и могильник, начинающийся сразу за внешней линией обороны.

Первые исследования на городище проведены в 60-е гг. В.А. Могильниковым, который заложил небольшой раскоп и траншею через оборонительные сооружения. Исследователь отнес памятник к выделенной им ивановско-баитовской культурной общности (Могильников В.А. 1970. С.175-177). Однако позднее высказывались другие точки зрения о культурной принадлежности Красноярского городища, которое включалось в число раннекулайских (Могильников В.А., 1984, с.31; Чиндина Л.А., 1984, с.164), новочекинских (Полосьмак Н.В., 1987, с. 104,105), саргатских (Корякова Л.Н., 1988, с.20,21), богочановских (Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я., 1991, с.217) памятников. Такой разброс мнений, прежде всего, является результатом того, что материалы раскопок, проведенных В.А.Могильниковым, не были опубликованы.

С конца 80-х полевые исследования памятника были продолжены. В 1988 г. И.В. Морев проложил разведочную траншею через валы и рвы, а с 1991 г. на протяжении ряда сезонов раскопки здесь проводятся под руководством Е.М. Данченко.

Хотя культурный слой Красноярского археологического комплекса содержит материалы от эпохи неолита – ранней бронзы до позднего средневековья, в предлагаемом сообщении дается характеристика лишь находок раннего железного века, которые представлены керамикой, глиняными пряслицами и бронзовыми наконечниками стрел. Встречены они

как на площадке городища, так и за линией обороны, где на поверхности селища был сооружен могильник. Жилищ интересующего нас времени не выявлено. В ряде случаев керамика залегала скоплениями.

Нами была использована часть материалов, полученных в ходе сезонов 1991, 1995, 1996 и 1999 гг.; объем выборки составил 400 сосудов, которые были обработаны по сокращённой программе В.Ф. Генинга (Генинг В.Ф., 1973).

Посуда Красноярского комплекса, относящаяся к эпохе раннего железа, изготавливалась путём ленточного налёпа из глины с примесью песка и шамота. По внутренней стороне сосудов видно, что поверхность черепков заглаживалась пучком травы или щепкой. В большинстве случаев сосуды хорошо обожжены и имеют чёрный или коричневый цвет. Диаметр устья сосудов колеблется от 10 до 40 см.

По форме выделяется 5 типов сосудов, но, поскольку коллекция обработана частично, в дальнейшем, возможно, будут выделены иные варианты форм.

К I типу относятся закрытые сосуды без шейки, с наклонённым внутрь верхним краем.

II тип составляют сосуды со слабопрофилированной верхней частью.

III тип представлен горшками с вертикально поставленной шейкой различной высоты и хорошо выраженным туловом.

IV тип – сосуды горшечной формы с отогнутой наружу шейкой.

V тип – горшковидные сосуды с дуговидными шейками, поставленными вертикально.

Среди наиболее распространённых мотивов орнамента – жемчужник, иногда в сочетании с ямками, лунками или оттисками гребенки, ряды каплевидных вдавлений, вертикальных или наклонных отпечатков гребёчатого и гладкого штампа, которые могли также образовывать косую сетку, ёлочку или зигзаг. В единичных случаях встречены змейки, уточки, скобы или другие разновидности фигурных штампов, а также отпечатки шнура. Перечисленные орнаменты довольно пропорционально распределены на сосудах различных типов форм, а сам комплекс выглядит вполне однородным.

Культурно-хронологическая принадлежность публикуемых материалов определяется благодаря аналогиям на памятниках богочановской культуры, существовавшей в таежном Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. В ее развитии выделяется два этапа – журавлёвский (VI-IV вв. до н.э.) и богочановский (IV-II вв. до н.э., которым соответствуют одноименные типы посуды (Данченко Е.М., 1996, с.101). Особенностью керамики журавлевского типа является то, что, с одной стороны, она наследует традиции культур предшествующего времени – сузгунской и красноозёрской, с другой, в ходе своего дальнейшего развития постепенно трансформируется в богочановскую. При этом происходит изменение форм сосудов, удельного веса некоторых узоров, снижение степени орнаментированности.

По мнению Е.М. Данченко, керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса отражает незавершенность этого процесса, занимая промежуточное положение между посудой журавлёвского и богочановского типов. Это проявляется в большом разнообразии форм сосудов, среди которых очень небольшой процент составляют горшки с дуговидными шейками, в то время как доля закрытых сосудов I типа, наоборот, достаточно высока. В орнаментации прослеживаются явные черты сходства с журавлевской посудой (встречаются и типично журавлевские фрагменты), но узоры выглядят более простыми, а среди отдельных элементов бросается в глаза высокий удельный вес жемчужника, который мог быть оформлен в виде защипов или сочетался с ямками или лунками. Отмеченные особенности сближают рассматриваемую посуду с богочановской, которая в небольшом количестве также присутствует в культурном слое Красноярского археологического комплекса. При этом сосуды закрытой формы настолько однотипны, что определенно отнести их к журавлевскому или богочановскому этапу порой не представляется возможным.

В пользу этого свидетельствуют и коэффициенты сходства, полученные при сравнении результатов статистической обработки красноярской коллекции с наиболее представительными журавлевскими комплексами южнотаежного Прииртышья (Табл. I). По элементам орнамента парные коэффициенты составили: КрАК и Верхнее Аксеново-II – 65,5 %, КрАК и Ямсыса-VII – 65,2%, КрАК и Кип-III – 73,4 %, КрАК и Новоникольское-III – 73,2 %, КрАК и Борки – 70,7 %. Меньшую степень сходства обнаруживает сравнение красноярской посуды с комплексами богочановского типа: КрАК и Михайловское – 52 %, КрАК и Утьма – 46,9 %, КрАК и Затон – 48,8 %, КрАК и Копейкино – 53 %.

Таблица I. Парные коэффициенты сходства комплексов раннего железного века южнотаежного Прииртышья

	КрАК	ВА-II	Я-VII	Кп-III	Н-III	Борки	Мих.	Утьма	Затон	Коп.
КрАК	-	65,5	65,2	73,4	73,2	70,7	52,0	46,9	48,8	53,0
ВА-II	65,5	-	54,1	59,8	59,2	49,3	58,5	53,7	55,8	54,0
Я-VII	65,2	54,1	-	77,1	77,5	58,0	40,7	46,6	40,7	43,1
Кп-III	73,4	59,8	77,1	-	74,1	73,5	47,3	45,9	41,7	44,3
Н-III	73,2	59,2	77,5	74,1	-	63,3	48,2	51,7	47,4	54,6
Борки	70,7	49,3	58,0	73,5	63,3	-	43,3	35,9	35,3	36,4
Мих.	52,0	58,5	40,7	47,3	48,2	43,3	-	73,7	75,3	71,8
Утьма	46,9	53,7	46,6	45,9	51,7	35,9	73,7	-	80,1	70,6
Затон	48,8	55,8	40,7	41,7	47,4	35,3	75,3	80,1	-	64,8
Коп.	53,0	54,0	43,1	44,3	54,6	36,4	71,8	70,6	64,8	-

Не смотря на некоторые различия, которые могут иметь локальный или хронологический характер, приводимые статистические данные в целом свидетельствуют в пользу принадлежности сравниваемых материалов к журавлевскому этапу богочановской культуры. Что касается слоя эпохи раннего железа на Красноярском мысу, то, по-видимому, он может быть связан с тем периодом существования культуры, когда ещё не был завершён процесс трансформации керамики журавлёвского типа в собственно богочановскую посуду. Это позволяет ориентировочно отнести рассматриваемые материалы к середине I тыс. до н. э.

Находки других категорий инвентаря подкрепляют этот вывод. Найденные в культурном слое глиняные пряслица находят многочисленные аналогии на памятниках раннего железного века Зауралья и Западной Сибири, прежде всего, в материалах богочановской и саргатской культур. То же можно сказать и о бронзовых наконечниках стрел, которые достаточно хорошо увязываются с хронологическими рамками существования древностей журавлевского типа – VI-IV вв. до н. э., хотя и не позволяют сузить их датировку.

Находки саргатской керамики, а также фрагментов посуды, вызывающей зауральские ассоциации, указывают на контакты населения Красноярского гордича с соседями, чему должна была способствовать близость устья р. Ишим.

Следует отметить, что Красноярский археологический комплекс находится в аварийном состоянии из-за разрушений, связанных с прокладкой дороги и береговой эрозией. Это делает особенно важным его изучение и требует продолжения спасательных раскопок.

Научный руководитель – к.и.н. Е.М. Данченко.

Е.В. Иванова

(Красноярск, Красноярский государственный университет)

История изучения раннего железного века в подтайге Среднего Енисея

В своей работе мы хотели рассмотреть проблему взаимодействия северных, рыболовецко-охотничьих и южных, скотоводческо-земледельческих культур на территории подтайги Среднего Енисея. Эта работа началась с изучения литературы и источников по данной проблеме, но мы столкнулись с препятствием несоответствия истории открытий, накопления знаний по археологии и их освещения в литературе. Так как подтайга является пограничной зоной тайги и степи, интерес к этой территории проявлялся всегда, но систематические исследования начали проводиться лишь с 1975 года. До этого через указанный район по Енисею проезжали многие исследователи, например, И.Т. Савенков, Н.К. Ауэрбах, А.Н. Тугаринов, А.П. Окладников. Во время ВОВ в с. Казачинское жил и работал красноярский археолог В.Г. Карцов, но каких-либо сведений о его археологических изысканиях не сохранилось.

В 1920 году Г.К. Мергарт, как сотрудник музея Приенисейского края вместе с Г.П. Сосновским обследовал дюнные стоянки от с. Означенского до г. Енисейска и установил, что большинство из них имеют один или два культурных горизонта. Иногда культурные горизонты стоянок со слоями эпох бронзы и железа разделялись незначительными стерильными прослойками. Г. Мергарт констатировал, что часть бронзовых находок «имеют явно южное происхождение». Хотя он выделял ряд находок бронзовых вещей, украшенных геометрическим орнаментом (безушковые кельты, ножи) основной ареал распространения которых ограничивался севером, что свидетельствует о постоянных контактах жителей южных и северных территорий. Известно, что Мергарт склонялся к теории о южном происхождении культуры раннего железного века подтайги Среднего Енисея. Он считал, что заселение данной территории произошло в эпоху бронзы. Г.К. Мергарт, как и Г.П. Сосновский, считал, что в тайге не может быть самостоятельного бронзового, а тем более раннего железного века (Белокобыльский, 1989).

В 1975 году Н.И. Дроздовым и Г.И. Медведевым проводились разведочные работы по Енисею. Ими было выявлено два памятника, интересующего нас периода. Это стоянки Предивная и Заливская (Дроздов, Погудин, 1979). Стоянка Заливская повторно обследовалась В.П. Леонтьевым в 1980 г.

С конца 70-х по 1991 год с небольшими перерывами на территории района работает археологическая экспедиция КГПИ в составе Н.И. Дроздова, В.П. Леонтьева, В.И. Макулова, А.В. Ермолова и Е.В. Акимовой. Проведенные работы носят только рекогносцировочный характер. Были обследованы стоянки Юксеево, Предивная, Парники, Казаченское, Усть-Черная, а также курган Бузуново (последний по мнению П.В. Мандрыки не является археологическим памятником, а относится к естественному холму) (Мандрыка, 1998).

В 1985-87,89 годах в Большемуртинском районе проводит исследования археологическая экспедиция КГУ под руководством А.М. Буровского. Им разведочными раскопками изучались стоянки Юксеево 1,2, Юдинка, Кимбирка, Подъемная 1,2,3,4, Комарово, Б-Мурта, Бартат (Гильманшина, Буровский, 1989).

В 1982-1985, 1987-1989 гг. на территории района работает археологическая экспедиция Красноярского Краеведческого Музея под руководством Н.П. Макарова. Стационарными раскопками изучались стоянки Зимовейная, Усть-Шилка-1 и Шилка-3 (Макаров, А.О.).

С 1987 года на территории района работает археологическая экспедиция КГУ, под руководством Мандрыки П.В. Им изучались стоянки Бобровка, комплекс археологических памятников у реки Шилка и петроглифы Островки 3.

Стоянка Бобровка открыта в 1992 году. Изучалась в полевых сезонах 1993-98 годов. Культурные слои № 2 и 3 стоянки Бобровка содержат материалы гунно-сарматского времени. Два уровня 4-го слоя содержат материалы шилкинского и нижнепороженского этапов

раннего железного века. Пятый культурный слой содержит материалы перехода от эпохи бронзы к раннему железу (Мандрыка, Коваленко, 1995).

Производственная площадка Шилка-6. Памятник открыт П.В. Мандрыкой в 1998 году. При зачистке были обнаружены железные шлаки, а при дальнейших работах железоплавильный горн. Памятник датируется шилкинским этапом раннего железного века (Мандрыка, 1998).

Разведками П.В. Мандрыки в 1995 году были обнаружены петроглифы Островки 3. Рисунки, выбитые точеной ретушью, расположены на горизонтальных плоскостях. Центральной фигурой является изображение «шамана», держащего в правой руке бубен, а в левой-колотушку. Имеются также изображения различных животных: оленей, лосей, змей. На сегодняшний день эти наскальные рисунки самые северные на Енисее (Мандрыка, 1995).

Благодаря многолетним исследованиям территории подтаежной зоны появились новые интересные материалы, датируемые II в. до н.э.-I в. н.э., один из ярких комплексов этого времени представлен в Казаченском археологическом микрорайоне, в который входят Усть-Шилкинский могильник, городище с поселением Шилка-2 (Коваленко, Мандрыка, 1994) и производственная железоплавильная площадка Шилка-5. Все они расположены на правом берегу Енисея в створе Казаченского порога и находятся друг от друга и 300-500 м. Археологические материалы этих памятников отнесены П.В. Мандрыкой к шилкинскому этапу раннего железного века. При определении культурной принадлежности этих памятников, было отмечено, что они сопоставляются с грунтовыми могильниками тесинского этапа тагарской культуры, которая известна в южных районах Минусинской котловины (Мандрыка, 1998).

Первое тысячелетие н.э. отмечено появлением неоднородных культур обусловленных участием в их формировании различных по происхождению компонентов, как лесных, местных, так и пришлых, южных. В этом нашла свое отражение сложность исторической ситуации, вызванной появлением гуннов в начале великих переселений. В числе пришлых групп, сохранявших по началу скотоводческие традиции, могли быть и кетоязычные переселенцы. По материалам погребений 4-го и 5-го могильника Усть-Шилка отмечается наличие предметов конской упряжи (бляшки для перекрестия ремней, ворворки), но использовавшихся как украшения. О связях представленных погребений с кочевническими традициями указывает и наличие отдельных деталей гарнитуры боевых поясов («грифоньи» бляшки, шпеньковая рамчатая пряжка и др.) (Мандрыка, 1998).

Основные черты культуры шилкинского этапа раннего железного века подтаежной зоны Среднего Енисея равно находят преемственность в культуре енисейцев: рыболовецко-охотничье хозяйство, углубленные в землю жилища, традиция поселений на мысах малых таяжных рек (там же).

В результате работ археологической экспедиции КГУ в 1987-91 годах в подтаежной зоне Среднего Енисея исследовано более десяти однослойных и многослойных памятников. Среди них наибольший интерес вызывают поселение Шепилево и Нижнепороженский могильник, так как они представляют собой стратиграфические и стерильные и закрытые комплексы. Своеобразие развития енисейских племен скифского времени позволяет выделить еще один пласт памятников, распространенных в подтаежной зоне Среднего Енисея. Предполагается называть его шепилевским, поскольку именно с поселения Шепилево получены материалы, наиболее полно представляющие особенности материальной культуры этнической группы, обитавшей в указанном регионе. По данным раскопок шепилевский этап уходит корнями в бронзовый век таяжного Приангарья и лесостепного Енисея. (Мандрыка, 1992).

Суммируя результаты археологических исследований на территории подтайги среднего Енисея, необходимо сделать вывод о том, что источниковедческая база для изучения эпохи раннего железа в основном создана. В количественном отношении это выглядит следующим образом: с этим периодом связано открытие и частичное исследование более 27 археологических памятников за последние 25 лет. Огромную роль в изучении раннего же-

лезного века подтаежной зоны Среднего Енисея сыграли археологические экспедиции КГУ, под руководством П.В. Мандрыки. В результате чего была создана переодизация раннего железного века подтайги, выделены шепилевский, нижнепороженский и шилкинский этапы. Появилась также необходимость в выделении лесного этапа тагарской культуры. Раньше, ученые-археологи первой половины XX в., Г.К. Мергарт и Г.П. Сосновский говорили о южном происхождении культуры эпохи раннего железа на территории подтайги. Возможно они были правы и говорили о так называемом шилкинском этапе раннего железного века, который действительно имеет южное происхождение и соотноситься с тесинским этапом тагарской культуры.

Но в противовес мнению Г.П. Сосновского и Г.К. Мергарта существовало мнение Г.А. Максименкова, который считал, что развитие северных, рыболовецко-охотничьих, и южных, скотоводческо-земледельческих, культур в бронзовом веке, шло параллельно. Более того, Г.А. Максименков считал, что между севером и югом в эпоху бронзы существовал тесный контакт. Поэтому закономерно, что шепилевский этап раннего железного века подтаежной зоны Среднего Енисея своими корнями уходит в бронзовый век таежного Приангарья.

В целом, из-за того, что местное население проживало в пограничной зоне тайги и степи, оно испытывало различное культурное влияние, как своих южных, так и северных, соседей, что находит подтверждение в археологическом материале.

В перспективе поиск и изучение новых археологических памятников, а также изучение комплекса археологических памятников у реки Шилка.

Научный руководитель – к.и.н. П.В. Мандрыка.

Т.А. Вдовина

(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

Украшения из поделочного камня скифского и гунно-сарматского времени Горного Алтая

Сопроводительный инвентарь в погребениях скифского и гунно-сарматского периодов в Горном Алтае подразделяется на несколько групп, в соответствии с непосредственным функциональным назначением предмета. Одной из них является группа личных украшений и предметов туалета, к которой относятся, кроме всего прочего, и изделия, изготовленные из различных видов поделочных камней (бусы, браслеты, подвески, диадемы, вставки в серьги и т.п.). Термин «поделочный камень» взят нами из классификации ювелирных и поделочных камней Е.Я.Киевленко. Первая группа его классификации – ювелирные (драгоценные) камни: алмаз, рубин, топаз, изумруд и т.д., вторая группа – ювелирно-поделочные камни: гематит, янтарь, жадеит, амазонит, халцедон и т.д., и третья группа- поделочные камни: яшма, мрамор, обсидиан, гагат и т.д. (Шуман В.Ш., 1986, с.62). Под поделочными камнями в данной работе подразумеваются ювелирно-поделочные и поделочные камни в соответствии с данной классификацией.

Основным источником для данной работы послужили археологические материалы ряда погребальных комплексов скифского и гунно-сарматского времени Горного Алтая, в которых были обнаружены личные украшения из поделочных камней. Использованы неопубликованные материалы из раскопок на памятниках Бике I, Майма IV, Майма VII и Чеба V. Но автор не претендует на полноту учета всех материалов, пытаясь проследить лишь общую тенденцию.

Хронологические рамки работы охватывают период с V в. до н.э. по V в. н.э.

Долгое время исследованию личных украшений из камня не уделялось особого внимания. Многие исследователи, считая, что бусы и другие украшения из камня не являются эт-

нокультурным или хронологическим показателем, не рассматривают их подробно в своих работах. Зачастую не указывается порода камня, из которого изготовлено украшение.

В 1990 году С.М.Киреевым была сделана попытка обобщения накопленного им материала, в частности украшений из камня, найденных в погребениях скифского и гунно-сарматского времени. Кроме того, в своей работе С.М.Киреев рассмотрел возможные магические и лечебные свойства украшений из камня, используемого древним человеком в качестве талисмана или оберега (Киреев С.М., 1990, с.15).

В 1999 году вышла в свет работа Ю.Ф.Кирюшина и Н.Ф.Степановой, где была дана подробная характеристика бус из скифских погребений (их материал, форма и т.п.) и был представлен сравнительный анализ находок, что выявило некоторые закономерности в распространении определенных форм бус в различных районах Алтая. Авторы полагают, что этот факт свидетельствует о разных источниках снабжения украшениями населения Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф. Степанова Н.Ф., 1999, с.70).

А.А.Тишкин считает, что более подробное рассмотрение украшений (в том числе из камня), позволит реконструировать технологию изготовления, определить места и способы добычи сырья, выявить характерные закономерности для исследуемого региона и изучаемого периода времени (Тишкин А.А., 1999, с.185).

В ходе археологических работ на ряде могильников скифского и гунно-сарматского времени, было получено достаточное количество украшений из поделочных камней. Украшения встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Обычно в одном погребении немного украшений из камня: 1-2 бусины (редко больше), 1-2 серьги со вставкой из камня, подвеска, редко диадема или браслет.

Личные украшения изготовлены из различных пород поделочного камня. Наиболее распространен сердолик-разновидность халцедона. Чаще всего из него изготавливались бусы (более 90 % находок). Бусы из сердолика найдены в Пазырыке (к.2, 6), Втором Туэктинском, Каракольском, Усть-Эдиган (к.25), Кызыл-Джар-V (к.1), Кер-Кечу (к.4), Майма IV (к.5, 9, 10), Майма VII (к.2, 11, 13), Чеба V (к.12) и др. Форма бусин – цилиндрическая, полусферическая, продолговатая шестигранная, округлая. Амазонитовая бусина найдена в Майме VII на запястье погребенного (к. 23). Форма бусины – прямоугольная плоская с отверстиями на двух противоположных концах. Аналогичная бусина обнаружена в погребении на могильнике Бике I. С подобной техникой сверления камня найден амазонитовый браслет в детском погребении на могильнике Чеба V (к.9А). Браслет состоит из пяти прямоугольных, плоских звеньев.

Что касается других разновидностей поделочных камней, то изделия из них редки, а подчас и единичны: халцедоновые бусины – Алагаил (п.19), хрустальные – Кызыл-Джар IV (к.1), мраморные – Пазырык II, Второй Башадарский, нефритовые – Кара-Су I (к.1), Тыткескень VI (к.33), Ороктой Эке (к.23).

Следует особо отметить серию украшений из нескольких погребений могильников Бике I и Чеба V. Это крупные и мелкие цилиндрические бусы, диадема и браслет, изготовленные из белого или желтоватого кальцита пещерного происхождения.

При сравнении имеющегося материала, выявились некоторые отличия. В погребениях на Средней и Нижней Катуни украшения из камня встречаются значительно чаще, чем в горной части Алтая.

Украшения из камня, найденные в погребениях, по всей видимости, использовались не одним поколением – несмотря на прочность камня, встречаются украшения после ремонта, что, в свою очередь, указывает на их значимость для древнего человека. Представление о ценности многих камней неоднократно менялось с течением времени. Например, сердолик в IV в. до н.э. занимал пятое место в ряду самых дорогих камней и металлов (Путолова Л.С., 1991, с.5). В погребениях V в. до н.э.- I в н.э. в Горном Алтае сердолик – наиболее распространенный вид камня.

Во всех древних культурах весьма важна была оберегающая функция украшений из камня, они считались способными излечить от болезней, защитит от злых сил. Согласно древним медицинским трактатам, в рецептуру лекарств входили многие камни. Одни нужно было просто носить при себе, другие – накладывать на больное место, третьи – толочь и принимать внутрь (Шуман В.Ш., 1986, с. 6). Тибетский медицинский трактат XII в. «Чжуд-Ши» (Четыре тантры) гласит что сердолик – «связывает мозг, способствует росту мяса на ранах», мрамор – «вытягивает и поддерживает костный мозг, лечит жар печени», сталактит (кальцит пещерного происхождения) – «лечит жилы», бирюза – «отравления и жар печени» (Чжуд Ши., 1988, с.100).

На основании всего вышеизложенного можно сделать предположение, что украшения из камня древним населением Горного Алтая воспринимались не только с эстетической точки зрения, но и, возможно, с магической и лечебной стороны.

Научный руководитель – С.М. Киреев.

М.В. Шпакова

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Краниологические особенности мужского населения большереченской культуры по материалам могильного комплекса Быстровка

На сегодняшний день Быстровка является одним из крупнейших памятников железного века для Верхнего Приобья. Это могильник, состоящий из нескольких последовательно разновременных групп, расположен в Искитимском районе Новосибирской области на правом берегу Оби. В 70е – 90е годы Т.Н. Троицкая, И.А. Дураков, Т.В. Мжельская, А.П. Бородавский исследовали этот некрополь.

Датировки предметного комплекса в сочетании с данными радиоуглеродного демонстрируют несовпадение данных. По предметному комплексу могильник Быстровка-3 относится к концу I тыс. до н.э., а Быстровка-2 – скорее, к рубежу эр. Однако данные радиоуглеродного датирования существенно удревняют памятники. Вопросы абсолютной датировки пока не решены окончательно, но установлена относительная хронология существования курганов и последовательное существование Быстровки-3 и Быстровки-2 (Бородавский, 2001). В целом, весь Быстровский комплекс относится к большереченской культуре, район распространения которой охватывал значительную территорию Верхнего Приобья – по Оби от ее истоков до устья р. Томи, а также включал бассейны рек Томи и Ини.

Обследованный палеоантропологический материал большереченской культуры до последнего времени был крайне немногочисленным и включал в себя около тридцати черепов различной сохранности с большой территории от Алтая до Верхнего Приобья (Алексеев, 1954; Дремов, 1970, 1978). На этом фоне особенно очевидна значимость курганных комплексов Быстровка-3 и Быстровка-2, поскольку их краниологический материал включает в себя более 300 разновременных черепов.

Актуальность исследования такого материала определяется следующими факторами: 1. Палеоантропологический материал раннего железного века с территории юга Западной Сибири практически не представлен в литературе. 2. До сих пор не решен вопрос о генезисе населения большереченской культуры. 3. Новый антропологический материал позволит сделать существенный вклад в изучение расогенетической ситуации населения лесостепной полосы Западной Сибири.

Обширный антропологический материал позволяет проводить полный краниологический анализ большереченского населения, создавшего эти памятники. В настоящем сообщении будут проанализированы только данные по мужским черепам. Целью работы явля-

ется выделение основных параметров внутригрупповой изменчивости антропологических характеристик краниологической серии, опираясь на которые, могут быть сделаны выводы о морфологическом своеобразии населения групп Быстровки-3 и Быстровки-2.

Краниологическая серия была исследована по методикам, используемым в нашей стране (Алексеев, Дебец, 1964; Рогинский, Левин, 1978). При описании морфологических особенностей группы и интерпретации полученных результатов я опиралась на схему, предложенную в коллективной монографии (Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989).

Общая характеристика серий

Выборки мужских черепов обоих могильников, пригодные для краниологического анализа, являются достаточно репрезентативными, насчитывая 34 единицы в Быстровке-3 и 63 черепа – в более поздней Быстровке-2. В совокупности – 97 черепов.

Очень важной чертой населения и Быстровки-3, и Быстровки-2 является морфологическая неоднородность обеих групп. На всех этапах и во всех без исключения курганах фиксируется присутствие более двух морфологических типов, один из которых – толстокостный и чрезвычайно широкоголовый элемент, резко отличается от остальных. Значительное физическое отличие носителей такого антропологического типа сочетается со следами достаточно сильных преднамеренных повреждений черепов.

Из-за явных морфологических отличий при краниологическом анализе возникла необходимость выделить «толстокостных» и их «метисные формы», все еще сохраняющие ряд основных черт физического типа «толстокостных», в отдельную группу, которая нуждается в самостоятельном описании и сопоставлении с краниометрическими параметрами остальной части популяции. Из 34 мужских черепов Быстровки-3 было обособлено шесть «толстокостных» единиц, а для Быстровки-2 к соответствующей выборке были отнесены 17 черепов из 46.

Таким образом, население Быстровки-3 характеризует: меньший процент широкоголового элемента, гораздо меньший разброс значений по признакам и меньшая «мозаичность» черт. Для Быстровки-2 свойственна заметно меньшая контрастность признаков и, в целом ряде случаев, можно даже говорить о формировании определенного физического типа, присущего членам этой палеопопуляции. Характер изменений морфологических особенностей «толстокостного» типа палеопопуляций обоих могильников позволяет предположить, что в хронологически более позднем населении Быстровки-2 мы имеем дело с более метисованным населением.

Характеристика краниологического типа «толстокостных»

Мозговая коробка брахикранная. Очень большой поперечный диаметр черепа является особым маркером группы.

По величине и указателям высотного диаметра выборка Быстровки-3 гипсикранна (европеоидный признак) и тапейнокранна (что связано с огромным поперечным диаметром). Ортокранная и метриокранная формы черепной коробки в Быстровке-2 обычно свойственны метисным, монголоидно-европеоидным сериям.

Форма черепа «толстокостных» наследуется устойчиво. Для них характерны: плавные контуры в двух основных нормах: сфеноидные – в горизонтальной и эллипсоидные – в латеральной. В окципитальной норме, напротив, им свойственны четкие крышевидные очертания.

По соотношению лобной и теменной дуг «толстокостные» мужчины Быстровки-3 находятся на грани европеоидных и монголоидных значений, а в Быстровке-2 по этому признаку уже попадают в круг монголоидных величин. Параметры признака -разграничителя двух больших рас, затылочно-теменного указателя (ЗТИ), характерны как для европеоидных, так и для монголоидных групп. Со временем этот показатель еще более склоняется к европеоидности.

Широтные размеры лобной кости у мужчин Быстровки-3 – средне-большие, а у группы из Быстровки-2 – большие и очень большие. Уплощенность лобной кости, как правило, средняя. Наклон лба меняется от средненаклонного к прямому.

Условная доля монголоидности на черепках в более ранней серии составляет 51,98, а позднее – 39,52.

Для лицевого отдела признаком-маркером является очень большой скуловой диаметр (монголоидная или архаичная черта). Широтные размеры лица первоначально очень большие, а затем – большие. Верхняя высота лица остается средней, а полная меняется от большой к малой. Сочетания показателей профилировки лица (гетеропрозопность, а затем мезо-прозопность), как и величины обоих фацио-церебральных указателей, свойственны смешанным сериям. Клыковая ямка средне-малая. Лицевой профиль обычно ортогнатен, что является характерным для сибирских групп.

На более ранней стадии «толстокостные» мужчины лепторинны (как европеоиды или арктические монголоидные группы), затем становятся мезоринными. Высота переносья средне-большая. Глазницы широкие и низкие – европеоидного типа. Нижние челюсти крупные, особенно по длинотным размерам, толщине и высоте тела.

Характеристика краниологического типа основной мужской группы

Эта группа является морфологически неоднородной. Однако ее составляющие пока выделить трудно, поэтому ее краниологические характеристики будут рассмотрены в совокупности. Выборка мезокранна. Черепные диаметры средние. Величина и указатели высотного диаметра у более раннего населения характерны для европеоидных групп, у более позднего – для смешанных. Сфеноидные очертания черепа начинают замещаться пентагоноидными, эллипсоидные – высокими, а крышевидные – сводчатыми. По сочетанию дуг эти выборки относятся к монголоидным сериям (близки к арктической ветви), хотя в Быстровке-2 по ЗТИ могут быть отнесены и к европеоидам. Ширина, уплощенность и наклон лба средние. Условная доля монголоидности в Быстровке-3 составляет 8,28, а в Быстровке-2 – 13,6.

Широтные размеры лица имеют на обоих этапах контрастный характер. Высота лицевого отдела – средняя. Оба фацио-церебральных указателя характерны для смешанных групп. Мезопрозопный характер сочетания показателей профилировки лица также свойственен смешанным сериям. Глубина клыковой ямки средне-малая. Лицевой профиль ортогнатен.

Нос мезоринный, величина его выступления средняя, но со временем уменьшается. Высота переносья средне-большая. Орбиты широкие и низкие. Нижние челюсти крупные, со значительными длиннотными размерами, но по абсолютным размерам заметно меньше, чем у «толстокостного» населения.

Результаты применения критериев Фишера и Стьюдента

Морфологическая неоднородность выделенных групп большереченского населения Быстровки подтверждается также данными биометрических критериев – Фишера (внутригрупповой анализ) и Стьюдента (межгрупповой анализ).

В результате применения статистического анализа при интерпретации краниологических особенностей исследуемой серии на данном этапе работы наиболее существенными представляются следующие выводы:

- 1 «Толстокостная» и основная мужские группы существенно отличаются по целому ряду признаков, что подтверждает справедливость выделения «толстокостного» элемента.
- 2 Широкоголовые Быстровки-3 статистически однородны, а в более поздней группе очевиден процесс метисации.
- 3 Основная группа также характеризуется морфологической неоднородностью, которая со временем усиливается. Возможно, это связано с сосуществованием нескольких морфотипов.

Научный руководитель – к.б.н. Т.А. Чикишева.

А.В. Крестьянникова
(Тюмень, Тюменский государственный университет)

Палеодемография саргатской культуры Прииртышья

Основным источником (подчас единственным) познания демографических аспектов древней культуры являются погребальные комплексы. Для анализа материалов могильников необходимо выполнять ряд условий: широкомасштабные раскопки, целостное изучение всех объектов памятника, определение антропологического материала по полу, возрасту, расовой принадлежности. Однако, такие условия стали выполняться сравнительно недавно. На территории Западной Сибири одной из наиболее изученных является саргатская культура, памятники которой насчитывают около 150 раскопанных поселений и могильников.

В данной работе использован антропологический материал (пригодный для палеодемографического анализа) шести саргатских могильников Прииртышья, которые были раскопаны и изучены в 1981-1991 годах В.А. Могильниковым, В.И. Матющенко, Л.И. Погодиным. Половозрастные определения произведены В.А. Дремовым и А.Н. Багашевым.

Наиболее крупный и полно изученный – могильник Исаковка 1, датированный II – IV вв. н.э. Он насчитывает около 82 погребений с труположением, из которых 39 – мужские, 31 – женское и 12 – детские.

К ранней группе III – II вв. до н.э. относятся могильники Стрижево 2 (42 погребения) и Карташово 2 (20 погребений). В Стрижево 2 женских погребений 38,10%, детских – 16,67%. В Карташово 2 женщин меньше в 2,2 раза, чем мужчин.

Таблица 1

	Памятник	Кол-во погребений	Датировка
1	Сидоровка 1	20	III-V вв. н.э.
2	Исаковка 1	82	III-V вв. н.э.
3	Исаковка 3	18	II-I вв. до н.э.
4	Стрижево 1	15	III-V вв. н.э.
5	Стрижево 2	42	III-II вв. до н.э.
6	Карташово 2	20	III-II вв. до н.э.

III – I вв. до н.э. датирован могильник Исаковка 3, который отличается высоким показателем маскулинизации – 3,3333, т.е. мужские погребения составляют более 55%, тогда как женские – лишь 16,67%.

Могильники Сидоровка 1 и Стрижево 1 датированы III – V вв. н.э. и насчитывают соответственно 20 и 15 погребений. В Сидоровке 1 преобладают погребения мужчин (индекс маскулинизации равен 2,0000) – 60%, детские и юношеские – 15%. В Стрижево 1 соотношение полов равно единице, процент детской смертности – 33,3.

Взяв табличные градации возрастов по В.П. Алексееву (1972) и методики Г.Чесниса и В.Урбанавичуса (1977), а также математические формулы Д.И. Валентя и А.И. Кваши (1997), можно выявить такие показатели, как средний возраст смерти полов в отдельности и с учетом детей, процента доживающих до данного возраста, число живущих в определенном интервале.

Возрастная структура популяций из могильников Прииртышья варьирует в широких пределах (см. табл. 2).

В первую очередь обращает внимание низкий процент детей в исследуемых могильниках, по-видимому, эта «недостача» проявляется из-за плохой сохранности хрупких детских скелетов; наиболее правдоподобная ситуация с численностью детей в погребениях наблю-

дается в могильнике Стрижево 1 – 33,33%. Однако и этот показатель следует считать заниженным. Данные о детских погребениях не могут быть признаны достоверными – детей могли хоронить за пределами могильника либо на небольшой глубине, где условия консервации не позволяют скелету долго сохраняться. Доля погребенных старческого возраста весьма мала.

Таблица 2

Могильник	Число скелетов	Возрастное распределение по годам, %					
		0-7	8-13	14-19	20-35	36-55	56-...
Исаковка 1	82	10,98	2,44	2,44	51,22	26,83	6,1
Стрижево 2	42	16,67	2,38		30,95	38,1	11,9
Карташово 2	20	15	5	5	50	15	10
Сидоровка 1	20	5	5	5	45	35	5
Исаковка 3	18	22,22		5,56	38,89	27,78	5,56
Стрижево 1	15	33,33			20	40	6,67

Средний возраст смерти мужчин ненамного превышает средний возраст смерти женщин, примерно на 1,93 года, причем самый низкий уровень данного показателя отмечен в могильнике Сидоровка 1, где он равен соответственно 28,54 и 29,42 годам для мужчин и женщин. Данную ситуацию можно объяснить обострением военных конфликтов в саргатском социуме, что уже было отмечено ранее для культуры в целом (Матвеева, 2000).

Погребальные комплексы, анализируемые в данной работе, относятся к разным периодам истории саргатской культуры: к концу раннего (V – первая половина II в. до н. э.); среднему (вторая половина II в. до н. э. – II в. н. э.); позднему (III – V вв. н. э.). Таким образом, по нашим подсчетам, средний возраст смерти взрослых (от 20 лет), рассчитанный на основе материалов шести могильников, по хронологическим периодам постепенно снижается: 29,5; 27,8; 26,4 лет соответственно.

Таблица 3

Могильник	Распределение взрослых по полу				Индекс маскулинизации
	Муж.		Жен.		
	N	%	N	%	
Исаковка 1	39	47,56	31	37,8	1,2581
Стрижево 2	18	42,86	16	38,1	1,1250
Карташово 2	11	55	5	25	2,2000
Сидоровка 1	12	60	6	30	2,0000
Исаковка 3	10	55,55	3	16,67	3,3333
Стрижево 1	5	33,33	5	33,33	1,0000

В заключении необходимо указать основные выводы, сделанные в ходе палеодемографического анализа. Средний возраст смерти по всему антропологическому материалу шести могильников Прииртышья составляет примерно 27,9 лет. Такая низкая цифра указывает на пик смертности в 26-35-летнем возрасте (вероятно, мужчины этого возраста гибли в войнах, женский организм к этому возрасту истощался от неоднократных родов), что уже замечено Н.П. Матвеевой, доля погребенных старческого возраста весьма мала.

Для саргатской культуры характерно значительное преобладание численности мужчин в некрополях. Среднее соотношение мужских и женских погребений в исследуемых могильниках равно 1,8194. Есть варианты объяснения такой ситуации: во-первых, возможно искажение демографической структуры (природные факторы), во-вторых, выборный характер захоронений (что маловероятно, так как отсутствуют материальные доказательства), в-третьих, погребения разных половозрастных групп могут быть сосредоточены на разных участках некрополя. Например, курган 2 могильника Стрижево 2 содержит погребения только детей и женщин, причем в этом кургане захоронены все дети погребального комплекса Стрижево 2. Только дети и мужчины погребены в кургане 2 могильника Исаковка 3. Таким образом, неполнота исследования могильников может стать основой получения ложных цифр показателей.

Научный руководитель – д.и.н. Н.П. Матвеева.

В.Б. Кардаева

(Омск, Омский государственный университет)

Китайский импорт в памятниках саргатской культуры

В последнее время проблема взаимодействия населения Западной Сибири, в частности саргатской культуры, с древнейшими государствами Востока привлекает особое внимание исследователей. (Данченко Е.М., Довгалюк Н.П., Матвеева Н.П., Могильников В.А., Матющенко В.И., Погодин Л.И., Лубо-Лесниченко Е.И.). Решить эту проблему представляется возможным лишь, выявив и проанализировав вещественные источники, найдя аналогии за пределами изучаемого региона.

Вопросы обмена и торговли саргатских племен лесного Прииртышья с древнейшими цивилизациями заслуживают специального рассмотрения. Поэтому в данной работе поставлена задача дать общую краткую характеристику торговым отношениям саргатской культуры с Китаем.

Проникновение китайского импорта в Западную Сибирь, скорее всего, происходило через Среднюю Азию, где его появление в свою очередь было связано с функционированием Великого шелкового пути (Могильников В.А., 1998, с. 7; Могильников В.А., 1972, с. 83; Матющенко В.И., 1995, с. 63; Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997, с. 104).

Предметы китайского производства были обнаружены в памятниках изучаемой нами культуры и датируются, начиная с конца III в.-начала II в. до н.э. Памятники саргатской культурно-исторической общности представлены городищами, поселениями, курганными могильниками, но в данном контексте нас интересуют только последние.

Из всего многообразия могильников необходимо выделить захоронения знати, так называемые «царские курганы», так как именно в них наблюдается большое скопление вещей «иноземного», в том числе китайского производства. К их числу следует отнести такие могильники, как Абатский I, III (Матвеева Н.П., 1993); Исаковский I, III (Могильников В.А., 1976, Погодин Л.И., Труфанов А.Я., 1991, Погодин Л.И., 1989, Погодин Л.И., 1990); Сидоровский I (Матющенко В.И., 1986), Бещаул III, IV (Погодин Л.И., 1986). Марково I. К сожа-

лению, все эти курганы были разграблены. Инвентарь, сохранившийся после ограбления, представлен, как правило, фрагментарно.

Многие вещи, обнаруженные в захоронениях саргатской культуры, попали в Западную Сибирь различными путями: частью в порядке обмена, торговли; частью как военные трофеи; а так же, возможно, как приданное невесты в случае получения племенной знатью жены издалека, что тогда широко практиковалось; в качестве даров (Грязнов М.П., 1959, с. 139, Бичурин Н.Я., 1950, с. 54-89).

В последнее время стало возможным выделить несколько наиболее типичных для Китая статей экспорта, которые были обнаружены в Прииртышье и в Приишимье: шелковые ткани, в частности, золотное шитье; предметы, покрытые лаком (это предметы одежды, оружие, сосуды, украшения); фиолетовый бисер; бронзовая посуда. Проведенный анализ аналогий этим вещам показывает, что среди импорта преобладают изделия ханьского круга: их доля в саргатской культуре была определена Н.П. Матвеевой в 15% (Матвеева Н.П., 1998, с.13). Однако, с привлечением материала из фондов МАЭ ОмГУ и детального анализа Приишимских комплексов его доля увеличилась почти в три раза.

Теперь рассмотрим подробнее каждый вид китайского импорта.

Золотное шитье. На территории Западной Сибири шелковые ткани появились в большом количестве с началом функционирования Великого шелкового пути. Принадлежность шелка к китайскому центру производства можно определить по нити. Образцы ткани из саргатских закрытых комплексов свидетельствуют о том, что шелковая нить состоит из пяти-восьми коконных нитей, соединенных вместе, без кручения, в то время как средне- и переднеазиатские шелка выполнены из плотно спряденной нити (Погодин Л.И., 1996, с. 130).

Золотное шитье – это вышивка на шелковых тканях золотыми, реже серебряными нитями, спряденными на шелковую или льняную основу (Погодин Л.И., 1996, с. 124). В памятниках саргатской культуры остатки золотного шитья встречены в могильниках: Исаковский I, Сидоровский I, Абатский III, Нижнеингальский I. Но нередко в отчетах МАЭ ОмГУ можно встретить указания о том, что золотное шитье часто ошибочно принимают за парчу (Матющенко В.И., 1986, с. 11). Парча – золототканая материя, выработанная шелковой основой и металлическим утком. Ранние находки парчи датируются VII в. н.э. (Погодин Л.И., 1996, с. 124). В раннем железном веке, соответственно, парча не известна.

Интересующие нас золотошвейные изделия встречаются только в захоронениях знати и датируются I-IV вв. н.э. Но, к сожалению, большая часть царских курганов была разграблена, и поэтому в памятниках часто встречаются лишь разрозненные золотые нити.

Как правило, золотное шитье употреблялось для изготовления и украшения одежды: курток, плащей, штанов, платьев, обуви. Одежда, полностью сшитая из расшитого золотом шелка, обнаружена в одном комплексе – Исаковский I могильник, курган 3, могила 6. Остатки золотного шитья располагались как под костяком, так и поверх него, повторяя контур скелета. Это создает впечатление сплошного покрытия погребенного золотой фольгой. В дополнение к уже сказанному на скелете обнаружены остатки куртки, штанов и обуви из шелка, расшитого золотом (Погодин Л.И., 1996, с. 126-128).

Лаковые изделия. Еще совсем недавно остатки лака многими исследователями принимались за окрашенную кожу, что нашло отражение в ряде отчетов МАЭ ОмГУ (Матющенко В.И., 1986, с. 11; он же, 1985, с. 25-26, 36-43; Погодин Л.И., 1988, с. 82, 122; он же, 1989, с. 20-23).

Безусловно, в пользу китайского происхождения лаковых изделий свидетельствует тот факт, что лаковое дерево, соком которого покрывались предметы, произрастает в Китае (в то время еще не научились производить искусственный лак). Лак не является широко распространенным предметом экспорта, так как был нетранспортабелен из-за быстрого засты-

вания, а значит употреблялся в производстве на месте своего добывания. (Погодин Л.И., 1998, с. 26-39).

В памятниках саргатской культуры эта статья импорта была найдена в Исаковском I, III, Сидоровском I, Бещаул III, IV, Абатском I, III и других могильниках. Зачастую на предметах сохранились лишь небольшие чешуйки красного и черного лака.

Распространенными лаковыми изделиями являются оружие, сосуды, элементы одежды, украшения.

Оружие – массовая категория, на экземплярах которой сохранилось лаковое покрытие. Сюда относятся: мечи (5 экз.), кинжалы (14 экз.), древки стрел (29 экз.) (Погодин Л.И., 1998, с. 34).

Сосуды представлены 11 экз. и делятся на два типа: сосуды, изготовленные на тканевой (9 экз.) и деревянной (2 экз.) основе.

Предметы одежды – пояса и портупейные ремни, со следами лака (12 экз.) (Погодин Л.И., 1998, с. 34-36).

Украшения: бронзовая серьга с инкрустацией из красного лака.

Бусы. Особое место среди находок бус занимает фиолетовый бисер ханьского происхождения. На территории саргатской культуры они были найдены в следующих могильниках: Исаковский I, III; Бещаул II, III; Коконовка II, Стрижево II (Довгалюк Н.П., 1997, с. 42-45). Результаты химического анализа фиолетового бисера показали, что он сделан из *калиевого* стекла (Довгалюк Н.П., 1997, с. 54-80). Одним из аргументов, говорящих о принадлежности бисера к китайскому центру стеклоделия являются красители, использованные для окрашивания стекла. В большинстве калиевых стекол, окрашенных *кобальтом*, присутствует марганец. Другим аргументом в пользу китайского происхождения бисера является высокое содержание свинца в составе стекла. (Довгалюк Н.П., 1997, с. 46-47). К третьему аргументу можно отнести широкое распространение аналогичного по химическому составу бисера в южных провинциях Китая.

Изделия из бронзы в памятниках саргатской культуры представлены незначительно, и на данный момент слабо изучены. Встречаются в Абатской III, Богдановском III, Исаковском I, Сидоровском I могильниках и насчитывают 13 экземпляров. Наиболее ярким представителем этой категории китайского импорта являются два чайника и кувшин.

1. *Чайник на поддоне из кургана 3 Исаковского I могильника:* носик выполнен в антропоморфном стиле, на крышке сосуда изображен олень. По бокам расположены две кольцевидные ручки, с задней стороны чайника имеется ручка в виде фигуры дракона.

2. *Второй чайник с поддоном* обнаружен в том же могильнике (курган 4). Носик его выполнен в виде головы и шеи верблюда.

3. *Бронзовый кувшин типа «ху»*, ручки которого выполнены в виде колец на зооморфных петлях (Погодин Л.И., рукопись; 1990).

Необходимо заметить, что все категории китайского импорта встречаются в закрытых комплексах. Но интересен и тот факт, что наряду с ханьскими изделиями в этих же памятниках был встречен и передне- и среднеазиатский импорт. Как правило он проникал одновременно на территорию саргатской культуры. Скорее всего, смешивание товаров происходило во время прохождения каравана по трассам Великого шелкового пути.

В пользу китайского происхождения кувшина типа «ху» говорят аналоги зафиксированные на территории Китая, и датируемые 2 в. до н.э. – 4 в. н. э. Относительно же двух чайников из Исаковского I могильника, необходимо заметить, что после рассмотрения технологического процесса производства, стало видно: они были изготовлены в одной мастерской, что и кувшин типа «ху», о чем свидетельствует спаянные вместе круговые ленты на поддоне. Зооморфная фигура дракона на ручке чайника, определяется как китайская форма изображения, которая не была распространена на территории Средней Азии.

Постоянный приток импортных изделий, поступавший на территорию Западной Сибири, был связан с системой Великого шелкового пути. Его функционирование сопровождалось возникновением второстепенных по сравнению с основной магистралью ответвлений. Уже на рубеже эр вдоль р. Иртыш шла проторенная караванная дорога из Средней Азии в Прииртышье. С началом действия системы шелкового пути в этот регион в большом количестве хлынули импортные товары, являющиеся преимущественно ювелирными изделиями, украшениями одежды, предметами туалета и оружием.

Научный руководитель – Л.И. Погодин.

*А.М. Мамкин, А.В. Кошевой, С.Б. Верецагин
(Чита, Центр по сохранению историко-культурного наследия,
Забайкальский государственный педагогический университет)*

Проблемы датирования и сакральное значение курганов -керексурсов Забайкалья

Керексурсы Забайкалья — массивные каменные сооружения, представленные курганной насыпью в центре, обнесённой округлой или подквадратной каменной оградой. Между панцирем и оградой иногда фиксируются ряды каменных цепочек, в виде радиально расходящихся «лучей» или в виде «дорожек», часто сопровождаются погребениями небольшими каменными кольцами, выкладками. Объекты располагаются одиночно или в группе.

Разными исследователями датировка керексурсов определяется в диапазоне от эпохи бронзы до средневековья (конец II тыс. до н.э. — II половина I тысячелетия н.э.). До недавнего времени, рядом исследователей, ареал распространения ограничивался в пределах: Восточный Казахстан, Алтай, Тува, Монголия, Бурятия (Данилов С.В., Коновалов П.Б., 1988, с.61; Цыбиктаров А.Д., 1995, с.37). Известные керексурсы в Читинской области располагаются в долине р.Чикой в Красночикойском районе. Кроме того имеются данные о подобных объектах в бассейне р.Онон (Ковычев Е.В., 1982, с.150), что дает возможность значительно расширить границы исследования керексурсов на восток.

В июне – июле 1999 года отрядом ЦСИКН произведены раскопки одного из курганов комплекса Бильчир (Мамкин А.М., 2000). Комплекс расположен около 3 км южнее — юго-западнее с.Урлук (Красночикойский район Читинской области), на склонах горы Бильчир, в междуречье р.Ширкатуй и р.Урлук (правый приток р.Чикой). Объект представлен, двумя могильниками КПМ в седловинах горы и пятью группами керексурсов, охватывающими гору С-образным полукольцом с севера, запада и юга.

В ходе раскопок выявлена конструкция, представленная округлой каменной насыпью, обнесённой кольцом – оградой. Размеры конструкции с оградой составляют 17 м, диаметр центральной насыпи 12-13 м, высота кладки не превышает 0,7 м. Панцирь сильно задернован, составлен из плотно подогнанных друг к другу глыб и валунника. «Грабительских» западин, следов погребения не обнаружено.

Сопроводительный инвентарь керексура представлен: изделиями из железа (предметы современности, гвоздь с грибовидной шляпкой, предположительно датирующийся эпохой средневековья); каменным пестом, тремя отщепами; тремя фрагментами керамических пряслиц; резанной берестой; костями животных (таранные кости овцы, лошади; кости свода черепа, верхняя челюсть крупного травоядного животного (корова?); зольно-угольными конкрециями, многочисленными фрагментами керамических сосудов.

Керамический комплекс кургана представлен фрагментами современной фарфоровой посуды, поливной керамикой XVIII-XIX веков, толстостенной лепной керамикой XVII-XIX веков, средневековой керамикой орнаментированной рядами парных насечек, фрагментом керамики КПМ орнаментированным по венчику наклонным гребенчатым

штампом, штрихованными линиями и жемчужинами вдоль нижнего края венчика. Все находки располагались в слое дерна в кровле панциря кургана. Исключение составляют апплицируемые фрагменты сосуда гуннского времени. Сосуд тонкостенный, серого цвета, лепной со следами лощения, обжиг неровный, с изогнутым наружу венчиком, вдоль шейки орнаментирован двумя параллельными и одной волнистой прочерченными линиями. Фрагменты сосуда обнаружены во время разборки центральной части панциря, в основании насыпи кургана, в светло-серой пылеватой супеси.

Зафиксированная ситуация расположения сосуда позволяет предварительно датировать керексур гунно — сарматским временем (к. I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.).

В 2000 г. ЦСИКН совместно с подразделениями ЧАО ЗабГПУ осуществил раскопки кургана — керексура у с.Альбитуй Красночикойского района. Курган располагается 1,5 км южнее села на правом берегу реки Чикой в урочище Степь, на поверхности высокой — средней поймы.

Объект представлен округлой центральной насыпью с подквадратной оградой, ориентированной боковыми линиями по сторонам света. Диаметр кургана 8-9 м, размеры ограды составляют 21X22 м, высота не превышает 1 м.

Сооружение сложено из крупных и средних каменных глыб, сильно задерновано. Массивные глыбы насыпи кургана плотно подогнаны друг к другу и расклинены камнями мелких и средних размеров, образуя своеобразный панцирь.

В результате раскопок в центральной насыпи следов погребения не зафиксировано. В дернине на поверхности панциря кургана обнаружены несколько фрагментов керамических сосудов, угли, зола.

В центральной части панциря под небольшими плитами раскрыт клад (жертвоприношение?) представленный бронзовыми литыми изделиями: 7 пронизок с фрагментами кожи, колокольчик, пряжка орнаментированная S-образным рисунком (голова барана?), в петле на тыльной стороне сохранился фрагмент кожаного ремня. Керамический материал и бронзовые находки кургана можно датировать в хронодиапазоне I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.

В пространстве между центральной насыпью и оградой зафиксированы 2 каменные вкладки (жертвенники?) и 5 погребений КПМ. 6 м юго-восточнее ограды керексура выявлена еще одна плиточная могила. Кладки могил и выкладок подпрямоугольной формы, выполнены из глыб и плит поставленных на ребро, длинной осью ориентированы по линии Восток — Запад. Относительные размеры 2х3 — 2,5х3,5 м., высота над уровнем дневной поверхности не превышает 0,2 м. Отдельные крайние плиты и камни погребений и выкладок внутри ограды перекрывали или были встроены в кладку панциря кургана. Могильные ямы, эллипсовидной формы, прямые, длинной осью ориентированы по линии Восток — Запад, глубина от 0,6 до 1,1 м.

Могильные ямы 3 погребений между оградой и панцирем практически полностью опустошены грабителями. В 3 погребениях зафиксированы костяки в относительно не поврежденном анатомическом порядке. Труположение — вытянутое, на спине головой на Восток. Под костями черепа у всех трех костяков располагалась небольшая гнейсовая плитка — «подушка».

В погребении за пределами ограды находок не зафиксировано. В жертвенниках и погребениях примыкающих к центральной насыпи обнаружены кости животных (баран, лошадь), многочисленные фрагменты керамики. Керамический комплекс представлен фрагментами 3 типов сосудов:

- толстостенные с прямым венчиком, орнаментированные с внешней стороны сквозными отверстиями и налепными валиками, штрихованными линиями, вафельным орнаментом;

- толстостенные, с прямым венчиком, со следами лощения, нагара, без орнамента;

– толстостенные, с Г-образным венчиком, орнаментированные у днища вертикальными линиями.

В целом керамический материал из кладок соотносится с плиточной (1 тип) и гуннской (2,3 тип) керамикой и предварительно датируется I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.

Единственный сопроводительный инвентарь обнаруженный во время раскопок погребений, зафиксирован в могильной яме погребения, расположенного восточнее панциря кургана. Находки представлены:

- цилиндрической амазонитовой бусиной – подвеской у затылочной кости черепа;
- 2 бронзовыми спиралевидными проволочными височными кольцами у височных костей черепа;
- 2 бронзовыми полусферными пуговицами у костей тазовых, с петлевидным ушком орнаментированными по краю ритмичными насечкам.

Обнаруженный инвентарь имеет многочисленные аналоги с находками из плиточных могил Забайкалья и может датироваться временем КПМ.

Зафиксированная ситуация расположения сосудов гунского облика (основание панциря кургана) позволяет предварительно датировать керексуры гунно — сарматским временем (к. I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.). Не исключая преобладающей датировки курганов-керексуров временем культуры плиточных могил, определение данного объекта более поздним гунно-сарматским временем позволяет говорить о сохранении традиции сооружения подобных объектов в более позднюю гунно-сарматскую эпоху.

Вопрос функционального определения сооружения на настоящий момент остается открытым. Погребения отсутствуют более чем в 50% курганов. В случае обнаружения костяков в курганах более чем 50% случаев без сопроводительного материала (использована статистические данные из работ А.Д.Цыбиктарова (Цыбикторов А.Д., 1995, с.37-46; Цыбиктаров А.Д., 1998, с. 136-144)). Безинвентарность костяков в керексурах выпадает из контекста курганных погребений Скифо-сарматского времени. Труположение костяков в насыпях керексуров сходна с обрядностью КПМ за исключением ориентировки головой на Запад, т.е. прямо противоположную КПМ. На основании выше изложенного вероятнее всего трактовать присутствие костяков в керексурах как следы человеческого жертвоприношения. В качестве гипотезы можно говорить о сакральном назначении сооружения.

Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов.

М.С. Нескромный

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Ритуальные погребения таштыкской культуры

В настоящее время можно констатировать, что археологического материала, связанного с таштыкской культурой накоплено, пожалуй, больше, чем по любой другой культуре гунно-сарматского времени, известной на территории Южной Сибири. Несмотря на это, исследователи сравнительно мало обращали внимание на проблемы реконструкция идеологической системы, существовавшей у таштыкского населения. Это не может не вызывать удивления, поскольку именно в погребально-поминальном комплексе и инвентаре таштыкцев идеологические и религиозные представления получили наиболее полное и яркое воплощение.

Религиозно – мифологическая система любого этноса это, прежде всего система, в рамках которой определяется существование социального бытия и все социальные функции. Наиболее полно и доступно для понимания она отражена в словесных текстах, однако ее

культурно-историческая реконструкция не может опираться исключительно лишь на один тип источников. Использование данных археологии весьма привлекательно, но в тоже время чрезвычайно затруднено и требует применения определенной исследовательской методики, к разработке которой исследователи лишь приступают. Как отметил Д.С. Раевский, интерпретация археологических памятников в плане реконструкции запечатленных в них мифологических концепций представляет, по существу, задачу в значительной мере прикладную, осуществимую лишь на базе принципов, выработанных в иных областях гуманитарного знания (Раевский, 1985, с. 14).

Учитывая отсутствие мифологических текстов относящихся к таштыкскому времени, вполне оправданно, опираясь на богатейший накопленный археологический материал, использовать сравнительно-исторический метод для реконструкции определённой части мировоззрения таштыкского. Хотя сравнение разнородных и разновременных источников, всегда содержит вероятность появления случайных аналогий, что может поставить под сомнение правильность сделанных выводов. Археологические памятники, при всей их семантической глубине и значимости, не содержат в себе прямого отражения определенных мифов или мифологем. Под реконструкцией религиозно-мифологической системы мы можем понимать скорее попытку выделения лишь основы идеологических представлений, отражающей мифологизированную человеком реальность.

Один из важных аспектов мировоззрения таштыкцев, получил отражение в так называемых «ритуальных погребениях». Подобные погребения известны в рамках почти всех известных археологических культур и характеризуются рядом особенностей, совокупность которых позволяет вынести их за рамки обычных, наиболее типичных форм. Это расположением вне основных мест захоронения (погребального сооружения); поза; наличие следов определенных воздействий на труп; присутствие в погребении вещей, которые могут быть идентифицированы как специально созданные для данного погребения и т.д.

При анализе «ритуальных погребений» нужно учитывать, что погребения вообще – система ритуалов, преследующих определённые цели (помочь усопшему уйти в другой мир, оградить живых от мести или гнева умерших и т.п.). «Ритуальные погребения» еще более акцентированы на определенных функциях, которые напрямую можно связать с самим характером смерти, в данном случае «ритуальной». Ее обстоятельства и причины, особенно если смерть носит насильственный характер, наиболее явно отражают определенные аспекты религиозно-мифологической системы.

Впервые исследователи обратили внимание на подобные погребения при раскопках Тепсейского чаатаса. Недалеко от склепа № 4 было обнаружено в могиле 6 захоронение положенной ничком и вероятно связанной женщины. (Грязнов, 1979, с.140). По мнению Э.Б. Вадецкой, это погребение относится к жертвоприношениям (Вадецкая, 1999, с. 265).

Два подобных погребения были обнаружены при раскопках могильника Маркелов Мыс II. Погребение № 89 могильника Маркелов Мыс II находилось на расстоянии 1,2-1,5 м от северо-западной стенки изучаемого склепа. Как таковой могилы и надмогильного сооружения не было. Погребение было совершено в выходе коренных пород на поверхность почвы, которые на площади могильника близко подходят к поверхности. Часть плит, подстилавших грунт, была приподнята и в образовавшейся длинной и узкой щели совершено погребение. Глубина этой своеобразной «могильной ямы» – 0,3-0,4 м, длина – около 4 м, ширина – 0,4 м. Тело умершего скорее даже не засыпали, оно было лишь чуть присыпано землей.

Умерший был уложен на правом боку, головой на восток – северо-восток. Ноги согнуты в коленях и очень сильно подтянуты к тазовым костям. Руки вывернуты в локтях и кистях. Череп разрушен. Чуть ниже ног – фрагмент кости крупнорогатого животного. Многие кости скелета потревожены, возможно, животными. У пояса обнаружена железная поясная пряжка, и два фрагмента лезвия ножа. Недалеко от тела найден железный корродированный крюк, на-

поминающий колчаный, у ноги – роговая пластина с двумя отверстиями, возможно рукоять от ножа. Под фрагментами разрушенного черепа находился еще один нож, расположенный острием кверху. Вероятно, он был воткнут в шею, ближе к затылку. Нож обычный бытовой, типичный для памятников гунно-сарматского времени и эпохи средневековья. По каким-то причинам обычного для умерших таштыкцев погребения в склепе он не заслужил. Тело даже не уложили, а скорее втиснули в очень узкую щель, со связанными ногами и руками. Причем, судя по очень сильно подтянутым к тазовым костям ногам, его, возможно, связывали еще живого, поставив на колени. Смерть, вероятно, наступила после удара ножом в шею.

На черепе умершего присутствуют следы метопизма, характерной чертой которого является сохранение лобного шва. Метопизм рассматривается не как атавистический, а нормальный вариант развития черепа (Рохлин, Рубашева, 1933, с. 1003). Хотя, возможно, эта инфантильная особенность взрослого человека (возраст умершего определяется в пределах 30-35 лет), каким-то образом влияла на психические особенности поведения при жизни.

Если сравнивать подобные погребения различных культур, то аналогий достаточно много. По ним можно выделить следующие сакральные функции, «ритуальных погребений»:

1. Сторож. Умерший вполне мог являться сакрализованной фигурой (шаман, жрец). Страж мира живых от мёртвых должен был обладать значительной магической силой при жизни. Вполне возможно, подобные люди составляли определенную социальную прослойку в таштыкском обществе, впоследствии, возможно, уничтоженную пришедшим народом другой культуры (в данном случае енисейскими кыргызами).

2. Жертва. В этом случае социальный статус погребенного не играет определяющей роли. Главное здесь, возможно, наличие у умершего явного физического дефекта (горб, рудиментарные конечности) или психического расстройства, сопровождавшегося заметными приступами. Практически во всех культурах людей с подобными отклонениями боялись и чаще всего приносили в жертву различным, возможно враждебным человеку, силам.

3. Проводник по загробному миру. Это тот, кто встречал уже в ином мире умершего и отводил его туда, куда нужно. Для данного аспекта должны быть характерны два принципа: а) хронологическое предшествование «ритуального погребения», погребению основному; б) проводник должен и при жизни иметь связь с потусторонним миром. Возможно наличие у него при жизни эпилепсии или «шаманской болезни» или любого другого ярко выраженного расстройства.

Чётко определить и разграничить функции «ритуальных погребений» на основе только археологического материала очень сложно. Однако имеющиеся данные позволяют наметить пути и возможности дальнейшей разработки характера и семантической значимости «ритуальных погребений», отражающих один из аспектов мировоззрения таштыкского населения.

Научные руководители – д.и.н. Ю.С. Худяков, к.и.н. О.А. Митько

А.Т. Айтмишева

(Павлодар, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова).

Кочевническое погребение у с. Комарицино

В конце полевого сезона 2000г. во время одной из разведочных поездок по области, начальником Павлодарской Археологической Экспедиции В.К. Мерцем в районе с. Комарицино было обнаружено разрушенное погребение. Памятник находился в 500 м к юго-востоку от села на крутом берегу первой надпойменной террасы Иртыша перекрытым высокими дюнами. Здесь берег подвергается постоянной эрозии и периодически обнажаются древние захоронения. В этом районе еще в 70-е годы местными краеведами С.А. Му-

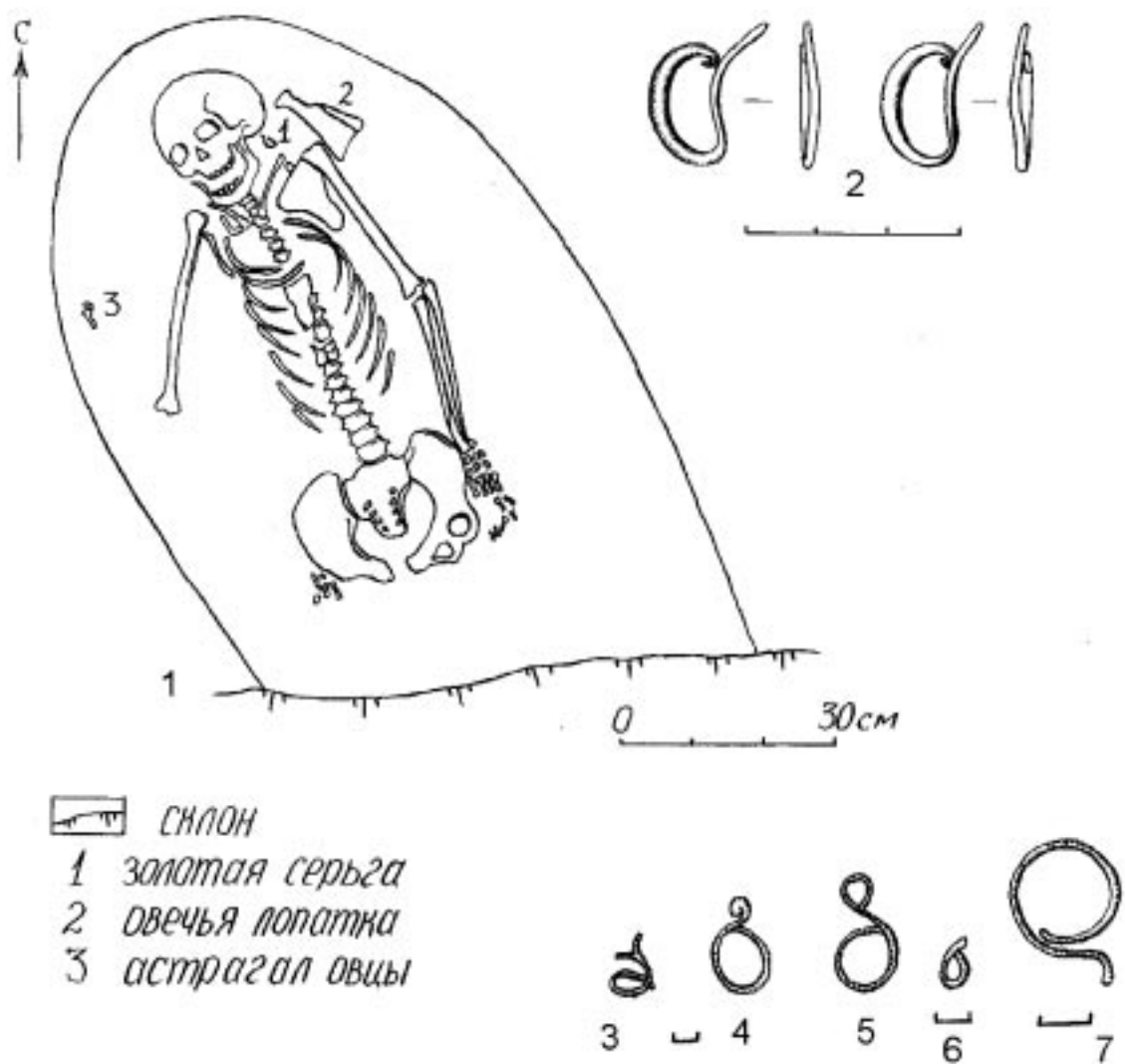

Рис. 1

залева и Л. Сафоновой, неоднократно находились остатки погребений с большим количеством керамических сосудов (Сафонова Л., Музалевский С., 1973, с.4). Для проверки этих фактов и был совершен выезд на данный объект, который увенчался находкой частично разрушенного женского погребения.

При осмотре крутого склона берега, были обнаружены отбеленные и полуразрушенные кости ног и правой руки. Чуть выше по склону были обнаружены тазовые кости, торчащие из земли. Они находились в первоначальном положении.

Вокруг костей был заложен небольшой раскоп, вскрывший остатки могильной ямы размером 70 см, на 10,5 см. В которой были обнаружены остатки верхней части скелета женщины престарелого возраста, лежащего на спине головой на северо-запад. Кости и череп хорошей сохранности за исключением лицевой части, состоящей из истонченных костей, зубы верхней челюсти полностью отсутствовали, в нижней сохранились только резцы. Под левым плечом скелета и у локтевого сгиба правой руки находилась лопатка (рис.1.1.2), астрагал и пяточная кость овцы (рис.1.1.3).

В области ушных раковин находились золотые проволочные серьги бобовидной формы, с тонкими удлиненными концами в виде стебельков (рис.1,2). Других предметов не

найденно и в связи с этим возникает проблема датировки и определения культурной принадлежности данного погребения. Попытки найти точные аналогии обнаруженным здесь серьгам не увенчались успехом. Но мы знаем, что провололочные серьги были характерны для многих культур ранних кочевников и поэтому близкие по форме изделия мы попытались найти среди этого круга памятников.

Так некоторые исследователи утверждают, что «серьги провололочные восьмерковидные из бронзовой, золотой или серебряной проволоки, известны на широкой территории степей Евразии». В том числе, похожие провололочные серьги округлой формы (рис.1.7), (Могильников В.А.,1992 с.290,таб.119.10), были найдены в погребении могильника Воробьево 1, относящегося к гороховской культуре. Другие, близкие по форме изделия можно найти в материалах могильника Славянка в Восточном Казахстане. Это золотые серьги восьмеркообразной формы или в виде колечка с небольшой овальной подвеской, которые появляются в конце 1 тыс. до н.э. в памятниках кулажургинской культуры (Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.,1992, с.147,таб.57.39) (рис.1.5).

Похожие бронзовые серьги известны в грунтовых погребениях могильника Мысок таштыкской культуры (Вадецкая Э.Б.,1992, с.241,таб.97.1) (рис.1.6).

Подобного типа украшения также были характерны и для памятников 111-1 вв. до н.э. ранних кочевников Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Они были найдены в могильнике Баба-Ата и Берккара (Заднепровский Ю.А.,1992, с.103,таб.37) (рис.1.3,4).

Таким образом, большинство близких по форме и технологии предметов характерны для многих культур ранних кочевников конца 1 тысячелетия до н.э., то есть к началу гунно-сарматской эпохи. Следовательно и погребение найденное у с. Комарицино, относится, вероятно к этому же времени. В пользу этого свидетельствуют и антропологические данные, согласно которым в это время усиливается монголоидный элемент, особенно среди женского населения Восточного Казахстана. (Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.,1992, с.145). Судя по сильной уплощенности и ширине лицевого скелета, а также округлой черепной коробки, в могиле у с. Комарицино, была погребена представительница монголоидной расы.

Рассмотрим также некоторые элементы погребального обряда: в нашем распоряжении имеются находки костей овцы, расположенные за левым плечом и у правого локтя. Так как, мы предварительно датировем это погребение гунно-сарматским периодом, то обратимся к обряду погребения гуннов и сарматов, для погребений которых, характерно присутствие остатков жертвенной пищи в виде лопатки и ножки овцы (Вязьмитина М.И.,1953, с.222).

Смысл и значение присутствия найденных в погребении костей овцы можно попытаться объяснить также примерами из казахской этнографии, где по правилу раздела застольной пищи, овечья лопатка и ножка даются обычно старшей из присутствующих женщин. Аналогичным образом, видимо, был подчеркнут и социальный статус погребенной у с. Комарицино пожилой женщины.

Научный руководитель – В.К. Мерц

С.С. Матрёнин

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Классификация погребальных сооружений булан-кобинской культуры

Одной из главных частей погребального ритуала было и остается создание необходимых для этого сооружений. Являясь устойчивым признаком погребального обряда, часто используемым в качестве важнейшего показателя для выделения отдельных культурно-классификационных единиц, погребальные конструкции представляют собой весьма

ценный источник информации, для извлечения которой необходим тщательный анализ. На данный момент вопрос об устройстве погребальных сооружений булан-кобинской культуры освещен недостаточно полно. Однако уже намечены характеристики погребений, предложены попытки их разделения и группирования, выделены разные типы памятников (Гаврилова А.А., 1965, с. 52-57; Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 173-191; Он же, 1987, с. 197-203; Он же, 1990, с. 15-19; Елин В.Н., 1990, с. 119-136; Он же, 1991, с. 153-155; Суразаков А.С., 1990, с. 197-200; 1992, с. 92-97; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 28-33; Соёнов В.И., 1997, с. 15-19; и др.). Представленные в научной литературе классификации погребальных конструкций (Елин В.Н., Васютин А.С., 1992; Илюшин А.М., 1996, с. 40-44; и др.) поверхностны и построены на материалах узкого круга памятников. Исключение составляет работа В.И. Соёнова (1997), которая при этом имеет свои недостатки.

Вопросы детальной классификации погребальных сооружений (ПС) находятся ещё в стадии разработки. Использование данного подхода в изучении ПС предложено сравнительно недавно (Ольховский В.С., 1991) и отражено пока в немногочисленных работах (Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; Соёнов В.И., 1997; Кожомбердиева Э.И., 1997; и др.). Цель нашей статьи – определить конструктивные особенности погребальных сооружений булан-кобинской культуры, а также выявить традиции их устройства в Горном Алтае в гунно-сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.).

В основу исследования положены материалы 217 объектов из 17 курганных могильников, что составляет примерно половину раскопанных на сегодня памятников. Еще значительная часть источников, к сожалению, до сих пор не введена в научный оборот. Для классификации ПС применялась схема с использованием следующих таксономических единиц: «категория», «группа», «разряд», «раздел», «отдел», «тип». Каждая из них включает в себя характеристику признаков в зависимости от степени всеобщности для обозначенной категории (Кызласов И.Л., 1983, с. 10). Следуя принципу четкой иерархии классов, построенных на едином признаке деления и соподчинения друг другу, каждый таксон (от категории к типу) характеризуется наиболее изменчивой во времени и пространстве чертой.

I. Категория – группа объектов одного или предположительно одного функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с. 379). В данном случае категория представлена погребальными сооружениями, которые включают в себя комплекс наземных и внутрикурганных конструкций.

II. Группа – разделяет курганы по составу насыпи на каменные, земляные и каменно-земляные.

III. Разряд – отражает наличие или отсутствие таких конструктивных элементов наземных сооружений как кольцевая выкладка (КВ) и прямоугольная (подпрямоугольная) ограда-крепида.

III а. Подразряд – уточняет имеющиеся два вида КВ, обозначенные условно как «стенка» и «крепида». Стенка превосходила крепиду по мощности кладки (от 2 до 12 слоёв) и устраивалась с более плотной подгонкой камней и плит. Прочность стенке придавало наличие конструктивных связей по всей длине сооружения.

IV. Раздел – данная таксономическая единица определяет конструкцию могильной ямы: 1) яма с отвесными стенками; 2) яма с уступом по одной из длинных стенок; 3) яма с уступами по всему периметру или нескольким сторонам (так называемые «заплечики»); 4) яма, имевшая расширение ко дну; 5) яма с подбоем.

V. Отдел – учитывает количество внутримогильных конструкций (ВМК). Отмечено три вида подобного рода фиксации: 1) одна ВМК; 2) сочетание ВМК; 3) без ВМК.

VI. Тип – определяет вид погребальной камеры (ПК), предназначенной для умершего человека: 1) каменный ящик; 2) деревянный ящик; 3) рама; 4) Каменно-деревянный ящик; 5) ка-

менная выкладка по периметру дна ямы; 6) колода; 7) яма 8) яма с настилом над или под погребенным и их комбинации. При классификации учитывались только те сооружения и их остатки, которые можно было уверенно идентифицировать. Приходилось также принимать во внимание и то, что первоначальное состояние конструкций могло отличаться от зафиксированного. Всего обработке было подвержено 204 объекта (100 %). Часть памятников в виду отсутствия необходимого набора показателей оказалась за рамками исследования.

В результате проведенного анализа было выявлено 41 тип ПС II в. до н.э.-V в.н.э. Из них несколькими типам, наиболее многочисленным и (или) показательным, даны условные названия: «Булан-кобинский», «Курайский», «Берельский», «Айрыдашский», «Кок-пашский». Приведем их характеристики.

Булан-кобинский тип ПС (24,3 %) характеризуется устройством ПК в виде каменного ящика в яме с отвесными стенками. Наземная конструкция представлена сооружением в виде стенки (кольца; полукольца), выложенной по периметру могильной ямы и имевшей каменное заполнение внутреннего пространства. Данный тип отражен в погребениях могильников Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бошту-I, Улита (Глоба Г.Д., 1983, с. 116-126; Мамадаков Ю.Т., 1983, с. 213; Он же, 1984, с. 189-190; Он же, 1985, с.173-191; Он же, 1990, с.15-16).

Курайский тип ПС (3,4 %) выделяется сооружением ПК в виде колоды, установленной в яме с расширением стенок ко дну, устройством надмогильного сооружения в виде каменно-земляной насыпи с прямоугольной оградой-крепидой. Тип встречен на могильнике Курайка (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 113-135).

Берельский тип ПС (2,9 %) – представлен в могильниках Катанда-I, Берель (Гаврилова А.А., 1965, с. 54-57; Радлов В.В., 1989, с. 443-451). Погребения совершались в ямах с уступом по одной из стен под каменными насыпями.

Айрыдашский тип ПС (2,4 %) зафиксирован на памятниках среднего и нижнего течения р. Катунь (Бике-I, Тыткескень-VI, Айрыдаш-I, Усть-Эдиган). ПК представлена в виде каменно-деревянного ящика, впущенного в яму с отвесными стенками. Надмогильное сооружение оформлено в виде каменной насыпи с КВ-крепидой по периметру (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 60-82, 89-92; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, с. 125-129; Суразаков А.С., 1984, с. 232-233; Он же, 1990, с. 119-146, 199-200; Худяков Ю.С., 1994, с. 34-136).

Кок-пашский тип ПС (2 %) – устройство ПК в виде грунтовой ямы с каменной обкладкой по периметру. Надмогильная конструкция имела вид каменно-земляной насыпи с кольцом-крепидой в основании. Тип отмечен на могильнике Кок-Паш (Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А., 1985, с. 29-50).

Выделяется также V тип ПС (13,2%). Он близок булан-кобинскому в оформлении ПК, но отличается устройством надмогильного сооружения – наличием крепида вместо КВ-стенки. Названный тип представлен в погребениях многих памятников, в их числе Усть-Эдиган, Верх-Уймон, Пазырык, Бошту-I, Булан-Кобы-IV, Айрыдаш-I и др.(Сорокин С.С., 1977, с. 65-66; Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 173-180; Худяков Ю.С., 1990, с. 119-146; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 19-27,29-31).

Достаточно большую группу (14,2%) составили погребения в грунтовых ямах под каменными насыпями с крепидой (тип XI). Судя по материалам могильника Айрыдаш-I (Суразаков А.С., 1990; Соёнов В.И., 1997), многочисленными должны быть погребения в деревянных ящиках с аналогичной наземной постройкой.

Обозначенные выше типы демонстрируют основные традиции устройства ПС булан-кобинской культуры. Разумеется, что не все они существовали на протяжении длительного времени: II в. до н.э.-V в. н.э. Ведущая традиция представлена булан-кобинским типом, к которому тесно примыкает V тип. Она была представлена практически на всей территории распространения памятников булан-кобинской культуры, имея в отдельных местах

специфические черты. В Центральном Алтае эта традиция сохранялась в рамках почти всей рассматриваемой эпохи. Берельский, айрыдашский, кок-пашский и курайский типы стоит рассматривать как локальные (местные) варианты ПС, формирование которых происходило в «буферных зонах» (на стыке разных культурных массивов) и было результатом сложных по характеру и содержанию контактов. Вопросы, касающиеся происхождения выявленных типов ПС, выходят за рамки настоящего сообщения, т.к. требуют отдельного рассмотрения. Остальные объекты (38 %) в своем большинстве единичны и отражают частные моменты (вариации основных типов, отдельные детали оформления, специфические черты, элементы инокультурности), что могло быть также следствием несовершенной методики исследования и (или) плохой сохранности сооружений.

На основе анализа признаков классификации можно характеризовать особенности конструкции ПС и их различия разного уровня и порядка. По составу насыпи курганы представлены в основном двумя группами, соотношение которых таково – каменные 85% и каменно-земляные 13%. Земляные насыпи единичны (ок. 2%). Основанием надмогильного сооружения в 77,7% случаев служила КВ, находившаяся на уровне древней поверхности или слегка заглубленная в грунт. Вид КВ, определенной как крепида по периметру насыпи, встречен у 50,7% курганов. Традиция сооружения крепиды также хорошо известна в погребальном обряде населения предыдущей эпохи. КВ-стенка отмечена у 27% рассмотренных объектов. В 6,4% случаев зафиксирована конструктивная основа в виде прямоугольной ограды-крепиды. Она характерна для Восточного Алтая (при этом только для части погребений – Курайка, Кок-Паш, т.е. для северной группы, появление которых стоит относить, видимо, не ранее, чем к III в. н.э. (Елин В.Н., 1991, с. 155; Соенов В.И., 1998, с. 135)). Можно отметить некоторое сходство (разумеется, неслучайное) части прямоугольных оград Восточного Алтая наземным сооружениям хунну (Коновалов П.Б., 1975, с. 20). Отсутствие дополнительных конструкций составило 15,9 %. Но не исключено, что первоначально какое-то сооружение все же существовало.

Разнообразие вариантов внутрикурганного устройства является характерной особенностью всего рассматриваемого комплекса захоронений II в. до н.э. – V в. н.э. Почти все погребения устраивались в материковом слое, для чего сооружалась яма. По конструкции абсолютно преобладали ямы с отвесными стенками (82%). Ямы, расширявшиеся ко дну, составили – 8,3%, 4,4 % погребений совершено в ямах с заплечиками. Шесть раз (2,9%) встречены ямы с уступом. Отмечено 4 факта (1,9%) сооружения подбоя. Лишь в одном случае (к.6, м. Чендек) погребение находилось на уровне древнего горизонта.

При всём типологическом разнообразии могильных конструкций, ПК в виде каменного ящика устроенного в яме с отвесными стенками является доминирующей (50%). Из других типов устройства ПК представительно выделяются следующие: яма (26%), деревянный ящик (4%), каменно-деревянный ящик (4,6%) для Центрального Алтая; каменная обкладка (17%), колода (34%) для Восточного Алтая (в данных случаях проценты указаны с учетом данных по отдельным регионам). Каменный ящик должен быть признан наиболее ранним видом ВМК, хотя данная традиция в Центральном Алтае не прерывалась в течение всего гунно-сарматского времени, восходя корнями к погребальной практике населения скифской эпохи (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 15; Он же, 1994, с. 130-131; Соенов В.И., Эбель, А.В., 1992, с. 61). В Восточном Алтае каменный ящик сравнительно редок (10,2%). Для поздних погребений более многочисленно выглядят деревянные конструкции (20%), а часто (47 %) вообще их отсутствие. В некоторых ямах, где не встречены ВМК, первоначально, видимо, были настилы из жердей. Этим, по всей видимости, должны объясняться факты расположения коня сразу над человеческим костяком (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 30). Кроме того, в поздних комплексах чаще встречаются упрощённые конструкции, например незавершенные ящики (так имитацией комбинированных каменно-деревянных ящиков следует признать одиночные плиты в головах и ногах погребённого). Некоторые погребальные камеры получены путём

сочетания нескольких ВМК. Здесь наблюдаются следующие комбинации: двойная камера (колода внутри каменного ящика) (1,4 %), каменная обкладка+настил (1,4 %), рама+обкладка (ок.1 %), колода+обкладка (ок.1 %), каменный ящик+настил (ок.1 %). Среди интересных вариантов оформления внутрикурганных сооружений стоит отметить: каменный ящик в подбое (кк.29,31 из Верх-Уймона), каменный ящик установленный на заплечиках (м.В-Уймон – кк.11,12), колода в яме с заплечиками (м. У-Балыктыюль, кк. 225,227,1,3), плиты в головах и ногах погребенного в яме с заплечиками (м.У.-Бийке-III, к. 4).

Разнотипность конструкций вполне естественна для погребального обряда многих археологических культур.(см., например, Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997).Отмеченные различия, как нам удалось установить, связаны с причинами хронологического порядка, а также особенностями традиций отдельных локально-территориальных групп населения и дополнительно подкреплялись и усиливались территориальной изолированностью. Разнообразие погребальных сооружений в очередной раз свидетельствует о сложном этническом составе населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в.н.э., тем более если учитывать общую этнокультурную ситуацию в регионе (Елин В.Н., 1994, с. 132-134; Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 129-132; Тетерин Ю.В., 1994, с. 126-129; и др.). Не исключается даже инокультурность некоторых типов ПС или отдельных элементов конструкции, например подбойных захоронений могильника Верх-Уймон (Соёнов В.И., 2000, с. 48-62), погребений в ямах с заплечиками м. У-Бийке-III, к.4 (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999, с. 391-396) и м. У-Балыктыюль, кк. 225, 227(Сорокин С.С., 1977, с. 57-67).

Предложенная классификация показала всё многообразие погребальных сооружений булан-кобинской культуры, позволила определить конструктивные особенности и традиции их устройства, имевшие место в Горном Алтае в рассматриваемый период. Полученные выводы могут быть, конечно, скорректированы с введением в научный оборот новых материалов, что, однако, не исключает возможность использования данной схемы в дальнейшем.

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Тишкин

С.П. Горлов

(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

Наконечники стрел из погребений могильника Дурой-I

В последнее десятилетие Верхнеамурской археологической экспедицией в бассейне р. Аргунь открыт и изучен ряд новых могильников, относящихся к концу I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. Наиболее крупными из них являются могильник у с. Зоргол, который насчитывает более 70 погребений, а также могильники, расположенные в окрестностях с. Дурой – Большая Канга-I и Дурой-I (более 40 погребений в каждом).

В инвентаре погребений могильника с.Дурой-I наиболее массово представлены предметы конской упряжи, украшения, керамика, а также предметы вооружения. Самыми распространенными среди находок последней группы являются наконечники стрел. Они подразделяются на два класса: 1) костяные и 2) железные. Костяные наконечники по способу насада относятся к одному отделу – черешковых. По сечению пера нами выделены среди них две группы: треугольные и ромбические. По форме пера у треугольных в сечении наконечников выделяются два типа: трехгранные пирамидальные и трехгранные с листовидным пером. Среди ромбических в сечении наконечников выделяется один тип – с треугольным пером.

Железные наконечники стрел по способу насада относятся к одному отделу – черешковых. По сечению пера они подразделяются на пять групп: плоские, двухлопастные, четырехгранные, круглые и прямоугольные. По форме пера плоские наконечники делятся на

типы: треугольные, пятиугольные и шестиугольные. Среди двухлопастных выделяется один тип – пятигранные с широкими лопастями. Четырехгранные наконечники представлены одним экземпляром, форму пера которого восстановить невозможно. Круглые наконечники так же представлены одним экземпляром, большая часть пера которого отсутствует. Можно лишь сделать предположение, что оно было шиловидным. Среди прямоугольных наконечников выделяется один тип – долотовидные. Основные типы дуройских наконечников относятся к ранним формам и встречаются в хуннских памятниках II в. до н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с.47). К ним относятся плоские ромбовидные наконечники и четырехгранные. Кроме того, наконечники из могильника Дурой-I находят аналогии среди наконечников Кокзельской культуры I-V вв. н.э. в Южной Сибири (Худяков Ю.С., 1986, с.72). На территории Восточного Забайкалья наконечники, подобные дуройским, встречались при раскопках целой группы других памятников, датируемых хунно-сяньбийским временем (III в. до н.э. – III в.н.э.). Аналогии им можно найти, например, в могильнике у с.Агинское на р. Ага; в могильниках Кунга, погребение №17, и Голый мыс на р. Куэнге, погребение №53 (Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с.168).

Подобные формы наконечников стрел (как костяные, так и железные) встречаются в инвентаре памятников бурхотуйской археологической культуры (IV-IX вв. н. э.). Носителями данной культуры исследователи считают племена шивэй («отуз-татар», по версии орхонских надписей), которые являлись потомками племен сяньби, создавших во II-III вв. н. э. мощную кочевую империю в степях Центральной Азии и Забайкалья. В погребальных памятниках этих племен многие формы наконечников стрел, полученные из могильника Дурой-I, представлены особенно массово.

Исходя из этого, а также учитывая факт отсутствия среди дуройских наконечников заведомо поздних их форм, мы имеем основания датировать дуройский могильник первой половиной I тыс. н. э. (возможно, II-IV вв. н. э.). Такая датировка подтверждается отчасти другими материалами Дуройского могильника, а, следовательно, памятниками подобного типа закрывается одна из самых загадочных страниц в истории данного региона, связанная с проблемой формирования бурхотуйской археологической культуры и ее этнической составляющей.

Научный руководитель – к.и.н. Ковычев Е.В.

Е.В. Ковычев, Е.А. Подъявиров

(Чита, Забайкальский педагогический государственный университет)

Оружие дистанционного боя из хунно-сяньбийских погребений восточного Забайкалья

В погребениях хунно-сяньбийского времени (III в. до н.э. – III в.н.э.), исследованных на территории Восточного Забайкалья, значительную часть инвентаря составляют предметы вооружения, в числе которых остатки оружия дистанционного боя: роговые накладки на лук, наконечники стрел, копий и дротиков.

Судя по массовости этих находок, можно полагать, что лук и стрелы были наиболее распространенным видом оружия у хунно-сяньбийских племен этого региона, при помощи которого они не только обеспечивали себя дополнительными источниками пропитания, но и одерживали победы над земледельческим населением Северного Китая и Маньчжурии. «...Кони сюннских всадников, вооруженных свистящими стрелами, – сообщали китайские летописи, – поднимали пыль, появляясь в столичном округе, и только по прошествии многих лет ... их удалось отогнать» (Материалы, 1984, с.96). Однако на смену хунну пришли сяньби, и китайский автор с горечью констатировал, что оружие у них «более острое», а кони «более быстрые», нежели у хунну (Материалы, 1973, с.78).

Сяньби и хунну изготавливали оружие самостоятельно. Сяньби, по сообщениям источников, изготавливали луки из прямых рогов быка. Такие луки у них назывались «пряморогими» (Кюннер Н.В., 1961, с.142). Речь, очевидно, шла о роговых накладках, крепившихся к кибити лука. Что касается стрел, то у хунну и у сяньби для изготовления древков использовались определенные породы деревьев: чаще всего молодые побеги березы и ивы (тальника), а для оперения – орлиные перья. О том, что это действительно было так, свидетельствуют не только данные письменных источников (Материалы, 1973, с. 46), но и находки древков стрел в берестяных колчанах сяньбийского могильника Зоргол-I, исследованного нами в Приаргунье. Найденные здесь древки были изготовлены из оструганных березовых и ивовых веток; имели длину 95-105 см и толщину около 1 см. Местами они были окрашены в красный цвет и имели выемки на концах под тетиву. Орлиное оперение было найдено на древке стрелы в одном из курганов могильника Ноин-Ула, в Монголии (Материалы, 1973, с.143, прим.25).

От луков, в хунно-сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья, сохранились различные по форме и размерам роговые накладки. Многие из них были найдены в непотревоженном состоянии. И поэтому мы можем говорить, что луки у хунну и сяньби были сложносоставные, асимметричные по форме, с прогибом в центральной части. Длина их достигала 140-150см. Одно плечо лука почти всегда было длиннее другого, поэтому концевые накладки на лук отличались размерами: одна пара достигала длины 28-38 см; другая – 15-20 см. На длинном плече иногда располагались две пары более коротких накладок, соединенных друг с другом при помощи уплощающих продольных срезов. Боковые накладки были изготовлены в виде узких и длинных слабоизогнутых пластин, приостренных на одном конце. Центральная накладка была три: две боковые, в виде широких сегментовидных пластин, имеющих дугообразное сечение, и одной нижней – узкой и длинной, но достаточно толстой в сечении и имеющей уплощенные концы.

Внутренняя сторона накладок была покрыта косой или сетчатой нарезкой, обеспечивающей лучшее сцепление их с кибитью лука. В качестве дополнительного элемента сцепления, иногда использовались также костяные шпильки-гвоздики, располагавшиеся по краям пластин. При помощи их пластины прибивались к кибити лука. Тетива луков не сохранилась, но в одном из погребений могильника Соцал, на р. Онон, у края концевой накладки было найдено костяное кольцо, использовавшееся для натяжения тетивы лука. Кроме того, в могильниках Зоргол-I и Большая Канга, в Приаргунье, было найдено несколько берестяных футляров для луков и берестяных колчанов со стрелами. Длина их достигала 105-115 см. Они имели сложную конструкцию, и поэтому мы опускаем их описание.

Особый интерес среди предметов вооружения вызывают наконечники стрел. Нами выделено три класса наконечников: железные, костяные и бронзовые. По способу насада, железные наконечники относятся к одному отделу – черешковых, а по сечению пера среди них выделяется несколько групп, которые в свою очередь делятся на типы.

К первой группе относятся наконечники, среди которых нами выделено 5 типов: с треугольным пером (3 экз.), ромбовидные (11 экз.), срезы в виде расширяющейся к острию лопаточки (16 экз.), срезы двурогие (2 экз.) и шестиугольные (1 экз.). Во вторую группу входят трехгранные наконечники. Их три типа: ярусные (2 экз.), ромбовидные (6 экз.) и трапиевидные (4 экз.). В третью группу нами включены наконечники бронебойного типа (5 экз.), овальные и круглые в сечении.

Костяные наконечники стрел по способу насада подразделяются на три отдела. В первый отдел входят черешковые наконечники, среди которых выделено три группы и семь типов. К первой группе относятся треугольные в сечении наконечники. По форме пера они подразделяются на три типа: с треугольным пером и подрезанными крыльями (1 экз.), с листовидным пером (2 экз.) и пирамидальные (17 экз.). Ко второй группе относятся ромбические в сечении наконечники, имеющие треугольное перо (35 экз.), уплощенное перо (2 экз.) и узкое листо-

видное перо (1 экз.). В отдельную группу выделен круглый в сечении наконечник с приостренным с трех сторон острием (1 экз.).

Втульчатые наконечники включены нами во второй отдел. По сечению пера среди них выделено три группы: ромбические (четырёхгранные), треугольные и двухлопастные. Ромбические (четырёхгранные) по форме пера подразделяются на три типа: пулевидные (1 экз.), с треугольным пером (1 экз.) и «томары» (3 экз.). Треугольные относятся к одному типу: пирамидальных (2 экз.) У двухлопастных также выделяется один тип: листовидный, с подрезанными в нижней части перьями и неглубокой, спрятанной в тело наконечника, втулкой (1 экз.). По форме данный наконечник копирует некоторые типы двухлопастных втульчатых наконечников, изготовленных из металла, однако, наличие у него неглубокой втулки, а также крупные размеры наконечника, заставляют причислить его к числу «томаров», использовавшихся во время охоты.

К третьему отделу относятся наконечники с расщепленным насадом. Их следует причислить к одной группе: ромбических, а по форме пера к одному типу – с треугольным пером.

Бронзовые наконечники по способу насада делятся на два отдела: черешковые и втульчатые, а по сечению пера на две группы: трехперые (1 экз.) и треугольные (1 экз.). Трехперый наконечник имел плоские треугольные лопасти. Тип треугольного в сечении наконечника определить невозможно, поскольку он подвергся значительной деформации (возможно, от удара в защитный доспех).

Наконечники копий и дротиков – редкие находки в хунно-сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья. Некоторые исследователи относят их к предметам вооружения ближнего боя, но мы склонны считать, что копья и дротики нередко использовались и в дистанционном бою как метательное оружие. Исследованные нами экземпляры относятся к одному классу: железных, а по способу насада к одному отделу – втульчатых. По сечению пера среди них выделено две группы: круглые и плоские. По форме пера круглые наконечники копий и дротиков принадлежат к типу конусообразных (2 экз.), а среди плоских выделяются удлинённо-ромбические (4 экз.) и удлинённо-пятиугольные (1 экз.). Наконечники копий достигали в длину 20-22 см; наконечники дротиков – 12-15 см. На втулках наконечников сохранились хорошо заметные швы.

Многие типы костяных и железных наконечников стрел, а также формы асимметричного сложносоставного лука, с широким прогибом в центральной части, получили широкое распространение в последующую эпоху, когда на территории Восточного Забайкалья проживали потомки сяньбийских племен – монголоязычные шивэй («отуз-татары» орхонских надписей). В инвентаре памятников этих племен, объединённых в бурхотуйскую археологическую культуру (вторая половина I тыс.н.э.), асимметричный сложносоставной лук, усиленный семью роговыми накладками, встречается особенно часто. Теперь, однако, он становится более мощным, поскольку размеры его увеличиваются до 160 см, а роговые накладки становятся толще. С хуннского времени в Восточном Забайкалье распространяются знаменитые «свистящие» стрелы, которые обнаружены во многих погребениях бурхотуйской культуры и даже в погребениях монголов XII-XV вв. Интересно, что если раньше полая втулочка с отверстиями в верхней части («свистунка») изготавливалась отдельно от наконечника стрелы и затем насаживалась на его черешок, то теперь такие «свистунки» часто изготавливаются вместе с телом наконечника. Материалом для них служит не только кость, но и железо. От сяньби к племенам шивэй, а от них к монголам XII-XV вв. перешел также прием закреплять черешки наконечников в древке стрелы при помощи специальных костяных обойм, не имеющих отношения к «свистункам». Они выступали и в качестве элементов крепления, и в качестве дополнительных грузиков, обеспечивающих стреле аэродинамическую устойчивость в полете.

Отмеченные выше особенности свидетельствуют о том, что оружию дистанционного боя местные племена всегда уделяли особое внимание, совершенствуя и дорабатывая его в соответствии с практическими потребностями и реальной политической ситуацией.

О.Д. Ринчинова

(Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

Надмогильные сооружения погребений хунну

Из обширного круга вопросов, связанных с культурой хунну, менее всего изучены надмогильные сооружения. Надмогильная конструкция – любая искусственно созданная постройка, возведенная выше уровня погребального сооружения (Смирнов, 1997, с. 201).

Целью данного сообщения является рассмотрение надмогильных конструкций в Ильмовой и Черемуховой падах, по данным Ю.Д. Талько – Грынцевича и П.Б. Коновалова (Ю.Д. Талько – Грынцевич, 1898; П.Б. Коновалов, 1976).

Ильмовая падь – самый крупный памятник хунну в Забайкалье. Могильник расположен в 23 км от г. Кяхта, к северу от нее находится могильник Черемуховая падь. В последней насчитывается 82 могилы, а в Ильмовой пади – более 300. В большинстве своем могилы выглядят невысокими насыпями из камней в виде кольцевого вала вокруг неглубокой впадины.

Наиболее трудно разрешимым вопросом является восстановление первоначального облика надмогильных сооружений. Ю.Д. Талько – Грынцевич не практиковал широкой расчистки поверхности, и описания могил недостаточно подробны. Из 31 могилы, форму которых можно было различить, наибольшее число приходилось на квадратную (14), четырехугольную (12) и круглую (5) (Талько – Грынцевич, 1898, с. 6). В описании Г.П. Сосновского имеются только описания форм надмогильных кладок. Из 11 раскопанных им могил 4 имеют кольцеобразную или круглую насыпь, 3 – прямоугольную, 2 – неясных очертаний, 1 – округло – четырехугольную, 1 – неопределенную.

Огромная работа в изучении надмогильных сооружений принадлежит П.Б. Коновалову. Он не только фиксировал формы и по возможности размеры могил, но и предположил, что над могилой была возведена какая – то «площадка» из камней с отвесными стенами (Коновалов, 1976, с. 152). Из 33 раскопанных им могил 15 в Ильмовой пади и, соответственно, 18 в Черемуховой. По форме они подразделяются на квадратные или прямоугольные – 9, многоугольные – 11 и неопределенные – 13.

Таким образом, при всем многообразии и неопределенности форм наружных кладок рядовых могил хунну, можно предположительно классифицировать многие из них как четырехугольные, будь то квадрат или прямоугольник, и как многоугольные, приближающиеся к кругу или овалу.

Из основной массы рядовых могил в Ильмовой пади встречаются крупные сооружения в виде обширных курганообразных насыпей диаметром до 20 – 25 м со впадинами посередине. Отличительной особенностью этих погребений, кроме внушительных размеров, было наличие примыкающей к ним с южной стороны насыпи в виде хвоста или шлейфа. У самых крупных могил по краям основной насыпи, а также «шлейфа» кургана, как бы обрамляя их в виде ограды, из земли выступают камни, напоминающие фундаментные кладки.

Ю.Д. Талько – Грынцевичем была раскопана одна большая могила в виде четырехугольника, длиной 17 м и шириной 15 м. Могила окружена отвесно стоящею над землей площадкою из камней, возвышающейся над поверхностью земли на 1,5 м и шириной в 3 м. С южной стороны покато вверх ведет в могилу дорожка, вымощенная с двух сторон рядом камней, длина которой 13,5 м и ширина 3 м. (Талько – Грынцевич, 1898, с. 56).

Также был вскрыт царский курган П.Б. Коноваловым, высотой до 1,5 м с обширной впадиной диаметром 12 – 14 м и глубиной до 1,5 м шлейф, постепенно сужаясь и сходя на нет. Длина кургана вместе со шлейфом 34 – 35 м, без него 21 – 22 м, ширина 18 – 19 м, а основание шлейфа 8 – 9 м. Курган имеет прямоугольную ограду размерами 16 x 15,5 м и высотой до 1 м. С южной стороны к ней примыкает в виде трапеции ограда длиной 14 м. Небольшая короткая пристройка имеется и с северной стороны кургана. Вместе с ней всё сооружение простирается в длину на 33 м. Внутри основной ограды по всему её периметру идет огромный котлован, разделенный каменными стенами – перегородками (четырьмя поперечными и одной продольной) на десять отсеков (Коновалов, 1976).

Таким образом, всё сооружение в плане имеет четкие геометрические очертания, состоящие из прямоугольника и смежной с ним трапеции, разделенной на две половины.

В настоящее время одной из важных проблем в погребальном обряде хунну является изучение надмогильных сооружений, сложность изучения которых вызвана тем, что первоначальная форма сооружений за длительное время претерпела значительные изменения, потеряв свой естественный облик. Поэтому исследование данного вопроса для археологов представляет большую трудность.

Научный руководитель – к.и.н. Б.Б. Дашибалов.

О.А. Яремчук

(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

Глиняная посуда из погребений хунно-сяньбийского времени в восточном Забайкалье

В материалах памятников Восточного Забайкалья, датируемых концом I тыс. до н.э. – первыми веками н.э., в большом количестве представлена керамическая посуда. В настоящей работе мы приводим характеристику глиняных сосудов, полученных из ряда могильников Читинской области (Зоргол-I, Большая Канга-I (р.Аргунь), Кункур (р.Онон), Ботула (р.Ингода), Кия-13 (р.Шилка)) и отражающих, на наш взгляд, основные особенности керамического производства восточно-забайкальского населения в хунно-сяньбийское время. Анализ данного керамического комплекса позволяет не только представить основные технологические приемы формообразования и орнаментации глиняной посуды, но и сопоставить ее с керамикой из синхронных памятников Западного Забайкалья, Юго-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Следует отметить, что большинство сосудов, за исключением отдельных экземпляров (например, из погр. №№ 36,37 мог. Зоргол-I), изготавливались вручную, способом ленточного налепа, без применения гончарного круга. В составе формовочной массы выявлено большое содержание примесей речного песка и дресвы. В целом, технологический процесс изготовления глиняной посуды из указанных выше могильников можно представить следующим образом: 1) лепка сосудов производилась по частям: тулово изготовлялось из двух-трех лент, шириной по 3-5 см каждая, которые накладывались друг на друга и в местах соединения заглаживались пальцами; 2) венчик, днище и горлышко (у вазообразных сосудов) и поддон (у сосудов с поддонами) также лепились отдельно и затем соединялись с туловом с внешней или внутренней стороны; 3) стенки сосудов подвергались выколачиванию, в результате чего достигалась необходимая толщина стенок (не менее 0,5-0,6 см) и уплотнялась глина; 4) обжиг сосудов производился, судя по всему, в печах и кострищах в восстановительной атмосфере. В результате обжига поверхность их приобретала неравномерный темно-серый или светло-коричневый цвета.

Характерной особенностью керамического комплекса рубежа н.э. в Восточном Забайкалье является большое разнообразие форм и размеров сосудов. В частности, высота их варьирует от 5 до 26 см. Вся глиняную посуду можно свести к шести основным группам: 1) горшковидные; 2) вазообразные; 3) баночные; 4) сосуды с поддонами; 5) кружки и 6) стаканчики.

Горшковидные сосуды составляют самую многочисленную группу керамики. Характерными их признаками являются округлые, выпуклые тулова, невысокие, но четко выраженные шейки и широко отогнутые наружу утолщенные венчики. Среди них выделяется два типа. К первому типу относятся горшки с удлиненным яйцевидным туловом, вариантами которых являются горшки с короткими, почти прямыми плечиками и резко скошенными стенками, а ко второму – горшки с укороченным округлым туловом.

Вазообразные сосуды отличаются большим разнообразием форм. Среди них можно выделить несколько типов. К первому типу относятся сосуды с вытянуто-округлым туловом, широко отогнутым наружу расширенным венчиком и зауженной придонной частью. Второй тип представлен вазами с широким округлым туловом, высокими, часто прямыми шейками и широко отогнутым наружу венчиком. К третьему типу можно отнести небольшие амфоровидные сосуды, имеющие широкие в верхней части тулова, прямые высокие шейки, оканчивающиеся отогнутыми наружу венчиками, и узкие плоские днища. Характерными их чертами являются наклепные ушки, расположенные напротив друг друга сразу же под венчиком.

К этой группе керамики относятся также сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге. От всех остальных они отличаются более крупными размерами. Среди них выделяется два типа. К первому типу относится сосуд с округлым, выпуклым туловом, зауженной придонной частью и широко отогнутым утолщенным венчиком, а ко второму – сосуд с вытянуто-округлым туловом, узкой высокой прямой шейкой, оканчивающейся утолщенным венчиком.

Сосуды баночного типа составляют третью группу керамики. У них узкие плоские днища, высокие, почти прямые стенки, расширяющиеся кверху, и слабо выраженные шейки. Венчики сосудов тонкие, слегка отогнутые наружу.

Сосуды с поддоном имеют округлые тулова, отогнутые наружу венчики и небольшие пустотелые конические поддоны. В одном из погребений (№31) мог. Зоргол-I был отмечен случай, когда вместо горшка в изголовье умершего был положен поддон конической формы, отломанный от крупного сосуда.

Кружки, как правило, имеют форму, близкую к сосудам баночного типа – расширяющиеся к венчику тулова и прямые венчики. Отличительным признаком сосудов этой группы является наличие на тулове округлой по форме ручки или пенька.

Последнюю группу керамики представляют стаканчики – сосуды небольшого размера со слегка расширяющимся к венчику туловом и почти прямыми стенками.

Большая часть рассматриваемых сосудов не орнаментирована и имеет характерные асимметричные формы: непропорциональность тулова, резкую скошенность венчиков по отношению к плоскости днищ. Анализ керамики показывает также, что в погребения хунно-сяньбийского времени в Восточном Забайкалье обычно клались сосуды, находившиеся длительное время в употреблении. Это подтверждают следы копоти и нагара, обнаруженные на стенках большинства из них. Все это указывает, безусловно, на существование местной традиции изготовления глиняной посуды восточно-забайкальскими номадами в рассматриваемый период времени.

В то же время отметим, что некоторые формы сосудов (горшковидные, вазообразные, и др.) и способы их украшения (рассеченные в нижней части глубокими полулунными насечками венчики и наклепные валики, зачастую также рассеченные насечками, которые нередко имеют опущенные вниз отводы или разрывы в двух или нескольких местах) находят прямые аналогии в памятниках Юго-Западной Маньчжурии (Краткий отчет..., 1989, с.1092) и

Внутренней Монголии (Чжао Юэ, 1990, с.92; Чжэн Лун, 1961, с.17-19), а также у шивэйских племен Восточного Забайкалья, считавшихся потомками племен сяньби (Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984, табл. I-VI, с. 67-73). Отдельные черты технологии и орнаментации глиняной посуды, в частности, такие орнаментальные мотивы как: волнистая резная линия, обрамленная горизонтальными полосами, и меандр типичны и для хуннских памятников Западного Забайкалья (Давыдова, 1996, с.15-16, табл.69; Коновалов П.Б., 1976, с.193-198, табл. XXIII- XXVI). Очевидно, это связано с огромным влиянием хунну на окружающие народы, что достаточно четко проявилось и в керамическом комплексе Восточного Забайкалья на рубеже н.э.

Научный руководитель – к.и.н. Е.В. Ковычев.

Е.В. Барсуков

(Томск, Томский государственный университет)

Сакральное в бронзолитейном производстве Киреевского III городища

Работа проводилась в рамках Федеральной целевой программы «Интеграция» проект № 238.

Процедура металлообработки на разных этапах развития общества и у разных народов была погружена в сферу сакрального, окутана ареолом таинственности и инакости. Издревле люди, владеющие огненной профессией, секреты которой были уделом немногих, надеялись человеческим сознанием магическими сверхъестественными способностями, считались колдунами и врачевателями. Они могли общаться с таинственными духами огня и земли, умели превращать камень в металл. Атрибуты их ремесла, да и сам металл, нередко выступали в роли оберегов и талисманов, отпугивающих злые силы (Токарев С. А., 1965, с.172; Гришин Ю. С., 1980, с.72; Черных Е. Н., 1972, с.193). Эта традиция мифологизации и мистификации всего, что связано с металлами и их обработкой, уходит своими корнями в глубокую древность и теряется во мраке веков.

Не была исключением Западная Сибирь, где особое место занимает бронзолитейное производство, доминирующая роль которого сохраняется вплоть до рубежа эр.

В научной литературе уже отмечалось, что техническая процедура изготовления бронзовых и медных изделий тесно связана с сакральным миром человека и пронизана мифологизированными символами. Её можно рассматривать не только как реальную ситуацию, в результате которой появляется изделие, но и как ситуацию сакральную (Балакин Ю. В., 1985, с.23).

Соотношение в бронзолитейном производстве этих двух начал, сакрального и утилитарного, представляет несомненный интерес.

Показательными по данному сюжету являются кулайские городища, служившие крепостями, местами поселения и центрами металлообработки (Чиндина Л.А., 1984, с.16-18; Яковлев Я.А., 1991, с.123). Исследователи также предполагают, что городища использовались в качестве культовых центров, о чем свидетельствует наличие следов ритуальных действий (Чиндина Л.А., 1984, с.151; Яковлев Я.А., Терехин С.А., 1993; Чемякин Ю.П., 2000, с.15). Преемственность культового использования площади городищ прослеживается и в этнографии, где фиксируется традиция сибирских аборигенов устраивать святилища на месте старых городищ (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.65; Пелих Г.И., 1981, с.147).

Раскопки 1995-2000 гг. на Киреевском III городище дали новые материалы по литейному производству кулайского населения.

Было вскрыто и обследовано 7 объектов, функциональное назначение которых было связано с бронзолитейным производством (Чиндина Л.А.2001). Они представляют типичные для кулайских городищ открытые очаги-горны, состав их одинаков: зола, пережжен-

ные кости, мелкие камни, линзы прокала и прокаленная керамика. Здесь же находились предметы, связанные непосредственно с бронзолитейным производством, – глиняные льячки, тигли, сплески, капли бронзы, каменные молоты и кувалды. Кроме этого, по мнению Л.А. Чиндиной, на городище выделяется категория свидетельств сакрального свойства: культовые предметы, следы ритуальных действий.

О сакрализации металлообработки в археологии судят по разным признакам: форма и место действия, жертвоприношения, ритуальные акты (применение огня, охры, сознательная ломка предметов), специфический инвентарь. Специфичность определяется не только нестандартностью самого предмета, но и использованием хозяйственно-бытовых предметов, не имеющих практического отношения к процессу плавки и литья.

В категорию таких специфических предметов на Киреевском III городище, возможно, попадают орнаментированные и неорнаментированные диски-пряслица, железный нож, обнаруженные в кулайском культурном слое, непосредственно в очагах или вблизи них. Диски-пряслица известны еще с эпохи бронзы, где они встречаются на поселении бронзолитейщиков Самусь IV. В раннем железном веке они обнаружены почти на всех кулайских городищах, а также в погребениях мужчин-воинов и подростков (Чиндина Л.А., 2000).

Диски-пряслица, как деталь веретена, и нить символизировали космические образы, связь миров, судьбу, жизнь и смерть, плодородие. Вполне вероятно, что кулайские пряслица на веретене являлись атрибутом общего сакрального ритуала для удачной отливки изделия (Чиндина Л.А., 2001).

К числу сакральных предметов, по нашему мнению, можно отнести и железный нож, найденный в одном из очагов. Он мог использоваться непосредственно по своему функциональному назначению – для вспомогательных операций в процессе производства, а также выступать в роли приклада (Карьялайнен К.Ф., 1995, с.79,112). О его возможной связи с металлообработкой свидетельствует известный в прошлом нарымским селькупам обычай приносить в подарок медному ножу железный нож. Этот ритуал был связан с Похта – духом женского пола, прародительницей кузнецов, которые умели добывать металл из камня пох. «Подарок» ножа был средством, обеспечивающим контроль и помощь в процессе металлообработки со стороны духовных сил. Сам нож выступал символом удачного завершения процесса, служил оберегом не только по отношению к процессу, но и по отношению к древним литейщикам. Это подтверждает то, что нож, задействованный в обряде, использовался затем в роли оберега или своеобразного духа-хранителя (Пелих Г.И., 1980, с.40).

Интерес представляют нижние челюсти лошади, найденные вблизи очагов. Они располагались в небольших углублениях или просто в кулайском слое. В одном случае под остатками комплекса разновременных очагов была обнаружена яма, углубляющаяся в материк на 30-40 см, на дне которой были выложены 3 челюсти лошади. Захоронение было окраплено охрой и присыпано бронзовой крошкой (Чиндина Л.А., 2001). Похожее захоронение были обнаружены на городище Барсов городок 1/9 (Чемякин Ю.П., 2000, с.156).

Ритуальное захоронение челюстей и зубов – явление довольно распространенное. Их связь с атрибутами бронзолитейного производства прослеживается уже с эпохи бронзы, по находкам челюстей и зубов в могилах литейщиков могильников Ростовка, Сопка 2 и поселения Самусь IV (Чиндина Л.А., 2001). В раннем железном веке фрагменты челюстей известны с городищ Саровского (Чиндина Л.А., 1978, с.53-54). Дубровинский борок III (Троицкая Т.Н., 1979), Усть-Полуй (Мошинская В.И., 1958, с.84), Барсов городок (Чемякин Ю.П., 2000, с.156). Вне пределов Сибири, на памятнике Саркел в одной из ям, комплекса захоронений в заброшенных ямах-горнах, также обнаружена челюсть (Плетнева С.А., 1996, с.188). Есть случаи использования клыков собаки, медведя, резцов лося и лошади и даже зубов мамонта (Семенова В. И., 1985).

Предположение о случайности подобного рода находок вряд ли правомерно, аборигены Сибири и их предки очень трепетно относились к костным останкам животных (Гондатти Н.Л., 1888, с.70; Карьялайнен К.Ф., 1995, с.80; Кулемзина В.М., Лукина Н.В., 1978, с.185;), а тем более к челюсти и зубам, имеющим особое значение в традиционных культурах.

Зубы могли выступать в роли оберега и талисмана, приносящего удачу и выполняющего охранительные функции (Чиндина Л.А., 2001; Косарев М.Ф., 1984, с.184). Из этнографии известны также их целебные свойства (Гондатти Н.Л., 1888, с.15).

Вероятно, в древности челюсти и зубы использовались древними литейщиками с той же целью, выступали средством защиты и гарантировали успех.

Таким образом, материалы Киреевского III городища свидетельствуют о том, что сакрально-ритуальные действия совершались уже в процессе самого металлообрабатывающего производства.

Научный руководитель – д.и.н. Л.А. Чиндина.

И.В. Андреева

(Бийск, Бийский государственный педагогический университет)

Поселение Сайлап I в предгорьях Алтая

1. Поселение Сайлап I находится в 1.2 км. к Северу от указателя «96 км» тракта Бийск – Турочак и моста через р. Сайлапка. Памятник открыт Г.В. Скопинцевой в 1999 году. Поселение расположено на двадцати-двадцатипятиметровой террасе древнего русла р. Бии.

2. В результате работ, проведённых во время полевых сезонов 1999 – 2000 гг., экспедициями БигПИ, было раскопано 336 кв. м. поселения, при его общей площади 400 кв.м. Мощность культурного слоя составляла от 21 до 105 см. В западной и юго-западной части поселения мощность культурного слоя достигала одного метра и более. Здесь же были обнаружены 4 хозяйственные ямы, глубиной от 0.25 до 0.95 м, диаметром от 0.45 до 2.0 м. Заполнения ям состояли из чёрной гумусированной земли с вкраплениями глины, фрагментов керамики, по технологии изготовления и орнаментации не отличавшейся от керамики культурного слоя поселения. На поселении обнаружены следы наземных летних жилищ. Во время раскопок исследовано 3 очага открытого типа, расположенных в южной части поселения, где мощность культурного слоя не превышает 77 см. Глубина прокала колеблется от 4 до 5 см. Внутри очагов обнаружено несколько фрагментов керамики без орнамента. Лишь в очаге №3 находился орнаментированный миниатюрный сосудик (Рис.1. – 6) Два очага овальной формы, размером от 120 x 130 см. по внешнему краю. Стенки очагов состояли из плотно положенных друг к другу камней. Третий очаг представлял из себя прокал округлой формы с неплотно положенными четырьмя камнями с западной стороны. Диаметр прокала – 75 см.

3. Основные находки представлены керамикой. На поселении обнаружено 180 фрагментов орнаментированных и неорнаментированных венчиков от разных сосудов, 238 днищ различной формы. На этом материале и была проведена типология керамики поселения Сайлап. По форме венчиков керамика делится на четыре типа:

1. Сосуды с прямым или отогнутым наружу венчиком горшковидной формы диаметром от 18 до 36 см (рис. 1. – 1).

2. Сосуды с прямым или отогнутым внутрь сосуда венчиком баночной формы диаметром от 10 до 25 см.

3. Чаши с прямым или отогнутым внутрь сосуда венчиком с уплощённым или округлым днищем (рис. 1. – 3).

4. Миниатюрные сосудики, выдавленные из одного куска глины диаметром 7 – 8 см (рис. 1. – 6,7).

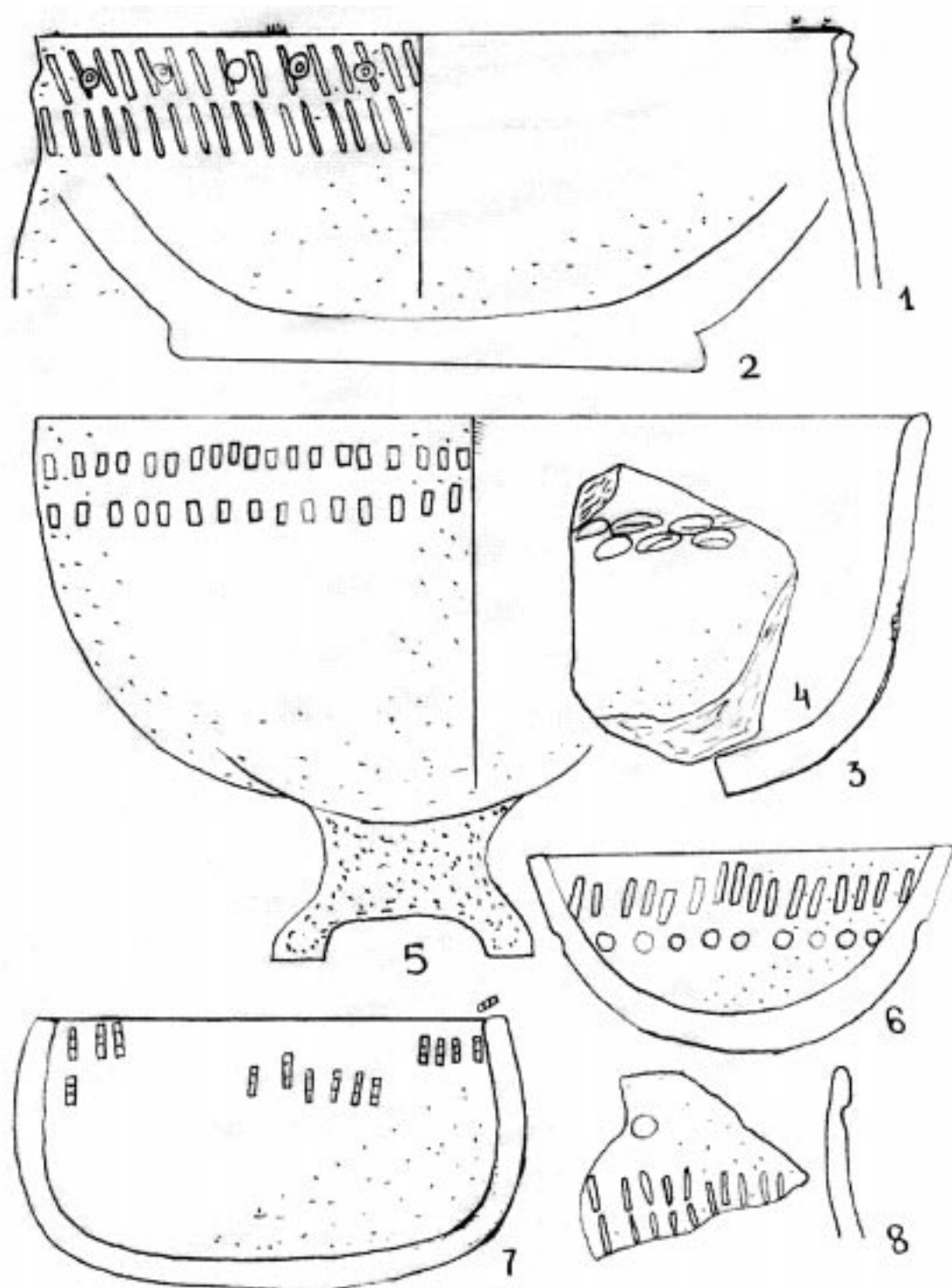

Рис. 1. 1-8 керамика с поселения Сайлап-І

По форме придонных частей керамика делится на пять типов:

1. Уплощённые составляют 42.1 %.
2. Плоскодонные 12.2 %.
3. С намечающимся поддоном 8.8 %.
4. С поддоном 0.8 %.
5. Округлые 13.9 %.

Технология изготовления керамики поселения Сайлап представлена двумя способами:

1. Основная часть изготовлена ленточным способом.

2. Небольшая часть керамики (три миниатюрных сосудика) изготовлены выдавливанием из целого куска глины. Орнаментальные мотивы представлены следующими элементами: один ряд ямок, при этом жемчужины, образующиеся с внутренней стороны сосуда, могли заглаживаться, а могли и оставаться; гладкий штамп, которым выполнены вертикальные и горизонтальные оттиски, зигзаг, ёлочка, геометрические фигуры и др. В орнаментальной композиции сосудов присутствует не более трёх орнаментальных элементов, один из которых – ямки. Гребенчатый штамп с зубцами мелкой, средней и крупной величины составляет горизонтальные оттиски. Вдавления от пальцев и оттиски ногтей составляют самостоятельные орнаментальные мотивы. В процессе работы была выявлена связь между формой края венчика и орнаментацией: для округлых венчиков всегда характерна орнаментация ямками. Связь между формой края венчика и орнаментацией в других типах не прослеживается.

4. По технологии изготовления, форме и орнаментации сосудов керамика поселения Сайлап I идентична керамике с городища Курлап (Скопинцева Г.В. 1993, с.66-69). Памятник входит в круг поселенческих комплексов Майминской культуры и определяется в хронологические рамки IV – VIII вв. н.э. (Скопинцева Г.В. 2000, с.45).

Научный руководитель – к.и.н. Г.В. Скопинцева.

А.Р. Вальтер

(Бийск, Бийский государственный педагогический университет)

Хозяйство и социальная организация племён майминской культуры по материалам поселенческих комплексов в предгорьях Алтая

1. В течение полевых сезонов 1998 – 2000 гг. экспедициями БиГПИ под руководством Г.В. Скопинцевой проводились раскопки на городище Курлап и поселении Сайлап I. Городище Курлап находится в Солтонском районе в 8 км от села Сайдып, на высоком (30 м) правом берегу р. Бия. Площадь городища 14400 кв. м. За период раскопок было изучено 2096 кв.м. Поселение Сайлап I находится в этом же микрорайоне, в 1.2 км к северу от указателя «96 км» тракта Бийск – Турочак. В ходе полевых исследований было изучено 336 кв.м культурного слоя. Мощность культурного слоя на этих памятниках от 20 до 110 см. В ходе раскопок на городище Курлап было исследовано 6 жилищно – хозяйственных комплексов. Все жилища наземного типа были углублены в материк не более чем на 10 – 12 см. Жилища на поселении Сайлап носили сезонный характер, и их углубление в материк в процессе раскопок не прослеживалось. На поселении были обнаружены 3 очага открытого типа, размером 120 x 130 см.

2. Реконструкция хозяйства и социальной структуры основывалась на изучении жилищно – хозяйственных комплексов и анализе инвентаря на городище и поселении. Жилища на городище Курлап были одно- или двухкамерными с одним или двумя очагами открытого типа. Рядом с очагами, как правило, находились хозяйственные ямы. Хозяйственные ямы также располагались вдоль одной из стен жилищ и в межжилищном пространстве.

Всего было раскопана 21 яма, глубиной от 33 до 70 см., диаметром от 50 до 140 см. Ямы имели конусовидную форму и сужались ко дну. Их заполнение состояло из тёмной гумусированной земли с прослойками глины и углей, отдельных фрагментов керамики, в основном без орнамента, и костями животных. О функциональном назначении каждого жилища – хозяйственного комплекса свидетельствует его инвентарь. В большей или меньшей степени в каждом из жилищно – хозяйственных комплексов городища Курлап присутствовали шлаки, запёкшиеся капли железа и фрагменты литейных форм. При этом необходимо отметить, что находки железных изделий редки (три ножа и один фрагмент от ножа). Данный факт указывает на то, что изделия из железа ценились, а «литейщики» городища Курлап занимались изготовлением железных изделий для всего микрорайона поселений по правому берегу р. Бия (Скопинцева Г.В., 2000, с.45). Следов железоделательного производства на поселении Сайлап не обнаружено, хотя на глубине 45 см. от дневной поверхности находился нож хорошей сохранности.

Анализ инвентаря позволяет сделать вывод, что хозяйство населения, оставившего данные памятники, было комплексным. Его основу составляло скотоводство. Культурный слой городища насыщен костями животных. Кости крупнорогатого скота занимали ведущее место во всех слоях Курлапского городища. Большую роль играли коневодство и овцеводство. Планиграфия и размеры городища Курлап позволяют предположить, что оно служило убежищем во время военной опасности не только для населения близлежащих поселений, но и скота (Скопинцева Г.В., 1993, с.64; Скопинцева Г.В., 2000, с.48). Охота на диких животных – лосей, косуль, кабанов также имела важное значение. Достоверных археологических материалов, указывающих на наличие земледелия пока не обнаружено. Находки курлапских зернотёрок могут указывать как на наличие собирательства, так и земледелия. О важной роли рыболовства свидетельствуют находки каменных грузил и костей осетровых рыб. Рыболовство не могло не играть важной роли для населения, проживающего на берегу большой реки. Ремёсла носили кустарный характер. Самыми развитыми были керамическое, железоделательное и резьба по кости. Находки костяной пластики были сделаны в культурном слое двух мощных кострищ диаметром до трёх метров, находящихся в межжилищном пространстве. Наряду с костяной пластикой в кострищах находились фрагменты керамики, керамические пряслица, обожжённые кости животных и костяные наконечники стрел. О важной роли прядения свидетельствуют находки керамических и каменных пряслиц. Керамика изготовлялась в каждом из раскопанных жилищно-хозяйственных комплексов двумя способами. Самым распространённым было изготовление керамики ленточным способом. Следы от пальцев присутствуют как на внешней, так и на внутренней стороне большинства сосудов. Миниатюрные сосудики выдавливались из одного куска глины.

3. Отсутствие хорошо изученных погребений данного хронологического периода не позволяет сделать полную реконструкцию социальной организации населения, оставившего эти памятники. Анализ жилищно – хозяйственных комплексов и планиграфия поселения Сайлап позволяют утверждать, что основой социальной организации была большая патриархальная семья. Одна из подобных семей проживала на поселении Сайлап I и вела хозяйство на заимках. Площадь раскопанных жилищ на городище Курлап 20-24 кв.м. Это свидетельствует о том, что у каждой малой семьи было своё жилище (Скопинцева Г.В., 2000, с.36).

Научный руководитель – к.и.н. Г.В. Скопинцева

*Этнокультурная история
Северной Азии
в эпоху средневековья*

К.В. Роганов

(Стерлитамак, Стерлитамакский государственный педагогический институт)

Реконструкция этнополитической истории Южного Урала в эпоху раннего средневековья

Эпоха раннего средневековья – эпоха активного взаимодействия этнических групп, народов, культур. В этот период истории была существенно изменена политическая карта всего мира. Не прошли эти изменения стороной и Южный Урал. В рассматриваемом регионе в данный период трансформацию традиционной политической структуры связывают с появлением совершенно новой для Южного Урала материальной культуры приписываемой этносам Южной Сибири, Центральной Азии и Приаралья. В данной работе будет сделана попытка проследить историю взаимодействия, взаимоотношений различных народов на территории Южного Урала в эпоху раннего средневековья, историю военно-политических завоеваний, смены этносов, их появления и исчезновения в борьбе за среду обитания.

Реконструкция этнополитической истории региона возможна только при применении археологического материала.

Первая половина I тыс. н.э. – время этнокультурной доминанты носителей мазунинской АК, занимавших значительную часть лесного Приуралья и в этническом плане представлявших собой продолжение финно-пермского (пьяноборского) этнического массива эпохи раннего железного века (Барынина Т.В., Иванов В.А., 1998).

Материальная культура мазунинской АК, по сути представляет собой дальнейшее развитие культуры предшествующего пьяноборского и карабызского населения, что выражается в преобладании геометрического стиля в оформлении поясных наборов, в специфическом ассортименте женских украшений (проволочные подвески, застёжки – «бабочковидные фибулы», застёжки-сюльгамы, зооморфные подвески, гривны) и даже в сохранении отдельных реминисценций пьяноборско-карабызского женского костюма (трапециевидные подвески, нарубленные из сарматских зеркал, или кольцевые пряжки) (Голдина Р.Д., 1987).

Таким образом, мазунинская культура представляет собой постепенную трансформацию населения лесного и лесостепного Приуралья без вливания в него крупных иноэтнических групп, а произошедшую лишь на основе мирного соседства с народами Поволжья, Зауралья и Средней Азии (торговля, взаимные браки, совместное проживание в буферных зонах) и взаимными влияниями на материальную и духовную культуру друг друга. Это подтверждают данные археологии – присутствие в могильниках и на городищах пушнины (мехов) из северных районов, а также стеклянных и каменных бусин ожерелий из янтаря и раковин-каури, поясных блях из тех же раковин, бронзовых застёжек и фибул южных типов, характерных для среднеазиатского региона, отсутствие импортного оружия в могилах мазунинцев, и, вообще, их низкая, судя по археологическим находкам, степень вооружения.

В середине I тыс. н.э. (эпоха Великого переселения народов, конец IV – VI вв.) в регионе появляются новые АК: неволинской (бродовской стадии) в бассейне р. Сылвы; турбаслинской – по левобережью среднего течения реки Белой (северная периферия Приуральской лесостепи); харинского и тураевского археологических типов в лесном Прикамье. Следствием этого явления было отчленение от финно-пермского массива части «мазунинцев» и образование в Бельско-Уфимском междуречье бахмутинской АК, а также распространение в лесном Прикамье харинской стадии ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1985).

Следов пребывания собственно гунно-хуннов на территории Урала пока не обнаружено, что не удивительно, поскольку на сегодняшний день на всем обширном пространстве от восточноевропейских степей обнаружено около 40 погребений (больше всего таких погребений изучено в Саратовском Заволжье), интерпретируемых в археологии как гуннские. Тем не менее, Южный Урал не остался в стороне от глобальных этноисторических процес-

сов, связанных с эпохой Великого переселения народов. В середине I тыс. н.э. в Приуралье проникает несколько групп совершенно новых для этого региона племен, своим происхождением не связанных ни с сарматами, ни с оседлыми финно-пермскими племенами лесного Прикамья. Продвижение пришельцев в регион шло двумя путями: вдоль западных склонов Бугульминской возвышенности, по долине Камы и далее на север, в леса Пермского Прикамья. Следы их пребывания в этих районах – Тураевский (Елабужский район Татарстана) и Старо-Муштинский (Краснокамский район Башкортостана) могильники. Второй путь – вдоль восточных склонов Бугульминской возвышенности, по долине реки Белой до района устьев рек Демы и Караидели. Здесь выявлена и археологически изучена группа памятников, объединенных в турбаслинскую АК (Барынина Т.В., Иванов В.А., 1998).

В IV-V вв. местное мазунинское население испытало на себе экспансию не только с востока, но и с запада. Территория Нижнего Прикамья с прилегающими районами Поволжья была занята в V-VII вв. населением именьковской культуры (этнодиагностические факторы – плоскодонные горшковидные сосуды из глины с примесью шамота и реже песка, орнамент редок – лишь в виде насечек по венчику; трупосожжение; небольшие могилы (до 1 метра)). Именьковская культура – культура оседлого населения (долголетние жилища, пашенное земледелие). Этническую принадлежность именьковцев большинство исследователей сегодня определяют как славянскую (Матвеева Г.И., 1996).

С помощью данных Тураевского и Петропавловского могильников можно реконструировать военно-политическую ситуацию в Урало-Поволжском регионе в V-VI вв. Очевидно, гуннским нашествием в Прикамье была выброшена группа населения, захваченная где-то в Западной Сибири или Центральной Азии (причем, не исключено пребывание тураевских групп населения в Причерноморье) (Богачев А.В., 1998). Пришельцы в военном плане обладали достаточно профессиональным умением, чтобы подчинить себе местные именьковские (и часть мазунинских) племена, хотя и уступали автохтонному населению по численности.

Завоеватели принесли свою культуру и силой заставили ее принять местные племена. Пришлые группы населения влились в политическую, социальную и экономическую структуру именьковцев и мазунинцев и, таким образом, составили военную прослойку общества (а также, очевидно, занимали верховное политическое положение в структуре уклада жизни местных народов). Однако в скором времени они были ассимилированы туземцами (браки с местными женщинами – рядом с могилами тураевских воинов встречаются женские захоронения по именьковскому или мазунинскому погребальному обряду (Генинг В.Ф., 1968)) и их культура со временем стала забываться и заменяться старой традиционной. Это подтверждают данные археологии – небольшой временной интервал существования памятников тураевского типа (V век) и большое число грабленных погребений (не исключено, что местные народы старались вычеркнуть из своей истории и культуры, привнесенные пришельцами обычаи, нравы и ценности). Пришедшие племенные группы не оставили после себя потомков, носителей своей культуры. После их смерти культура военных кочевников была забыта местными именьковскими и мазунинскими племенами, что и ознаменовало конец тураевской культуры.

Период IV-V вв. в археологии Урала ознаменован появлением еще одной культуры – бахмутинской. Переселение значительной части мазунинского (финно-пермского) населения на юг было вызвано появлением в Прикамье и Приуралье пришлых племен, оставивших после себя курганы Тураевского и Старо-Муштинского типа, памятники турбаслинского круга. Относительно появления данных групп на территории Южного Урала в науке идет непрекращающаяся дискуссия. Этническая принадлежность населения, оставившего памятники харинского и тураевского типа до сих пор не определена – делаются только гипотезы и предположения (Богачев А.В., 1998; Генинг В.Ф., 1976). В последнее

десятилетие XX века появился ряд работ, посвященных турбаслинской культуре. Исследователи связывают памятники турбаслинской культуры с поздними сарматами (точнее, гунно-сарматами), которые были втянуты в III-V вв. в гуннский военный союз. Сегодня идут споры по определению территории, с которой мигрировало турбаслинское население – южнорусские (Сунгатов, 1996) или Урало-Казахстанские степи (Любчанский, 2000) и по проблеме появления обряда ингумации на Средней Волге в VI веке (Казаков Е.П., 1996, 1998; Матвеева Г.И., 1996).

Конец VI – первая половина VII вв. (эпоха Тюркских каганатов) – для лесного Приуралья практически полная смена этнокультурного состава, выразившаяся в распространении в среднем и нижнем течении реки Белой памятников кушнаренковской культуры (угры Западной Сибири). С этого времени начинается угорская (древнемадьярская) экспансия на Южный Урал (Иванов В.А., 1996, он же, 1990).

В Приуралье кушнаренковские племена сыграли роль своеобразного нивелира, вытеснив оттуда носителей бахмутинской и турбаслинской АК. Однако в Прикамье в VIII в. они испытали одновременный мощный нажим со стороны двух разноэтничных этнокультурных массивов: тюрко-язычных болгар, пришедших в Волго-Камье со стороны Дона и Северного Кавказа, и лесных финно-пермских племен Верхнего и Среднего Прикамья, носителей ломоватовской археологической культуры (Иванов В.А., 1990). В результате в низовьях Камы складывается раннефеодальное государство – Волжская Булгария.

Э.П. Дворников

(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

К хронологии алтайских оградок

Оградки один из самых распространенных видов археологических объектов. При интенсивном изучении данных памятников до сих пор до конца не ясен вопрос об их хронологии. Цель публикации состоит в том, чтобы показать наиболее общие взгляды и сформировать точки зрения исследователей на эту проблему.

В конце XIX века В.В. Радлов исследуя оградки на Орхоне называет их «турецкими княжескими могилами». В 1924-1925 гг. С.И. Руденко и А.Н. Глухов (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927., С.37-52) работая на памятнике Кудыргэ называют оградки «квадратными плиточными могилами». В 1934-1937 гг. на основании исследований на Алтае, Туве, Монголии Л.А. Евтюхова предложила назвать оградки поминальными сооружениями древних тюрков (Евтюхова Л.А., 1925.). Четверть века эта точка зрения была преобладающей. Хронология оградок укладывалась в рамки существования Тюркских каганатов VI-VIII вв.

С 70-х годов начинается новый этап в изучении оградок. Благодаря применению радиоуглеродного анализа угля В.Д. Кубарев определяет верхнюю границу существования оградок – X век (Кубарев В.Д., 1978., С.93-94.)

Ю.Т. Мамадаков после исследования памятника Булан-Кобы IV, говоря о традиционной ориентировке оградок углами по сторонам света и рядов балбалов на юго-запад, относит данный памятник к периоду, не входящему в рамки государственного образования тюрков. Благодаря найденному наконечнику с раздвоенным насадом, Булан-Кобы IV датирован I в. до н.э. – II-III вв. н.э. и отнесен к гунно-сарматскому времени. Позже датировка была скорректирована и определена рубежом эр.

В 1988 году Ю.С. Худяков, проводя исследования на памятнике Ороктой, в одной из оградок обнаружил фрагмент сосуда с орнаментом, характерным для пазырыкской культуры. Кроме того, многие исследователи сходятся во мнении, что поминальные оградки существовали по-видимому и в эпоху бронзы. Проблема в том, что большинство оградок сложно

датировать из-за отсутствия датирующих предметов. Тем не менее, на современном этапе уже можно говорить, что традиция сооружения каменных оградок существовала в течении I тысячелетия до н. э. и время их бытования отнюдь не ограничивается тюркским временем, поскольку В.Д. Кубарев некоторые изваяния в оградках датирует вплоть до XIII века. Даже если брать во внимание тот факт, что изваяния могли устанавливаться позднее, оградки вполне вероятно сооружали на Алтае вплоть до монгольского времени.

Научный руководитель – д.и.н. Ю.С. Худяков

Н.Б. Крюкова

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Могильники верхнеобской культуры в устье р. Ояш

В течение полевых сезонов 1999 и 2000 гг. Приобский отряд ИАЭТ СО РАН под руководством к.и.н. Новикова А. В. проводил научно-исследовательские работы на могильниках Старобибеево-6, 7 и 9.

Памятники расположены в Болотнинском районе НСО, в 7 км к С от с. Новобибеево, в 100-150 м от края террасы правого берега р. Обь, у впадения в неё р. Ояш, в густом сосновом бору, на небольших дюнах, расстояние между которыми 70 – 100 м.

Могильники Старобибеево-6 и 7 были обнаружены А.А. Адамовым в 1979 г., могильник Старобибеево-9 – А. В. Новиковым в 1999 г. В 1991 г. на могильнике Старобибеево-6 проводил раскопки В.С. Елагин. Эти материалы опубликованы (Троицкая Т. Н., Елагин В.С., 1995, с. 199- 207).

За два полевых сезона было вскрыто 22 насыпи, в которых обнаружено 18 погребений. Поскольку все они синхронны и единокультурны, описание погребальной обрядности приводится единое по всем трём могильникам.

Могильники представляют собой цепочки насыпей, ориентированные вдоль дюн. Погребения расположены под песчаными курганными насыпями округлой и вытянутой формы. Длина и ширина насыпей колеблется от 3,5 до 10 м, высота от 0,3 до 1,1 м. Под насыпью в большинстве случаев находилось одно погребение (Ст-6, кург. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 10; Ст-7, кург. №№ 4, 5; Ст-9, кург. №№ 1, 2, 3, 5, 6) в двух случаях – два (Ст- 7, кург. №№ 3, 6), в шести случаях следы погребения не фиксировались вообще (Ст-6, кург. №№ 5, 7, 9; Ст- 7, кург. №№ 1, 2; Ст-9, кург. № 4).

Погребения совершались в могилах или выше уровня материка на 0,05 – 0,48 м. Могила длиной от 0,35 до 2,5 м и шириной от 0,2 до 1,1 м углублялись в материк на 0,04 – 0,45 м, имели подовальную, реже округлую форму. Четкой ориентации по сторонам света не прослеживается.

Основной способ погребения – труположение. Ориентацию погребенного в большинстве случаев определить трудно из-за того, что останки расположены в беспорядке и представлены не полностью. Была возможность определить положение погребенного лишь в тех случаях, когда отдельные части скелета находились *in situ*. Захороненные, судя по расположению костей, лежали на спине в вытянутом положении, руки вдоль тела.

В одном случае обнаружена яма, по форме напоминающая могильную, с двумя сосудами, однако при этом каких-либо костей в ней обнаружено не было (Ст-9, кург. № 6). В двух случаях (Ст-9, кург. № 3, погр. 1, кург. № 5) зафиксированы следы трупосожжения на стороне: здесь были обнаружены только обгоревшие кости и не обнаружено следов прокалов.

Помимо обычных курганов встречаются и поминальные. В них нет следов погребений, но под насыпью встречаются развалы сосудов, отдельные фрагменты керамики, камни, железные удила (Ст- 7, кург. № 1), угли, рвы, прокалы.

Надмогильные конструкции фиксировались только в одном случае (Ст-7, кург. №5). Были обнаружены обгорелые части деревянного квадратного погребального сооружения, размеры которого составляли 2 х 2 м. Могила, находящаяся в середине этого сооружения, ориентирована по линии СВ-ЮЗ, в том же направлении располагается и большая часть обгоревших плашек. Под ними имеются и остатки поперечных перекрытий. Остатки сгоревших деревянных конструкций слева и справа от могилы находились на 0,55 – 0,63 м ниже уровня могилы.

В насыпях встречаются следы тризн: развалы сосудов, кости животных (в основном коней), скопления жженных костей, ямы с заполнением в виде темно-серого песка с вкраплениями угля и фрагментами керамики.

Под восемью насыпями были обнаружены следы рвов. Иногда ров опоясывал курган с двух или трех сторон. Длина рвов составила до 9 м, ширина от 0,25 до 2 м, глубина от 0,25 до 1,19 м. В заполнении рвов встречаются вкрапления углей, челюсти животных, камни, развалы сосудов.

Таким образом, на основании анализа обнаруженного инвентаря (прежде всего многочисленной керамики) и деталей погребальной обрядности и на основе соотнесения их с материалами других могильников верхнеобской культуры (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 22-24) исследованные памятники можно уверенно отнести к тимирязевскому этапу верхнеобской культуры и датировать в пределах VII в. н.э.

Научный руководитель – к.и.н. А.В. Новиков

*Д.А. Судаков, Р.В. Граселиус, О.Ю. Черенищев
(Сретенск, Педагогический колледж им. Ф.В.Гладкова)*

Исследования средневекового могильника Онохтыча – 2 в полевом сезоне 2000 года

Могильник Онохтыча – 2 расположен на левой стороне одноименного ручья – притока Шилки вблизи с. Молодовск Сретенского района Читинской области. Объект был открыт в 1974 году экспедицией ЧГПИ под руководством И. И. Кириллова. К 2000 году в могильнике силами читинских археологов было вскрыто 14 погребений, материал которых от части опубликован в статьях и монографии (Асеев, Кириллов, 1984; Ковычев, Яремчук, 1998).

В 2000 году Шилкинский отряд ВАЭ ЗабГПУ в рамках полевого школьно-студенческого лагеря «Искатель», проводя комплексные работы в устье р. Онохтыча, предпринял раскопки трех погребений. Нами отмечены некоторые особенности в расположении могил, которые можно разделить на две группы. Погребения первой тремя цепочками, параллельными друг другу, оконтуривали скалистый склон сопки, имеющий юго-западную экспозицию. Вторая группа расположена восточнее – на левой стороне сухого лога, выходящего к ручью. Погребения в данном случае вытянуты по направлению север-юг, повторяя контур склона. Из этой группы раскопано самое крайнее в южном направлении оказавшееся ограбленным.

Два погребения из первой группы имели двухрядные курганные кладки овальной формы небольших размеров (240 х 370). Узкие могильные ямы были прорублены в ложбинках скальных выходов. В обоих случаях зафиксирован обряд погребения людей, лежащих на левом боку со слегка согнутыми ногами с ориентацией по западному сектору. Глубина могильных ям от дневной поверхности не превышает 90 см, в изголовьях погребенных обнаружены небольшие плоскодонные глиняные сосуды, изготовленные ручным способом. С правой стороны погребенных фиксировались наконечники стрел, ориентированные остриями на запад. В их числе: костяные, трех- и четырехгранные втульчатые со свистунками, костяные ромбовидные в сечении черешковые, уплощенные железные с круглыми костя-

ными свистунками, варианты железных уплощенных без свистунок. Из железных изделий отмечены: колчаные крючки, рамчатая пряжка, пряжка с прямоугольной бляхой, имеющей волнообразные края, нож.

Наиболее существенным компонентом погребального инвентаря явились костяные накладки сложносоставных луков. Они оконтуривали погребенных с правой стороны с общей ориентацией З–В. В первом погребении изделия представлены двумя верхними концевыми боковыми накладками, двумя боковыми центральными и двумя боковыми нижними. Верхние концевые фиксировались в районе черепа, центральные – на уровне бедер, нижние концевые – в районе голени. Во 2-м погребении наблюдается более сложная композиция. Верхние и нижние концевые накладки представлены: двумя боковыми удлиненными пластинами, массивной внешней пластиной с выгнутым основанием и внутренней узкой пластинкой удлиненно-треугольной по форме. Зафиксировано, что узкая заостренная часть пластинки примыкала к креплению тетивы лука. В то же время центральная часть обкладки состояла из двух широких боковых пластин. Внешняя поверхность накладок гладкая, хорошо отполированная, внутренняя – покрыта ромбической штриховкой. Интересно, что верхние концевые накладки длиннее нижних, что подтверждает асимметрию луков. Таким образом, материал новых погребений могильника Онохтыча – 2 расширяет наши сведения о предметах вооружения, имеющих распространение в эпоху средневековья.

У нас нет оснований пересматривать датировки погребений 6–8 вв. н.э. и принадлежность их Бурхотуйской культуре (Ковычев, Яремчук 1998г.) Тем не менее в свете собранного к настоящему времени материала по данной эпохе мы хотим указать на ряд особенностей настоящего могильника. По сравнению с другими известными объектами Бурхотуйской культуры кладки выше рассмотренных погребений следует признать небольшими по размерам. Они гораздо сильнее замаскированы под скальные выходы. Видимо этим можно объяснить крайне низкий процент ограбленных. Сосуды в погребениях Онохтыча – 2 также обладают небольшими размерами, значительно уступая известным по могильникам в Кие, Нерче, Куэнге, Курлычи. Кстати, именно крупным левобережным притокам Шилки, в остепненной части, сопутствуют крупные стационарные могильники Бурхотуйской культуры. Могильник Онохтыча – 2 является пока самым восточным «форпостом» данной культуры в Восточном Забайкалье, отражая сложную картину взаимодействия и расселения этнических групп на территории нашего края в эпоху раннего средневековья.

О.А. Смирнова

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Детские погребения могильника Заречно-Убинское-1 как исторический источник

В последнее время многими исследователями, наряду с изучением погребального обряда той или иной культуры в целом, немалое внимание уделяется в частности и детскому погребальному обряду. Тем не менее, в этой области исследований остаётся очень много вопросов, на которые нам ещё предстоит ответить. Территория лесостепной полосы изучается сравнительно недавно. Курганный комплекс Заречно-Убинское – 1 был открыт Л.Ф. Фёдоровой и обследован Э.А.Севостьяновой в 1970 году (Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980). Планомерные работы на нём стали проводиться лишь в 90-х годах В.И.Соболевым и В.Б.Малиновским.

Курганный могильник Заречно-Убинское-1 находится в Убинском районе Новосибирской области, на берегу озера Убинское, с юго-западной стороны татарского села Заречно-Убинское.

В работе были использованы материалы раскопок В.Б.Малиновского, сотрудника УК Музея НГПУ за 1991-1998гг., а так же результаты антропологического анализа погребённых из 3-х курганных групп – Заречно-Убинское -1А,-1Б,-1В. Анализ был проведён сотрудником ИАЭТ СО РАН Поздняковым Д.В.

По предварительному анализу погребального комплекса Заречно-Убинское-1Б, опубликованному в 1995г. (Малиновский В.Б.,Соболев В.И.,1995), наиболее ранние материалы датируются в пределах не ранее середины VII в., а поздние – XVII в. В погребальных особенностях, наборе инвентаря могильник содержит культурные традиции различных этнических образований, в особенности тюркские. Материалы некоторых погребений указывают на хантыйское влияние. В частности оловянная решётка. С.И.Руденко отмечал, что подобные решётки нашивали на пояс стыдливости хантйской женщине (Руденко С.И., 1914, с.25), их так же могли нашивать в качестве украшений на костюм (Прыткова Н.Ф.,1953, с.136).

Частично проблема детских погребений центральной Барабы освещалась мною ранее (Смирнова О.А.,1999, с.72). Данная работа является продолжением исследований в этом направлении. Её основной целью стало выявление возрастных групп у детей и их взаимосвязь с этапами социализации.

Всего было изучено 99 погребений из 72 курганов, из них на детские приходится 28 погребений (28,3%). В могильнике встречаются одиночные захоронения (в 8 случаях), парные – как со взрослыми (в 17 случаях), так и с другими детьми (в 5 случаях). Ориентация могил по сторонам света во взрослых и детских погребениях не имеет особых отличий. И в том и в другом случае она не однородна. В детских погребениях наиболее распространённой является ориентация по линии восток-запад (ок. 55%).

При анализе всего материала была выявлена следующая зависимость: почти все погребения детей до 3-х лет находятся в слое серой суглинистой супеси (располагается под дёрном) или на уровне дневной поверхности. Из 9 погребений этой возрастной группы лишь одно материковое. В дальнейшем, ситуация изменяется. Чем старше возраст погребённого, тем реже встречаются захоронения в серой суглинистой супеси, доминировать начинают материковые.

Возможно, это связано с тем, что до 3-х лет ребёнок ещё не мог участвовать в жизни коллектива, вследствие чего, коллектив прилагал минимум затрат по захоронению в случае его смерти. Когда ребёнок начинал помогать по хозяйству, подражая взрослым, играя и участвуя одновременно, отношение к нему менялось.

Такая ситуация находит отражение в этнографической литературе. Фёдорова, описывая народы ханты и манси, приводит следующую возрастную классификацию: 1 – до наречения имени; 2 – от наречения имени до появления зубов; после этого отношение к ребёнку менялось, в случае смерти он получал место на родовом кладбище (до этого он принадлежал к миру духов); 3- период до 3-4 лет; 4 – от 3-4 до 14-15 лет, когда ребёнок – подросток переходил в категорию взрослого (Фёдорова Е.Г.,1980, с.90.).

Элементы данной классификации могут быть применимы относительно исследуемого могильника. Самый ранний возраст погребённых – 6 месяцев. К этому времени у детей обычно начинают прорезаться зубы, и они, таким образом, приобретают полную оформленность тела. Это у народов ханты определяло границы между ребёнком-духом и ребёнком-человеком (Зенько А.П, 1997, с.86.).

Для детей умерших до 6-ти месячного возраста существовал особый обряд погребения. Так, Д.Г.Мессершмидт во время поездки по Сибири в 1720-х г.г. сообщал об обычае барабинских татар класть детей, которые умирали вскоре после рождения или рождались мёртвыми, в гроб и нести в лес. Там они срубали верхушку дерева, ставили гроб на ствол и привязывали к нему (Титова З.Д., 1976, с.122). Ханты и манси умерших детей, особенно вы-

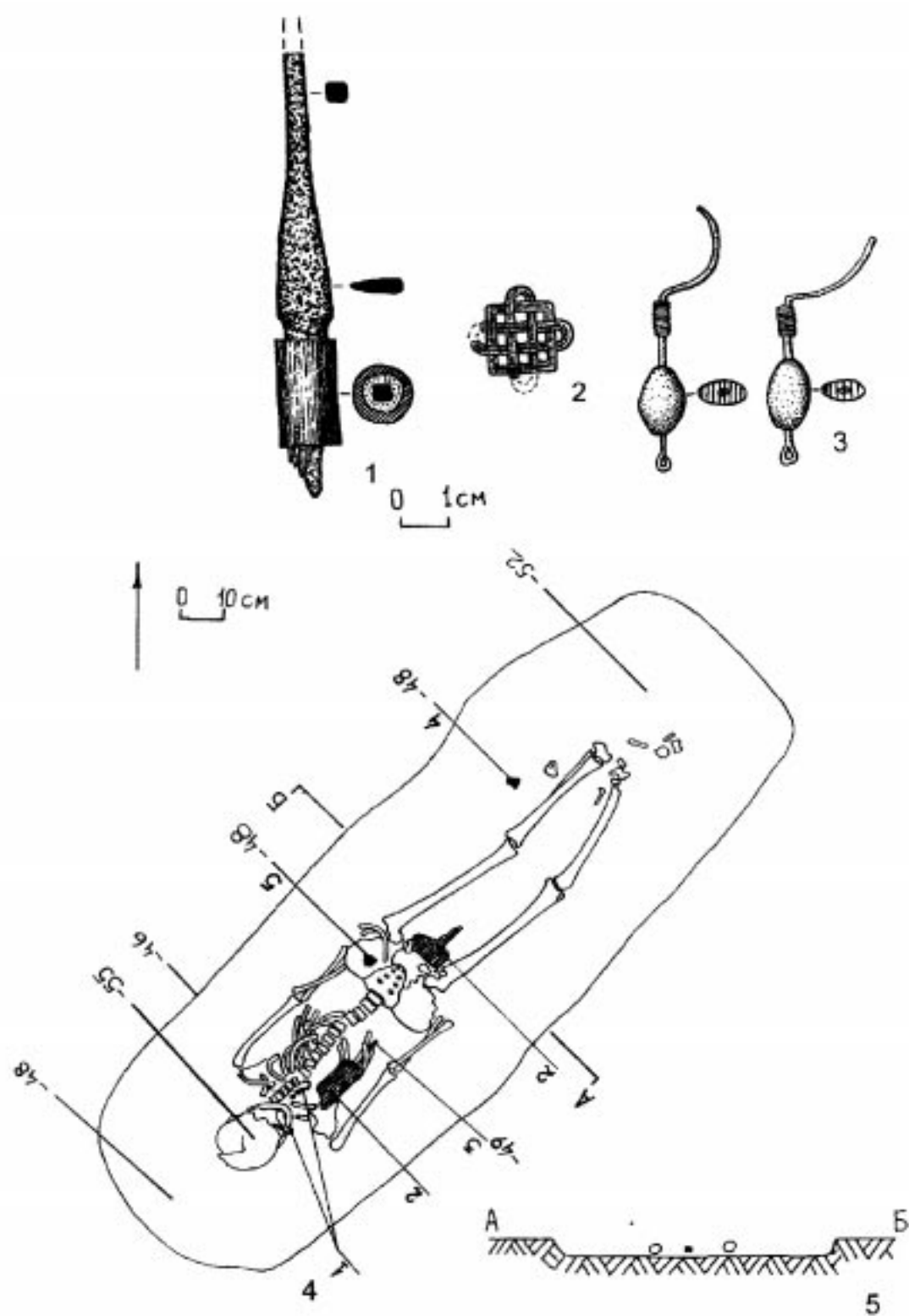

Рис.1 Заречно-Убинское-1 1В Курган15. 1 - шило, 2- оловянная решётка, 3- серьги
4 - погребение, 5 - разрез

кидышей и мёртворождённых; детей, не имеющих зубов, часто хоронили под корнями и в дуплах деревьев (Семейная обрядность 1980, с.130).

Всё это, в какой то мере может объяснить отсутствие погребений детей до 6-ти месячного возраста в изучаемом могильнике при вероятной большой детской смертности. После этого рубежа, когда у детей появляются зубы, оформляется тело, их предают земле, так же как и взрослых. Отличие может составлять теперь лишь способ погребения (в данном случае в серой суглинистой супеси или материке), сопроводительный инвентарь.

В могилах 3-4-х летних детей чаще встречается сопроводительный инвентарь, количество его возрастает в погребениях более старших возрастных групп. Первоначально он представлен фрагментами бересты (остатки могильных конструкций), затем появляются наконечники стрел, железные ножи. Последние могут быть связаны с началом производственной деятельности детей, которая осуществлялась с раннего возраста. Г.Новицкий, описывая быт остяков XVIIIв. отмечал, что остяки учат своих детей хитростям охоты «от младых ногтей» (Майков Л., 1884, с.). С раннего возраста ребёнок получал в руки нож, учился работать топором, а к 10-11 годам становился практически самостоятельным (Рейсон-Правдин А.Н., 1949, с.118). Приобщаться к труду дети начинали через игры производственного характера, например, охотничьи, которые постепенно перерастали в реальную трудовую деятельность. Так, для охотничьих игр мальчиками у манси делали специальные простые луки, которые использовались и в игре, и в обучении стрельбе по цели. В дальнейшем лук и стрелы изготовляли сами дети, причём конструкция лука постепенно усложнялась. (Рейсон-Правдин А.Н. 1949г., с.109-132) Это был своеобразный переход в сферу реального труда. Находки железных ножей, наконечников стрел в могилах детей, скорее всего, являются отражением этого процесса. В погребениях так же встречаются предметы украшения: бусы, подвески, кольца.

Наибольшее количество сопроводительного инвентаря было встречено в погребениях детей 11-12-летнего возраста, в некоторых из них были обнаружены вещи, порой единичные для всего могильника: бронзовое зеркало, оловянная решётка (уже упомянутая выше). Это позволяет сделать предположение, что именно этот возраст считался рубежом перехода в ранг взрослого или готовности ко взрослой жизни.

В целом, можно сказать, что в могильнике Заречно-Убинское-1 представлены различные возрастные категории детей. В социальном плане менее всего выделены погребения детей до 3-4-х лет. В период с 3-4-х лет характер погребений изменяется, что, видимо, связано с участием детей в трудовой деятельности. С 11-12 лет, вероятно наступал период, когда определялась готовность детей ко взрослой жизни. Именно с этого возраста в погребениях встречается многочисленный материал.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая

О.В. Зайцева

(Томск, Томский государственный университет)

Расчленённые погребения раннего средневековья Западной Сибири

В традиционном обществе существуют механизмы перевода безусловных биологических процессов (таких, например, как смерть и рождение) в условные категории. С помощью ритуала смерть «растягивается» во времени (Байбурин А.К., 1992, с.18-20). С момента наступления физической смерти до окончательного погребения и смерти «социальной» проходит определённый период, в который совершаются сложные и многообразные церемонии и ритуальные действия с трупом покойного. Результатом подобных действий в частности может стать появление расчленённых погребений – помещение в могилу преднаме-

ренно расчленённого тела умершего, причём расчленённое тело могло захораниваться как полностью, так и частично, как в одном месте, так и в разных местах. В погребальном памятнике археологически фиксируется только конечный результат погребального обряда – погребальное сооружение, могила с останками и инвентарём. В силу специфики археологического источника, а также вследствие неразработанности особой методики существуют серьёзные трудности в выявлении и интерпретации подобных способов обращения с умершими. Погребения с нарушенным анатомическим порядком костяка, с неполным набором костей археологи зачастую бездоказательно объясняют нарушением или ограблением могилы, плохой сохранностью костей. Комплексный подход (с применением методов физической антропологии и судебно-медицинской экспертизы) и тщательный анализ и фиксация всего остеологического материала, иногда позволяет установить произошло ли расчленение после смерти человека и является особой формой обращения с телом умершего или же расчленение стало причиной смерти, а также различать вторичные и расчленённые погребения. Погребения, содержащие только черепа и погребения без черепов, встречаются на территории Западной Сибири, начиная с неолита и заканчивая поздним средневековьем. Обычно погребения, содержащие только черепа и погребения без черепов трактуются, как обряд захоронения расчленённых трупов, и связываются с «культом черепа и головы» (Пелих Г.И., 1972, с.115, с.264 – 265, Посредников В.А., 1976, с.41, Чиндина Л.А., 1977, с.102 – 103, Вадецкая Э. Б., 1980, с.104, Седов В.В., 1992, с.94, Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, т.2., 1994, с.410 – 412), который объясняется представлениями о непосредственной связи реинкарнирующей души с головой – вместилищем жизненного начала.

В раннем средневековье подобные погребения известны в Томском и Новосибирском Приобье в Тимирязевском курганном могильнике I, Тимирязевском курганном могильнике II и в могильнике Юрт-Акбалык 8 (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с.106, Троицкая Т.Н., 1981, с.110), в Нарымском Приобье в могильнике Рёлка (Чиндина Л.А., 1977, с.87), в Барабинской лесостепи в могильнике Преображенка III (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., 1981, с.132). Эти погребения можно разделить на три типа: 1) Тело погребено по обычаю соответствующей культуры, но отсечённая голова помещена особо (в ногах, у груди, в особой камере могилы, среди костей жертвенных животных). 2) Помещение в могилу только головы умершего. 3) Тело погребалось по обычаю соответствующей культуры, но голова при этом отсутствовала.

Интерпретация археологически фиксируемых особенностей погребального обряда возможна только при условии широкого привлечения данных этнографии и фольклора, то есть сопоставления разных семиотических текстов, в которых дублировалась традиционная модель мира. Представление о том, что расчленение способствует возрождению, имеет очень древние корни и широко засвидетельствовано в мировом фольклоре (Пропп В.Я., 1998, с.186). Расчленение в этом смысле, как и сожжение, у многих народов означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние. Западносибирские материалы свидетельствуют, что расчленение покойного всё же совершенно особый случай и чаще всего расчленение – это обезвреживание опасного покойника. Чем более значим был человек при жизни, тем более опасен после смерти, особенно в переходный момент, когда он ещё не разорвал все связи с живыми и не достиг потустороннего мира. Таким образом, расчленение – это как бы ускорение этого перехода. Здесь интересно вспомнить мысль Л. Леви-Брюля о связи физического состояния трупа со «степенью» смерти человека: «Когда разложение закончено, то законченной, завершённой является и смерть, то есть окончательно разрывается связь между личностью и её общественной группой» (Леви-Брюль Л., 1930, с. 216). У хантов умерший считался живым до полного или частичного разрушения тела (Кулемзин В.М., 1991, с. 110). Кажущееся противоречие между расчленением, способствующим возрождению, и расчленением, способствующему обезврежива-

нию, снимается. Возрождение человека на том свете означает вместе с тем возрождение его в коллективе и коллектива через него, осуществление идеи бессмертия рода.

Существовали и представления о расчленении как препятствии к возрождению. Возможно, здесь мы сталкиваемся с более ранним мировоззренческим пластом, когда само тело и мыслилось носителем жизни (Кулемзин В.М., 1991, с. 99). Расчленение тела поверженного врага достаточно широко распространено в сибирском героическом эпосе. В ритуальном смысле сохранение жизни могло означать вовсе не помилование, а лишь нерасчленённость мёртвого тела (Головнёв А.В., 1995, с. 132). В селькупской сказке о борьбе Ичи с великаном Пюнегуссе, последнему всё же не удаётся восстать из мёртвых и после того, как Ича порубил его на куски, причём Пюнегуссе «приобрёл новую жизнь и ещё новую силу, сделавшись несравненно более могущественным, чем был ранее» (Доннер К., 1915, с. 45). Иче пришлось для того, чтобы предупредить всякую возможность повторного возрождения Пюнегуссе полностью уничтожить его тело – сжечь на костре. Здесь мы видим, что расчленение и сожжение семантически близки, причём последнее оказывается более радикальным средством. Вообще, разрушение, растерзание человеческого тела играет огромную роль в очень многих религиях и мифах. Разрушение и оживление есть источник силы или условие обожествления (см.: Пропп В.Я., 1998, с. 186-190). В вогульской сказке герой приобретает магическую силу после полного расчленения (Чернецов В.Н., 1935, с. 62).

Всё вышесказанное относится к расчленению как таковому, в работе рассматривается особый вид расчленения – отчленение головы. Выше уже говорилось об универсальности представлений о голове какместилище жизненной силы. Для народов Западной Сибири характерны представления о наличии двух или более жизненных сил или «душах». Обские угры считают, что мужчина имеет пять, а женщина – четыре «души», которые имеют разные функции и занимают разные части тела. Для нас наиболее интересна «душа – дыхание», которая после смерти человека вселялась в новорожденного того же рода. Местом обитания этой души указывается голова, и в частности, волосы (Чернецов В.Н., 1959, с. 137). Селькупская «душа – дыхание» также локализована в голове (Ким А. А., 1997, с. 27). В свете этого становится понятным особое отношение к голове поверженного врага в угорском и самодийском эпосе. Даже само слово война чаще всего упоминается с эпитетами «безвозвратная», «безголовая» (Патканов С.К., 1891, с. 97). По-видимому, головы отрубались для того, чтобы воспрепятствовать реинкарнации конкретного врага и тем самым ослабить весь вражеский род в целом. В селькупском фольклоре встречаются упоминания о том, что головы иногда отчленялись у шаманов и у людей, погибших насильственной смертью. Таким покойникам отрезали головы, варили их в котлах, а затем хоронили их отдельно от тела. Эта особенность погребального обряда связывается с представлениями о могильной «душе» – «кэдо». После смерти человека «кэдо» еще некоторое время до полного разложения тела обитала в голове, а затем превращалась в паука и уходила в землю. Но не всякий покойник имел в своей голове могильную душу «кэдо». Например, у шамана во время посвящения ее могли съесть злые духи, и вместо нее в черепе поселялся «кава-лоз» – «черт», которого после смерти шамана старались уничтожить, так как он способен нанести вред живым (Пелих Г.И., 1972, с.115-117). В угорском фольклоре упоминается и о том, что голову могли отсечь и живому человеку, если он был заподозрен в связях с «нечистой» силой. (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с.237-240). В фольклоре сохранилось и исключительное отношение к человеческому черепу как способному к самостоятельному передвижению. Так, якуты рассказывают о «тропинке» от могилы шамана до ближайшего озера, куда будто бы катается на «водопой» шаманский череп (Алексеев Н.А., 1980, с. 185). В селькупской мифологии известен чёрт в виде большой человеческой головы – Нго – нум (Селькупская мифология, 1998, с. 70). Обычай сохранения и использования в культовой практике черепов предков и шаманов был распространён у юкагиров и ненцев (Грачёва Г.Н., 1980, с. 91).

Таким образом, причиной появления расчленённых погребений рассматриваемых типов могло быть: 1) Обряды обезвреживания покойников. 2) Обычай сохранения голов и черепов предков рода и шаманов и изготовление их «ритуальных двойников». 3) Военные столкновения и особое значение человеческой головы в воинских ритуалах. Отдельные человеческие черепа в насыпях курганов могли быть военными трофеями и принадлежать убитым врагам. В ряде случаев возможно также помещение в могилу при вторичном погребении только черепа человека. Не исключается возможность и человеческих жертвоприношений, когда расчленение стало причиной смерти. Каждый отдельный случай требует детального изучения с учётом всего археологического контекста.

Научный руководитель – д.и.н. Л.А. Чиндина

А.В. Шлюшинский

(Омск, Омский государственный университет)

Специфика военного дела лесного населения Западной Сибири в средневековье

Эпоха средневековья в Западной Сибири характеризовалась бурным взаимодействием различных групп древнего населения, активным развитием этнокультурного и этносоциального плана. Лесные племена проникали в степь, и, наоборот, степное население устремлялось в таёжную зону. При этом тесно переплетались их судьбы. Шел процесс интеграции и дифференциации древних культур. Сложение и падение во второй половине I тысячелетия могущественных объединений в степях Центральной Азии вызвали массовое передвижение тюрко-язычного населения, которое захлестнуло и Западносибирскую равнину. Начался процесс, так называемой, тюркизации лесостепных районов.

Географическая среда выступает важнейшим фактором жизни общества, но степень её влияния зависит от уровня производства и социально-экономического развития. «В военной сфере природная среда выступает в качестве постоянно действующего материального фактора, от которого зависит военная техника, укрепления и в совокупности со способом производства и количеством населения образует военный потенциал общества. Природная среда выступает также в качестве театра военных действий, который определяет в зависимости от уровня социально-экономического развития, тактические особенности и временную протяженность военных действий» (Гумилёв Л.Н., 1972 с.57).

В военных доктринах всех эпох при планировании операций, независимо от их масштаба, исключительно большое значение придаётся анализу местности и географической среды в целом в театре военных действий, элементами которого являются рельеф, гидрографические условия, почвогрунты, растительный покров, климат и др.

В качестве театра военных действий рассматриваемая зона характеризовалась следующими специфическими чертами: 1) большой протяженностью закрытого пространства и ограниченной видимостью; 2) высокой степенью заболоченности (до 70%), повышенной густоты речной сети (0,2 км на 1 км² и более), как следствие этого сильным затоплением и долгим стояние паводков, что исключает, или крайне затрудняет проведение военных операций на большей части территории, по крайней мере в летнее время; 3) довольно сложным пересечённым рельефом, который в совокупности с залесённостью и заболоченностью дезорганизует сообщение и крайне затрудняет или практически исключает передвижение войск; 4) повышенными естественными защитными свойствами местности; 5) континентальным климатом, который вместе со всем комплексом природно-географических факторов предполагает сезонные ограничения размаха военных действий. Все эти особенности могли оказывать различное влияние на характер операций и сам облик военного дела (в за-

висимости от общего условия социально-экономического развития населения и в первую очередь производственной базы) (Соловьёв А.И., 1987 с.117.)

Военные формирования лесного населения – это сравнительно небольшие пехотные отряды, весьма мобильные и маневренные, умело использующие преимущества местности. Характер военных действий, судя по этнографическим, историческим и фольклорным данным, определяется внезапными набегами и нападениями. Для предупреждения от внезапных нападений на поселениях и временных стоянках использовали активные и пассивные средства оповещения о приближающемся противнике. Перед военными операциями и во время похода использовали разведку, брали пленных. На марше отряды старательно избегали излишних встреч с рассеянными по тайге коллективами промысловиков, захватывая, однако, по мере необходимости с целью получения информации одиночек, а по мере приближения к цели и небольшие группы. Важным фактором успеха была быстрота передвижения. Есть сведения, что иногда движение не прекращалось и ночью.

Зимой, когда замерзают болота и реки, и их можно без труда форсировать, серьёзным препятствием для передвижения конницы является глубокий снежный покров. Говоря об этом роде войск, можно сказать, что в исторических преданиях конница устойчиво связывается с татарами и кыргызами, совершавшими верхом набеги со стороны Кии, Тары и др. В хантыйских легендах особо говорится о гибели в болотах или засадах лошадей, а с их потерей и войска. Аналогичные мотивы есть в селькупской устной традиции, согласно которой, радикальным средством борьбы с конными отрядами татар были засады.

Конница у лесных сообществ в этих условиях вряд ли могла иметь самостоятельное военное значение, тем более, что это подкреплялось потенциалом хозяйства. Соловьёв А.И. считает, что лошадь, скорее всего, использовалась в транспортных целях. В устном народном творчестве есть упоминания о лошади, но нигде не говорится о кавалерии как о самостоятельной военной единице (Соловьёв А.И., 1987 с.110.) Для пеших походов использовались лыжи и снегоступы. Но возможно, пешие походы зимой были не частыми. Здесь причины в том, что сибирский мороз не позволял передвигаться на большие расстояния, во время марша зимой сложнее добывать пищу – охотиться. А главное остаётся демаскирующий след, по которому можно выследить нападавших (в легендах часто упоминается о погоне устроенной соседними родами с целью отомстить или отобрать невест).

Когда приходит весна, и реки вскрывшись, затопляют большие территории, вода соединяет некоторые реки, ручьи, озёра, заливая болота – ненцы и другие северные народы предпринимают захватнические экспедиции, во время которых, на лодках, заходили далеко на юг. Поэтому некоторые немногочисленные группы таёжного населения, опасавшиеся нападения со стороны воды, вынуждены были селиться на небольшом удалении от источника опасности, иногда даже роя подземный ход для выхода к воде, чтобы нападавшие не нашли тропы. Другие, более многочисленные или нашедшие очень удачное место позволяли себе поселиться на берегу. Опыт показывает, что для удержания небольшого укрепления от нападения с воды требуется во много раз меньше людей, чем для захвата.

Только летом и осенью можно говорить о продуктивных пеших военных походах.

Важным фактором, определяющим облик военных действий, является плотность населения. Род хозяйственной деятельности и биологическая продуктивность леса как экологической среды не способствовали высокой концентрации населения на единицу площади. Это обстоятельство хорошо увязывается с археологическими данными и более поздними этнографическими и демографическими свидетельствами.

Весьма показательными в этом смысле представляются и размеры городищ. Так, например, их площадь в Нижнем Приобье во 2 половине первого – начале второго тысячелетия нашей эры колеблется в пределах 400 – 1600 квадратных метров. В Томском Приобье наблюдается аналогичная картина. Разброс здесь несколько больше – от 180 до 3600 квадрат-